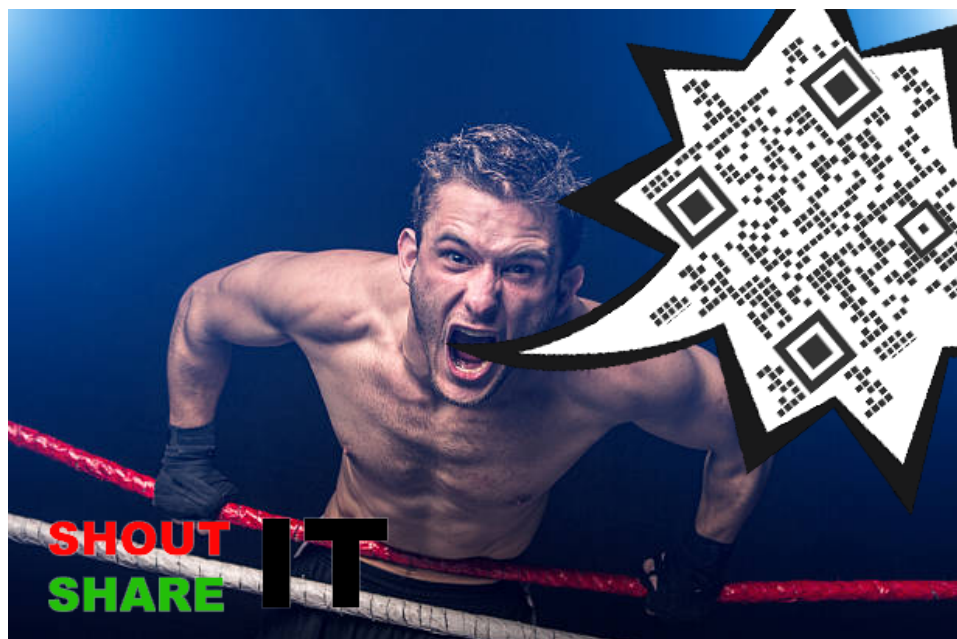

На берегах Меконга

**Федот Филиппович
Кривда**

- Кривда Федот Филиппович

Кривда Федот Филиппович

На берегах Меконга

Кривда Федот Филиппович

На берегах Меконга

Введение

В отличие от жизни гражданского человека, который самостоятельно планирует, что ему делать, как поступать в том или ином случае, судьбу военного больше определяют "сверху". Как правило, от воли вышестоящего начальника зависит то, в каком месте он будет служить. И это обстоятельство подчас служит оправданием офицера своей семье, когда его родные испытывают после переезда неудобства.

За свою продолжительную службу я никогда не отказывался от любого назначения и мои близкие никогда не сожалели, что я согласился на перемещение по службе. Душа всегда была спокойна.

Перед моим назначением в 1982 году Главным военным советником в СРВ я проходил службу в должности первого заместителя Главнокомандующего войсками Дальнего Востока. А Главнокомандующим тогда был генерал армии Говоров Владимир Леонидович. Работа была интересна, дела шли хорошо, взаимоотношения с этим умным, душевным человеком были самые лучшие, и я не думал, что мне скоро придется сменить должность.

Ранней весной 1982 года в Ставке войск Дальнего Востока проводились командирские сборы, на которые был приглашен руководящий состав Вьетнамской Народной Армии, Лаоса и Кампучии, и меня приказом Главнокомандующего войсками Дальнего Востока назначили ответственным за эту группу. Пошли разговоры, что я после сборов поеду в СРВ старшим военным советником. Видимо, это было связано с тем, что сборы прошли хорошо. Много вьетнамские, лаосские и кампучийские товарищи получили интересной и новой информации и, по их оценке, очень были довольны.

Разговоры о моем предстоящем назначении на должность Главного военного советника в СРВ меня не обескураживали. Я считаю, что мой опыт в Центральной группе войск в должности командира армейского корпуса, в МНР в должности командующего 39 армией, в Южной группе войск в должности командующего этой группой, служба в Эфиопии и служба в должности 1-го заместителя командующего Среднеазиатским

военным округом, где много внимания уделялось вопросу национальных отношений дали мне не только большую военную практику, но и научили строить взаимоотношения с местным населением.

Как участник Великой Отечественной войны много познал я и в период боевых действий в Европейских странах, в частности в ходе осуществления Моравско-Оставской наступательной операции в марте-мае 1945 года, где мне пришлось встретиться с поляками, словаками и чехами в период боевых действий. Наконец, мне очень помогло мое пребывание в должности секретаря партийного бюро партийной организации в период моей учебы в академии им. Ворошилова, так как мне надо было держать связь со всеми группами слушателей социалистических стран.

Из этих отношений я сделал вывод, что добиться уважительного, доверчивого отношения к себе представителей любой национальности можно только тогда, когда ты искренне, без фальши, живешь их интересами, глубоко и искренне уважаешь их национальные чувства, обычаи и нравы. В этом с твоей стороны не должно быть никакой наигранности, показухи и т. п. Сформировать в себе такие качества - дело необычайно сложное, но нужное. Поскольку военный человек должен быть высококультурным и образованным.

В свое время Воениздат предложил мне написать книгу воспоминаний о моем пребывании во Вьетнаме в должности старшего военного советника СРВ. Не скрою, что написать эту книгу было очень трудно. Она необычная и очень трудная в литературной обработке событий. Но благородная цель - передать свой опыт сегодняшнему поколению российских офицеров воодушевила меня на эту трудную работу.

В течение трех с половиной лет я находился во Вьетнаме и курировал, по приказу Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Т. Устинова, советнические аппараты Лаоса и Кампучии. В течение всего этого времени я вел дневник. Этот дневник и лег в основу книги "На берегах Меконга", которую я сейчас предлагаю на суд читателей.

Больше того, используя дневник, у меня появилась возможность показать динамику работы главного военного советника и его аппарата. Без дневника демонстрация динамики работы советнического аппарата и главного военного советника была бы невозможной и неубедительной. В написанной мною книге действия аппарата и главного военного советника представлены документально. Эту книгу можно было издать и в СРВ, не боясь, что кто-либо оспорит тот или иной факт из жизни

нашего коллектива.

Наименование книги "На берегах Меконга" не случайное. Дело в том, что река Меконг имеет отношение к четырем странам: Китаю, Лаосу, Капучии и Вьетнаму (частично пограничная с Бирмой и Таиландом). Она как бы объединяет эти страны в единое целое. Меконг в обычное время судоходен на 700 км от устья. В половодье - на 1600 км.

Часть первая

В жизни военного, особенно офицера, много неожиданностей и непредвиденных ситуаций. Сегодня он служит в одном месте, а завтра могут направить совсем в другое место. Причем он не имеет права возражать против решения старших начальников. В Советской Армии считалось нетактичным противоречить решению старшего начальника. В принципе, такой подход правильный. В армии на любой приказ командира подчиненный должен ответить "есть" и немедленно приступить к его выполнению. Если же каждый, получивший приказ, будет искать причины, добиваться отмены приказа, который ему не выгоден, связан с риском для жизни, с большими препятствиями, тогда и воевать некому будет. С такой "демократией" армия существовать не может. Это уже будет не армия, а неуправляемое сборище недисциплинированных, полугражданских людей.

Кто служил в армии, служит сейчас, хорошо знаком с условиями армейской службы, тот поймет справедливость этих слов.

Эти воспоминания были навеяны тем, что в середине июля 1982 года, когда у меня и мысли не было о каком-либо новом назначении - вдруг предложили должность главного военного советника в Социалистическую Республику Вьетнам.

К этому времени география моей военной службы уже была значительной. Она ложилась нелегким грузом прежде всего на жену и детей. К этому времени мы уже сменили место жительства в 27 квартирах. Эти квартиры были и маленькие и средние, и холодные и теплые, и с водой и без воды, и с канализацией и без нее, а наши дети за время учебы в средней школе сменили восемь школ в различных регионах страны. Можно себе представить, как тяжело им было каждый год начинать учебу в новой школе и в новом коллективе. Мы благодарны судьбе, что наши дети - Владимир и Любаша - были послушными и старательными. К нашему отъезду в Юго-Восточную Азию сын успел закончить Электротехнический институт связи, а дочь - факультет иностранного языка пединститута, и это облегчало нашу участь.

На сборы и переезд в Москву из Улан-Уде нам отвели несколько дней. За это время мы должны были собрать все

документы, пройти медицинскую комиссию, получить паспорта, упаковать домашние вещи и к 4 августа прибыть в Москву в Генеральный штаб ВС.

С прибытием в Москву началась обстоятельная подготовка меня в 10 Главном управлении Генерального штаба к вступлению в новую должность. За десять дней моей подготовки, время расписали буквально по минутам, были организованы встречи в ЦК КПСС, в МИДе СССР, в ГЭКС, в Главном политическом управлении, в главных штабах видов Вооруженных Сил и основных главных управлениях Минобороны. В ГлавПУРе принимал А. А. Епишев и его заместитель А. И. Сорокин, принимали Первый заместитель Министра обороны СССР, Маршал Советского Союза С. Л. Соколов, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Н. В. Огарков. На завершающем этапе подготовки меня приняли Министр обороны Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. Особое внимание он уделил вопросу координации действий советских военных советников и специалистов во Вьетнаме, Лаосе и Капучии, подчеркнув при этом, что необходимые распоряжения по этому вопросу даны по линии ЦК КПСС, МИД, ГЭКС и Министерства обороны. В последующем я убедился, насколько это было важно для согласованной работы советнических аппаратов в этих странах.

Напряженная работа, предшествовавшая прибытию в СРВ, помогла мне создать общее представление об уровне нашего сотрудничества с СРВ, ЛНДР и НРК по всем направлениям и особенно по военной линии.

По ходу подготовки к отъезду в СРВ я чувствовал, что времени для освоения всех вопросов крайне мало. Шла спешная работа и по сбору в командировку. Надо было разобрать вещи, решить вопрос с охраной квартиры, организовать оплату, бронь и собираться в дорогу. Алевтина Васильевна валилась с ног, торопясь хоть как-то успеть. Да еще куча всяких справок на нас и внучку Алечку. Хотелось перед полетом в дальнюю командировку встретиться с сыном Владимиром, дочерью Любашей, внуками, друзьями по Москве и Орджоникидзе - Калининым Виктором Викторовичем и Анной Александровной, приехавшими в Москву на несколько дней, и увидеться с начальником Политуправления МНА генерал-лейтенантом Ендондуйчиром и его супругой, в это время отдыхавшими в Архангельском санатории.

Кое-как мы собрались. Вылет был нам намечен на 16 августа. Нас пришли проводить генерал-лейтенант Буркин Борис Захарович с Ниной Андреевной, генерал-лейтенант Павлов Дмитрий Александрович с Марией Даниловной, генерал-лейтенант Сидоров Александр Георгиевич с Генриетой

Николаевной, были Калинин, сестра Верочка, сын Владимир, дочь Любаша со своим мужем Анатолием. Людей собралось очень много и надо было оказать всем внимание, на что явно не хватало времени.

В 16.00 мы выехали на аэродром. Все решили нас проводить. Провожала нас и семья Палеевых - Владимир Борисович и Зоя Митрофановна. Приехали провожать и Ендодуйчир с женой. В здании аэропорта решили организовать необходимый стол. Мы не знали, что в это время в депутатском зале находится один из членов политбюро ЦК КВП с супругой и сопровождающими лицами. Сопровождавший нас офицер подошел к нам и сообщил, что со мной хочет познакомиться член политбюро ЦК КВП товарищ Во Ти Конг и что вместе с ним находится товарищ Глазунов Евгений Павлович, представитель международного отдела ЦК КПСС. Было не совсем удобно, но делать было нечего. Мы с Алевтиной Васильевной подошли к нему. Он сидел вместе с женой и дочерью, провожавшей родителей в Ханой, отлично владевшей русским языком. Мы познакомились, поговорили. Алевтина Васильевна преподнесла жене цветы. Это была первая встреча с вьетнамскими товарищами. Летели мы в одном салоне, но ни он, ни я не могли контактировать из-за незнания языка - я вьетнамского, он - русского. Хотелось поговорить, поближе познакомиться с представителем братской страны, но что подумаешь. Языковой барьер закрывал путь к общению.

Полет совершался ночью. Первая посадка в пакистанской столице Карачи после почти 6-ти часового полета. Наша внучка (У нашего сына умерла жена. Осталось две девочки, которых мы удочерили) неплохо устроилась на коробках с диппочтой и спокойно спала. Наконец, включился транспорант, извещавший о снижении самолета и предстоящей посадке.

Через 30 минут наш Ил-62 мягко приземлился в аэропорту Карачи. Видимо, недавно прошел дождь, стояли лужи и сильно парило. Выходить из самолета было запрещено, но с разрешения экипажа можно было выйти на верхнюю площадку трапа. На ней немного продувал ветер и дышалось легче. Мы наблюдали за четкой работой всех аэродромных служб. Буквально через несколько минут наш самолет облепили машины и обслуживание самолета: заправщики, машины с контейнерами для подачи питания, для уборки мусора и т. п. Через час мы были готовы к взлету. До Бомбея, где намечалась следующая посадка, всего лишь полтора часа полета. Это время прошло незаметно и наш самолет благополучно приземлился. Шел дождь. Через специальный трап, соединявший самолет с аэровокзалом галереей, нас сопровождали в аэровокзал, где была возможность

немного погулять. В зале было множество ларьков с различной утварью. Продавцы предлагали различные сувениры, но никто их не покупал. У нас не было долларов и другой иностранной валюты.

Самолет с вылетом несколько задержался. Но спустя полтора часа нас все же пригласили в самолет. Алечка продолжала спокойно спать, не чувствовала ни посадки, ни взлета.

В самолете, когда перелет длится 15-16 часов, есть время подумать о многом. Я вспомнил, что прочитал о Вьетнаме, в частности, о реке Меконг. Беря свое начало с ледников Тибета примерно в 50 км северо-западнее горного селения Чандо (южный склон хребта Танчае), она несет свои воды через территорию Китая, Таиланда, Лаоса, Кампучии и Вьетнама. В своем среднем и нижнем течении, вобрав в себя воды многих притоков, своим могучим в нижнем течении связывает братские страны, строящие социализм - Вьетнам, Лаос и Кампучию в единое целое являясь для них важнейшей транспортной артерией.

Берега Меконга плодородны, приносят людям обильные урожаи и радость. Но не всегда Меконг дает надежду и счастье. Часто в результате сильных ветров, дующих с Сиамского залива, Меконг начинает течь вспять, заливая огромные территории, уничтожая посевы и жилища.

В 1300 г., в период расцвета Камбоджийского государства, наводнение принесло такие бедствия кхмерам, что после этого начался упадок могущества Камбоджи. Соседи приминули воспользоваться этим бедствием, развязав войну против Камбоджи. Им удалось отторгнуть часть земель камбоджийского государства и ослабить его могущество.

До Ханоя оставалось еще почти 5 часов полета. Мы шли за облаками, иногда самолет потряхивало, но это обычное явление. Лететь уже надоело. Хотелось поскорее посмотреть страну с самолета, думалось о предстоящей встрече с вьетнамскими друзьями, с главным военным советником при Министерстве обороны СРВ генералом армии Обатуровым Геннадием Ивановичем, с генерал-лейтенантом Павловым Петром Кузьмичем и другими. Нетерпелось встретиться на братской вьетнамской земле с заместителем НГШ ВНА генерал-лейтенантом Лен Гок Хиеном и полковником Генерального штаба товарищем Чандо, с которыми довелось познакомиться ранее. Чандо прекрасно владел русским языком и вызывал общую симпатию. С Лен Гок Хиеном и полковником Чандо мы познакомились в Улан-Уде весной 1982 года на совместном сборе. Знакомство состоялось и с другими товарищами из СРВ, так как вьетнамскую делегацию по поручению Главкома войск

Дальнего Востока генерала армии Говорова Владимира Леонидовича поручили курировать мне.

Вот, наконец, стали пролетать над территории СРВ. К нашему удовлетворению облачности почти не было. Хорошо просматривались покрытые густым лесом горы, долины, населенные пункты, дороги и озера. Я обратил внимание, что на территории Вьетнама много озер. Ландшафт был притягательным, красивым и меня это настраивало на хороший лад. Вообще я неравнодушен к природе и очень люблю смотреть на горы, покрытые лесом, зеленые долины и озера. Самолет пошел над долиной Красной реки и начал снижаться. Кругом зеленые поля, рисовые чеки, залитые водой, бесчисленное множество сел, утопающих в зелени и густая сеть узких дорог и дорожек. По мере снижения можно разглядеть крестьян в соломенных шляпах, работающих на полях.

В полдень, с опозданием на 30 минут, самолет приземлился. Поле аэродрома было влажным, а вдоль взлетной полосы было много луж. Яркое солнце согревало землю и при выходе из самолета сразу чувствовалась горячая влага, обдавшая нас как в хорошей парной.

Хорошо, что я своевременно заметил встречающих, находившихся без галстуков, в легких белых навывпуск рубашках, без головных уборов. Но так были одеты советские товарищи, а вьетнамские были в форме. У трапа самолета они выстроились в одну шеренгу. Старшим при встрече был член ЦК КПВ, заместитель министра обороны СРВ генерал-лейтенант Чан Ван Куанг. Рядом, к моему большому удовлетворению, стоял исполняющий обязанности начальника Генерального штаба ВНА генерал-лейтенант Лен Гок Хиен, мой знакомый. Встречал и заместитель МО СРВ, заместитель начальника Главного политического управления генерал-майор Данг Ву Хиеп. Мы поздоровались. Здороваясь с Лен Гок Хиеном, не удержался спросить, где находится полковник Чандо. "Вы еще не один раз встретитесь с ним", - доброжелательно ответил он. Видимо, ему было приятно, что я хорошо помню полковника Чандо, как и его.

Затем мы тепло встретились с генералом армии Геннадием Ивановичем Обатуровым, которого мне предстояло сменить на должности главного военного советника в СРВ. Его я хорошо знал еще по совместной службе в ПрикВо и когда он работал заместителем Главного военного инспектора ВС СССР. Тепло поблагодарив за встречу, мы зашли в помещение для гостей, где нас угостили чаем. Вьетнамские товарищи интересовались, как мы перенесли полет и как себя чувствуем. Я ответил, что все хорошо, хотя моя рубашка была уже мокрой и градом продолжал

катиться пот. Но это меня не обескуражило. Подобное мы встречали на побережье Эфиопии в районе долины Даникиль, самом жарком месте на земле, где температура воздуха доходит до семидесяти градусов по Цельсию, а мокрым становишься через пять минут после выхода из вертолета. Геннадий Иванович, видимо, решил меня сразу акклиматизировать, предложив ехать с вьетнамскими товарищами машиной, а сам возвратился в Ханой вертолетом. "Заодно посмотрите дорогу и мост через реку Красную, который так хотели разрушить бомбежками американские колонизаторы". Я не возражал, да и хотелось поближе познакомиться с генерал-лейтенантом Чан Ван Куангом. Мы уселись в машину и двинулись на Ханой. Дорога узкая, по обе стороны дороги незнакомые мне деревья с редкими ветвями. Я спросил, что это за деревья. Переводчик мне ответил, что это железное дерево.

Ехали больше часа. Я интересовался тем, как сажают рис, сколько раз его убирают на протяжении года, подчеркнув трудоемкость этой культуры без введения механизации, как это делается у нас. Наблюдая за населенными пунктами, одеждой крестьян, я для себя сделал вывод, что нелегко еще живется вьетнамскому крестьянину, 30 лет отдавшему все для борьбы за свою свободу. Это потребовало максимального напряжения духовных сил, величайшего патриотизма народа, сплоченности вокруг славной КПВ и ее лидера генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана. Это потребовало мобилизации всех экономических возможностей страны и военного потенциала. Советские люди всегда внимательно следили за развитием братских социалистических стран, хорошо знали их успехи и трудности, старались помочь им в их развитии. Мне много говорили в Москве о нашем бурно развивающемся экономическом сотрудничестве с СРВ и тех трудностях, которые временно переживает вьетнамский народ. Сейчас, наблюдая окружающее, я понял, что вопросы экономики встали перед вьетнамским народом во весь рост. Естественно, мы об этом с товарищем Чан Ван Куангом не говорили. Это было бы преждевременным, без достаточного знания обстановки в стране. На пути к мосту через реку Красную водитель то и дело подавал сигналы, предупреждая многочисленных велосипедистов. Они двигались по дороге почти сплошным потоком и надо было обладать большим искусством управления машиной, чтобы избежать ЧП.

Вскоре мы увидели мост. Это металлическое сооружение из разнопролетных ферм. Чан Ван Куанг сообщил мне, что одна ферма моста была разрушена американскими самолетами, но ее быстро восстановили. Мост был построен по проекту знаменитого

инженера Эйфеля. В центре моста железнодорожная колея, а справа и слева от нее полосы для машин, велосипедистов и пешеходов. Движение по мосту шло сплошным потоком в обе стороны. Ведь это единственный мост, соединяющий оба берега реки Красной. Иногда для проезда по мосту затрачивается около часа времени, особенно если какая-либо машина по неисправности (а таких встречается немало) заглохнет на мосту. Ниже по течению реки просматривались железобетонные опоры. Я спросил у товарища Чан Ван Куанга, что это за опоры? Оказалось, что строится с нашей помощью новый мост, он позволит нашей помощью новый мост, он позволит надежно соединить оба берега реки и разрядить напряженность в движении транспорта и пешеходов. Следуя в машине по городу, я наблюдал ту же картину сплошного потока велосипедистов. Можно было подумать, что весь город движется на велосипедах. Автомобили попадались сравнительно редко.

Вскоре мы приехали в гостиницу Ба-Ба. Ба-Ба - это по вьетнамски 33, т. е. номер гостиницы. Нас расположили в большом номере, состоящем из одной комнаты. Но мы не огорчились. В номере был кондиционер, поддерживающий более или менее нормальную температуру. Расположившись в гостинице и приняв душ, мы пошли на обед. Стол был рассчитан на восемь человек, но нас это вполне удовлетворило. Мы питались вместе с адъютантом, который был с женой, дочерью, да нас трое - жена, внучка и я. Стол был накрыт белой скатертью, работал кондиционер. Обстановка вполне нормальная. Подали суп, а затем второе и фрукты. Все было приготовлено вкусно и не отличалось по вкусовым качествам от русской кухни. Это нас обрадовало и успокоило. Свежие бананы пришлось всем по вкусу, особенно детям.

К 16.00 поехал в штаб, как договорились с Геннадием Ивановичем Обатуровым о дальнейшей работе. Штаб главного военного советника размещался в четырех небольших двухэтажных зданиях. Здания были мало приспособлены для работы, плохо отремонтированы и плохо меблированные. Единственным их достоинством было наличие кондиционеров, что позволяло поддерживать в помещениях нормальный температурный режим. Кабинет главного военного советника помещался на втором этаже. Перед входом в кабинет находилась небольшая приемная для адъютанта и переводчика, затем комната-кабинет для главного военного советника и туалет. В целом это вполне могло удовлетворить потребность человека. Геннадий Иванович к моему приезду разработал тщательный план по знакомству меня с обстановкой и делами. Поговорив о

плане работы с 17 до 28 августа, мы приступим к делу. Работу начали с изучения штатов аппарата военного советника и характеристики деловых и политических качеств советских генералов и офицеров. Это заняло у нас до четырех часов времени. Зная умение Геннадия Ивановича объективно оценивать людей, я внимательно прислушивался к нему и делал пометки в рабочей тетради. Затем мы перешли к изучению военно-политической обстановки в стране и положения на северной границе СРВ и КНР. Это заняло еще около двух часов времени.

В перерыве между разговорами Геннадий Иванович представил меня советническому аппарату, который был собран в классе одного из зданий. К 20 часам мы поехали в советское посольство, где нас ждали советник-посланник Огнетов Игорь александрович, секретарь парткома посольство Солодовников Аркадий Александрович. Встреча прошла непринужденно, говорили о самых общих вещах, не касаясь больших проблем. Просто было знакомство, как говорится, за чашкой чая.

Вскоре должен был возвратиться из отпуска Чрезвычайный и полномочный посол СССР в СРВ Чаплин Борис Николаевич и, видимо, Огнетов оставил возможность ввести меня в курс дел ему. К 22 часам мы попрощались и разошлись. Мне понравились все товарищи, с которыми я встретился. Это были простые люди, выполняющих интернациональный долг в братской стране. Геннадий Иванович хотел продолжить работу, но я напомнил, что в самолете спать не пришлось, да еще не известно, как чувствует себя моя семья. "Да! Я совсем забыл, что вы всю ночь летели". Я не обиделся на Геннадия Ивановича, зная его неугомонный характер.

В последующие дни, вплоть до 22 августа, включая субботу и воскресенье, мы продолжали знакомиться с делами. Было уделено большое внимание изучению кадров, особенно офицерских, проблем, связанных с их подготовкой, изучению состояния армий государств Юго-Восточной Азии, мы также изучали проблемы, связанные с разработкой пятилетнего плана Вьетнама и плана развития этой страны на 1982 год, которые к этому времени еще не были утверждены и требовали серьезной корректировки. Поговорили о проблеме введения единоначалия, разработки мобилизационного и оперативного планов, совершенствования системы обороны на северном стратегическом направлении, разработке программ обучения для вузов и войск, их освоению, разработке уставов ВНА и массе других вопросов.

Надо сказать, что Геннадий Иванович в совершенстве владел обстановкой, но все время подчеркивал трудность проведения задуманного в жизнь. Многие крупные проблемы, которые не

успел решить Геннадий Иванович, теперь предстояло решить мне. Я должен был убедить вьетнамских товарищей в необходимости введения в Армии Вьетнама единоначалия, разработке мобилизационного оперативного плана, а также разработке 14 уставов, о необходимости ввести закон о наказаниях за воинские преступления, ввести в действие положение о безопасности полетов, о разграничении функций между вьетнамскими и советскими советниками в Кампучии, наладить подготовку летно-технического состава и т. п. Все эти вопросы и проблемы должны были решать сами вьетнамцы с нашей помощью. Я понимал, что все это потребует огромных усилий советнического аппарата, и моих лично.

Геннадий Иванович волновался. Представление меня МО СРВ члену политбюро ЦК КВП генералу армии Ван Тиен Зунгу должно было состояться до 22 августа, а на 28 августа был согласован прием у генерального секретаря ЦК КВП товарища Ле Зуана. В связи с проведением заседания ЦК КВП в Хошимине МО СРВ принять генерала армии Обатурова и меня не смог и мы решили лететь в Хошимин.

В 7.00 23 августа 1982 года мы взлетели с Ханойского аэродрома и взяли курс на Хошимин. Погода позволяла видеть побережье и я внимательно всматривался в его очертания. Через два часа сорок минут мы были в Хошимине и сразу направились в резиденцию Ле Зуана. Он находился под Хошиминском на вилле. Климат юга Вьетнама несколько суше и более благоприятный для человека, и он должен был способствовать укреплению здоровья Ле Зуана.

Естественно, я очень волновался. Ведь это не просто встреча с кем-либо, а с генеральным секретарем ЦК КПВ, да еще в первый раз. Ле Зуан встретил нас на веранде, пожал нам руки и пригласил сесть в кресла к небольшому столику. Принесли воду, разлили в бокалы пиво и поставили по рюмке красного вина. На столе стояли фрукты, которые в большинстве своем были мне неизвестны. Мы поинтересовались здоровьем Ле Зуана. Он ответил, что чувствует себя нормально. Затем он стал говорить о сотрудничестве между нашими странами, партиями и правительствами в различных областях, в том числе экономической и военной. Говоря об экономическом положении в стране, он подчеркнул необходимость больше и рациональнее использовать пахотные земли, так как только в двух провинциях юга 4 000 000 га земли, пригодной для возделывания риса и других культур, не используются, некому обрабатывать. Говорил о слабом участии сельского населения юга в решении продовольственной программы. По его заявлению, крестьяне юга

работали всего лишь 100 дней в году, а на севере - до 250-300 дней.

Предложил мне подумать о перспективах участия армии в решении вопросов сельского хозяйства и промышленности. Речь шла о том, чтобы три месяца в году привлекать вьетнамские войска для уборки урожая и решения других сельскохозяйственных задач. Он дал высокую оценку помощи Советского Союза в области экономического развития и военного сотрудничества. Тепло поблагодарил генерала армии Обатурова за проделанную работу как главного военного советника и пожелал ему счастливого возвращения на Родину, здоровья и счастья. Геннадий Иванович тепло поблагодарил Ле Зуана за то, что при всей его занятости государственными и партийными делами сумел найти время принять нас. Он пожелал Ле Зуану здоровья и успехов в его нелегком труде по руководству партией и страной.

Затем я поблагодарил товарища Ле Зуана за возможность представиться. Заверил его, что не пожалею сил для оказания помощи ВНА, в повышении ее мобилизационной и боевой готовности. Ле Зуан поднял рюмку с вином и предложил выпить за наше здоровье. Он очистил от кожуры какой-то плод, который я видел впервые, и подал мне. Это был знак особого уважения и я с благодарностью принял его. Должен сказать, что этот жест внимания запомнился мне на всю жизнь.

После чашки чая мы поднялись вслед за Ле Зуаном и в его сопровождении подошли к ступенькам виллы. Он по очереди обнял нас и пожелал успехов в нашей работе. Мы в свою очередь еще раз пожелали ему крепкого здоровья и больших успехов.

В ходе беседы я отметил в своем сознании попросту, доступность и обаятельность руководителя КПВ, страны, его ясный ум и умение в короткое время поднять большие вопросы международной обстановки, осветить внутреннюю жизнь страны и проблемы, стоящие перед ней.

Никуда не заезжая, как нам предполагалось, мы поехали на аэродром. По плану мы должны были через час совершить поездку в Пномпене, где нас уже ждали кампучийские, вьетнамские и советские товарищи. Погода стояла хорошая, под самолетом хорошо просматривались рисовые поля, залитые водой. Геннадий Иванович отметил, что еще год назад эти поля далеко не все обрабатывались, а сейчас они все возделаны. Значит население начинает возвращаться в эти края после полпотовского геноцида.

На аэродроме нас встретил министр обороны Кампучии Бут Хонг, начальник Главпура Сойкэу, главный советник ВНА

полковник Май Суан Тан, исполняющий обязанности старшего советского военного советника полковник Новожицкий и советник при Главпуре заместитель главного военного советника по политической части полковник Смирнов. С аэродрома мы поехали в Генеральный штаб. Там уже ждал нас министр обороны НРАК Бут Хонг со своими товарищами.

Геннадий Иванович поблагодарил министра обороны за сотрудничество, представил меня как нового главного военного советника при ВНА. Бут Хонг поблагодарил за оказанную помощь, пожелал Геннадию Ивановичу благополучного возвращения на Родину, здоровья и счастья. Затем он тепло приветствовал меня по случаю моего прибытия на должность главного военного советника и пожелал успехов в работе.

После встречи у МО Кампучии мы нанесли визит вьетнамским товарищам. Принимал нас полковник Май Суан Тан. Беседа носила общий характер. Никаких проблемных вопросов не обсуждалось, хотя они были. Именно в Кампучии создались некоторые трудности в согласовании действий советских и вьетнамских советников, и надо было обсудить вопрос разделения функций между советскими и вьетнамскими советниками, не разрушая тесного взаимодействия между ними.

Затем мы были приняты Чрезвычайным и полномочным послом Советского Союза в Кампучии Басториным Олегом Владимировичем.

Молодой, подтянутый, с хорошими манерами, умный и проницательный, он произвел на меня хорошее впечатление. О его всесторонних способностях говорил мне Геннадий Иванович еще до встречи с послом. Чувствовалось, что Геннадий Иванович с уважением относится к этому человеку. Мы обсудили положение в Кампучии, обменялись мнениями. Собственно говоря, обменивались Геннадий Иванович и Басторин Олег Владимирович, а я больше слушал.

Затем состоялся прием. Выступил с тостом МО Кампучии Бут Хонг, который поблагодарил советских и вьетнамских товарищей за помощь, за сотрудничество. Затем выступил с тостом Геннадий Иванович. На этом прием закончился. На приеме чувствовалась какая-то настороженность, напряженность...

Отлет в Лаос был намечен на 7.00 утра 25.08.1982 г. Об этом знали кампучийские, вьетнамские и советские товарищи. Все на аэродром прибыли своевременно, кроме кампучийцев. Мы ждали их 40 минут, но никто так и не прибыл. Можно было подождать еще, но нас ждали в Лаосе, а там тоже было все расписано по часам. Только когда самолет стал выруливать для взлета, кто-то из кампучийцев появился на аэродроме...

На аэродроме во Вьетнаме нас встретили лаосские товарищи, представители нашего посольства и исполняющий обязанности главного военного советника при министерстве обороны ЛНДР полковник Кацирашвили Амзар Сергеевич. С аэродрома мы поехали в министерство обороны. У входа в здание министерства обороны нас тепло встретил министр обороны Лаоса генерал армии Сипфандонг Тхамтай. Затем мы прошли в помещение, где уже находились начальник Генерального политического управления генерал-лейтенант Сифон и заместитель МО ЛНДР генерал Самсак. Состоялась дружеская беседа. МО Лаоса сердечно поблагодарил генерала армии Г. И. Обатурова за тесное сотрудничество, за постоянную помощь в решении вопросов сотрудничества НАЛ.

Тепло поговорили о работе наших военных советников, о хороших взаимоотношениях между командованием Народной Армии Лаоса, нашими и вьетнамскими товарищами.

Геннадий Иванович представил меня руководству министерства обороны. После теплой встречи мы были приняты послом Вьетнама в Лаосе, где находился и главный военный советник ВНА полковник Хоа, провоевавший в Лаосе более 22 лет. Это замечательный воин.

В 15.00 25.08.1982 г. мы вылетели обратно во Вьетнам и в 17.40 были на Ханойском аэродроме. Возвратившись в Ханой, мы опять работали над изучением намеченных вопросов. Геннадий Иванович освещал положение дел о сотрудничестве между обеими сторонами.

На следующий день к 8.00 нас пригласили на встречу с министром обороны СРВ генералом армии Ван Тиен Зунгом. Эта встреча была практически рабочей. Министр обороны как бы подытожил деятельность советнического аппарата, возглавляемого Г. И. Обатуриным и нарисовал перспективу дальнейшей совместной работы. Я понял, что это было сделано специально. В подведении итогов он тепло говорил о деятельности советнического аппарата, но вместе с тем подчеркнул, что не все проблемы решены.

Вечером состоялся прием по случаю убытия Геннадия Ивановича в СССР и моего назначения на эту должность. Перед приемом мы собрались в гостиной. Началась церемония награждения Геннадия Ивановича. Он награждался орденом "За службу Родине" 1-й степени и медалью "За Дружбу". Все было очень торжественно. Теплую речь произнес Ван Тиен Зунг. С ответным словом выступил генерал армии Обатуров. Затем состоялся ужин. С тостом выступили МО СРВ, Г. И. Обатуров, командующие видами ВС ВНА, выступил и я. Все прошло хорошо.

На этом ужине мы с Алевтиной Васильевной познакомились с женой МО СРВ Тхе Ки. Это была уже немолодая женщина, скромная, сохранившая свежесть лица. Она произвела хорошее впечатление. Прощаясь, МО СРВ выразил желание вновь встретиться со мной в рабочем порядке. Я поблагодарил за предоставленную возможность. Какие вопросы будут обсуждаться, он не сказал и я понял, что ему просто хочется поближе познакомиться.

С утра 27.08.1982 года была намечена встреча с председателем Совмина СРВ Фам Ван Донгом. Мы прибыли к президентскому дворцу к 10.00 утра и нас сразу пригласили на встречу. Я никогда до этого не встречался и не видел Фам Ван Донга. Мы вошли в небольшой зал, где нас он встретил. Вначале доложил Геннадий Иванович, а затем представился я. Он поздоровался и пригласил сесть. Геннадий Иванович выразил сердечную благодарность за внимание, за поддержку в работе, за высокие награды, пожелал Фам Ван Донгу крепкого здоровья и больших успехов в работе. В ходе своего выступления он представил меня, осветив мой служебный путь. Затем говорил Фам Ван Донг. Он тепло отзывался о сотрудничестве между нашими партиями, странами в различных областях, поблагодарил Геннадия Ивановича за проделанную работу, пожелал ему больших успехов и крепкого здоровья. Он приветствовал меня как нового главного военного советника, пожелав мне больших успехов в работе, здоровья и благополучия. Несколько слов сказал и я, поблагодарив за возможность представиться, заверив, что я не пожалею сил для выполнения своего служебного, партийного и интернационального долга. Товарищ Фам Ван Донг попросил передать Д. Ф. Устинову и нашему правительству, что они довольны работой Геннадия Ивановича.

Вечером дал прием Геннадий Иванович. На приеме выступил Чрезвычайный и полномочный посол СССР в СРВ Б. Н. Чаплин. Он говорил о сотрудничестве между нашими странами, о проделанной работе с генералом Г. И. Обатуровым.

На следующий день мы проводили Геннадия Ивановича в Москву. Итак, прием дел и должности состоялся. Теперь надо было все проанализировать, взвесить, собраться с мыслями, уточнить план работы, внести необходимые коррективы, исходя из тех задач, которые вырисовывались в ходе бесед с Г. И. Обатуровым, с вьетнамскими и лаосскими товарищами, и тех сведений, которые я успел получить за этот короткий период и приступить к его выполнению. Уточнение плана работы до конца 1982 года оказалось делом весьма сложным.

Полученной информации оказалось недостаточно и это я

сразу почувствовал, оставшись наедине со своими мыслями. Оперативно это можно было сделать в ходе заслушивания советника при начальнике Генерального штаба ВНА генерал-лейтенанта Ж. К. Кереева, советника при начальнике Главного оперативного управления генерал-майора Н. Ф. Шмаль, советников при видах и родах войск, при командующих военных округов и армейских корпусов, при военных академиях и училищах, при политуправлении и тыле ВНА.

Для этого потребовалось еще несколько дней кропотливой работы. В ходе заслушивания меня интересовали вопросы, связанные с данными о группировке китайских войск и характере их боевых действий на северном стратегическом направлении, группировке вьетнамских войск, характере обороны и оборонительных действий соединений и частей ВНА на этом направлении, состоянии сил и средств ПВО, ВВС и характер их боевых действий, состоянии вооружения и техники, состоянии тыла ВНА, связи и управления, политикоморального состояния войск и воинской дисциплины, характере взаимоотношений между вьетнамскими товарищами и советскими военными советниками и специалистами и т. п.

Вполне понятно, что в ходе заслушивания освещались и другие вопросы. Было бы утомительно излагать содержание докладов. Хочу только отметить, что они были в подавляющем большинстве квалифицированными и мне удалось в значительной степени пополнить свои знания многими данными и шире взглянуть на положение в ВНА. Но меня взволновали заявления некоторых советников и военных специалистов, что нашими предложениями и рекомендации вьетнамскими товарищами не всегда принимаются доброжелательно, а иногда и отвергаются. Об этом мне говорил и Геннадий Иванович Обатуров. Достаточно сказать, что пятилетний план строительства ВНА, разработанный советскими военными советниками и специалистами под руководством генерала армии Г. И. Обатурова, оставался не утвержденным министерством обороны ВНА, хотя уже шел второй год пятилетки.

Вьетнамским товарищам настойчиво предлагалось ввести в ВНА единоначалие по нашему советскому образцу, но руководство страны и Вооруженных Сил не торопилось его вводить.

Советские товарищи предлагали принять закон о наказании военнотружущих за воинские преступления, но ко времени убития Геннадия Ивановича он не был принят. Не было принято положение о разграничении функции между вьетнамскими и советскими военными советниками в Кампучии и Лаосе, что

серьезно сказывалось на их взаимоотношениях. И, наконец, не был разработан оперативный и мобилизационный план, так необходимый для страны и ее вооруженных сил.

В чем дело, где причина такого отношения, кто повинен в этом? Надо было тщательно разобраться. А ларчик, как говорится, открывался просто, все эти вопросы разрабатывались без активного участия вьетнамских товарищей, без учета их мнений.

Много было и других нерешенных вопросов. Учитывая то, что Вьетнамская кадровая Армия только создавалась, многие проблемы нельзя было решить за такой короткий срок, и это должен был понимать и я, как главный военный советник и весь наш аппарат советников.

Мне уже было известно, что вьетнамское военное руководство, возглавляемое членом Политбюро КПВ, министром обороны СРВ генералом армии Ван Тиен Зуангом, завершают разработку вьетнамской военной доктрины, которая почти полностью основывается на историческом опыте борьбы вьетнамского народа за свободу и независимость своей страны и почти не учитывает опыт 2-й мировой войны и опыт Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941- 1945 годов. Первоначально, по известным причинам, я не располагал сведениями по этому вопросу и ничего определенного не мог сказать, но это обстоятельство заставило меня прийти к выводу о необходимости как можно быстрее изучить исторический опыт борьбы героического вьетнамского народа с китайскими, монгольскими, французскими, американскими и другими завоевателями, пытавшимися поработить страну и ее народ.

Одно время мне казалось, что я неплохо осведомлен по Китаю и правильно представляю его историю, обычаи и нравы его народа. Но вот мне посчастливилось получить из рук моего друга генерал-лейтенанта Сидорова Александра Георгиевича уникальную книгу, написанную немецким исследователем Китая Э. Гессе Вартегга "Китай и китайцы". Она была издана на русском языке в Петербурге в 1914 году. Изучению Китая, его истории, нравов и обычаев народа, его психологии и других вопросов автор посвятил 25 лет. Он исключительно талантливо, исторически последовательно показал многогранные аспекты становления китайского государства, эволюцию развития экономики, культуры, науки, общественного строя и военного дела. Он раскрыл психологию, обычаи и нравы китайцев до мельчайших подробностей, прочитав этот труд, ты скажешь себе, что раньше ничего, или почти ничего не знал о Китае и китайцах, а сейчас ты знаешь о стране и ее народе многое. Я употребил выражение "эволюция развития" не случайно. Китай, являясь одним из

древнейших государств мира, давший человечеству немало великих открытий и изобретений, но в XIX веке и начале XX века развивался медленно, в силу удивительной привязанности к сохранению всего национального, уже существующего, установившегося.

Китайцы, по утверждению автора, почти игнорировали достижения европейских государств в области науки, культуры, промышленности и сельского хозяйства. Всему миру были известны достижения китайцев в производстве шелка, чая и других видов товаров, которые были вне конкуренции по количеству и качеству, но когда Европа начала производство шелка с использованием ткацких станков высокой производительности, китайский шел стал неконкурентноспособным и Китай потерял господство по сбыту шелка на рынках Европы и других стран мира. Когда почти все страны Европы уже пользовались иглами промышленного производства, китайцы продолжали их производство еще кустарным способом. Китайская армия к концу XIX века в значительной степени была вооружена луками, стрелами, пиками и другими средневековыми вооружениями и была не способна противостоять армиям капиталистических государств, безнаказанно захватившим почти все восточное побережье Китая.

Автор книги "Китай и китайцы" на 31 странице пишет: "Триста лет назад манжуря показали себя превосходными воинами: им удалось завоевать громаднейшее государство Азии и посадить на трон низвергнутой "китайской" империалистической династии своего генерала, - зачем же им было менять свою проявившую себя так блестяще военную организацию? Не мудрено, что они сохранили последнюю чуть ли не с суеверным благоговением. Но вот, им пришлось убедиться, что вооруженные луками и стрелами воины не могут устоять против европейских солдат, вооруженных новейшим огнестрельным оружием; тогда они снабдили свои войска ружьями, заряжающимися с казны, и крупновскими пушками, но о том, что перевооружение должно вести за собой и соответствующие изменения всего военного строя государства, до сих пор не подумали, хотя казалось, их могли бы навести на эту мысль неудачные их войны с англичанами, французами и, наконец, с японцами".

Пусть меня не осудит читатель, но мне кажется, что не прочитав этой книги, трудно представить Китай и его народ, также как не прочитав книгу Голсуорси "Сага о Форсайтах", нельзя познать Англию и ее народ, не прочитав книгу Л. Н. Толстого "Война и мир", нельзя познать Россию и ее народ, не прочитав "Собор Парижской богородицы" Виктора Гюго, нельзя

познать народ Франции и т. п. Разумеется, что одна книга, как бы она ни была содержательной, не может полностью ответить на все вопросы, которые тебя интересуют, но дать представление о стране, ее народе, нравах, обычаях, характерах людей вполне может.

Но не будем углубляться в эту тему и возвратимся к августовским делам 1982 года. Время шло быстро, дни отсчитывались неумолимо, а нерешенных вопросов оставалось много. Надо было прежде всего завершить уточнение плана работы военных советников до конца 1982 года и разработку личного плана. После обстоятельного заслушивания генералов и офицеров нашего аппарата обстановка прояснилась и появилась возможность приступить к конкретной работе.

Предстояло прежде всего изучить характер обороны на северном стратегическом направлении, лично убедиться в правильности ее построения: организации системы артиллерийского и ружейно-пулеметного огня, инженерных заграждений, в надежности организации взаимодействия между подразделениями и частями на всю глубину обороны.

На изучение северного стратегического направления требовалось не менее 15 дней упорной работы. Эта работа осложнялась тем, что на многих участках боевые действия подразделений, до батальона включительно, со стороны противника еще пока не прекращались. Время торопило и с изучением обстановки в Лаосе и Кампучии, ее надо было изучить не только по докладам, а главным образом личным посещением районов боевых действий.

Как бы я не старался уплотнить время и побыстрее перейти к решению главных задач, но спланированные ранее мероприятия и предложения вьетнамских товарищей вносили существенные коррективы в личный план работы. Они хотели побыстрее ознакомить меня с достопримечательностями Ханоя, с его многочисленными памятниками, с мавзолеем Хо Ши Мина, домиком, в котором он жил, да и самому хотелось побыстрее все увидеть и запечатлеть в своей памяти.

Для осуществления предложенной вьетнамскими товарищами программы решили использовать выходные дни, когда я находился в Ханое. При посещении исторических памятников, музеев, парков и достопримечательностей столицы предусмотрительный и внимательный начальник Главного политического управления ВНА генерал армии Тю Хюи Ман обязательно выделял офицераполитработника, хорошо знающего объект посещения и владеющего русским языком.

Первое, что мы сделали - это 29 августа 1982 года посетили

мавзолей Хо Ши Мина, который произвел на нас большое впечатление. Его строили советские инженеры с учетом опыта эксплуатации мавзолея В. И. Ленина в Москве и последних достижений науки. Обслуживали мавзолей Хо Ши Мина советские и вьетнамские специалисты весьма успешно. В один из дней мы посетили домик, где работал Хо Ши Мин. Домик был расположен в парке у небольшого озера, в котором имелось много рыбы. У мостика находилась специальная посуда с пареной кукурузой, предназначенной для корма обитателей озера. Солидные рыбины, заметив людей, подплывали к мостику и безбоязненно высовывали головы в ожидании угощений. Они совершенно не боялись присутствия людей и почти с рук брали пищу.

В СРв широко внедрялась практика строительства небольших прудов у каждого дома, где только позволяли условия, особенно в сельской местности и на окраинах города. Сооружение водоемов дело не очень сложное. Плотный, непроницаемый слой глины находится под гумусовым слоем на глубине 50-100 см и эти водоемы после их создания легко заполнялись дождевой водой и постоянно подпитываются дождями, которых выпадает достаточное количество. В этих водоемах и разводится рыба, которая дополняет весьма скудные питательный рацион вьетнамцев.

Понаблюдав за рыбами, мы пошли к домику. Он находился в нескольких десятках метров от озера. Среди деревьев мы поднялись на открытую приподнятую над землей веранду, побывали в маленькой прихожей, осмотрели рабочий кабинет и столовую. В спальню, которая находилась на втором этаже, мы не заходили. Домик был исключительно скромный, но очень уютный, располагающий к работе и отдыху. Сопровождающий нас экскурсовод очень интересно посвятил нас в особенности жизни и работы Хо Ши Мина, но даже без комментариев можно было убедиться в исключительной скромности вождя вьетнамского народа.

Между тем мое вращение в должность началось с очень конкретной и серьезной работы - началась подготовка командно-штабного учения с I-ым армейским корпусом. Оно было задумано как армейское учение по теме "Ведение оборонительного сражения по отражению превосходящих сил противника и переход в контрнаступление". Горячим поборником такого масштабного учения был наш советник при начальнике Генерального штаба ВНА генерал-полковнике Ле Чонг Тане генерал-лейтенант Кереев Жансен Кереевич. Заместитель начальника Генерального штаба ВНА генерал-лейтенант Лен Гок

Хиен был категорически против такого масштаба учения. Начальник Генерального штаба генерал-полковник Ле Чонг Тан непосредственно не участвовал в дискуссии при обсуждении темы учения, но по всем было видно, что он поддерживал мнение своего первого заместителя, окончившего советскую академию Генерального штаба и имевший достаточный боевой опыт.

Генерал-лейтенант Лен Гок Хиен аргументировал свою позицию тем, что в ВНА нет армейского звена и оно, особенно на северном стратегическом направлении, в связи с исключительной сложностью рельефа местности, не нужно, что самым оптимальным организационным звеном должен быть армейский корпус. С другой стороны при планировании армейской оборонительной операции и переходе в контрнаступление вьетнамские товарищи не желали отрабатывать этап наступления на чужой территории даже на картах.

Можно было признать правомерность доводов вьетнамской стороны, но было уже поздно. Замысел и план проведения учения были утверждены моим предшественником и мы общими усилиями выработали компромиссное решение отработать вопросы ведения оборонительного сражения, спланировать контрнаступление, а динамику контрнаступления не отрабатывать. Остановившись на этом варианте, мы дали возможность командованию ВНА продолжить подготовку к проведению учения, а самим заняться текущими делами.

Неожиданно возник вопрос о нарушении советской стороной соглашения о заходе наших кораблей в бухта Камрань. Так утверждал заместитель начальника Генерального штаба ВНА генерал-лейтенант Фунг Тхе Тай, курировавший во то время ВМС, ВВС и ПВО. Когда мне стало известно об этом, я прежде всего должен был изучить положения договора о заходе наших кораблей, без чего нельзя было вести беседу по этому вопросу с вьетнамской стороной. Оказалось, что некоторые товарищи из нашего коллектива участвовали в переговорах по этому вопросу. Они сообщили мне, что переговоры были сложными и даже несколько раз прерывались.

Дело в том, что после разгрома сайгоновских марионеточных войск и американских оккупантов и объединения Вьетнама, многие страны мира стали помогать Вьетнаму в восстановлении разрушенной в течение 30-летней войны экономики. При подготовке соглашения о заходе советских кораблей в бухту Камрань вьетнамское руководство опасалось, что после его подписания и вступления в силу, некоторые страны откажутся оказывать Вьетнаму экономическую помощь. И действительно, как только было подписано соглашение о заходе наших кораблей

в бухту Камрань, многие страны, в результате антивьетнамской пропаганды, экономическую помощь прекратили и только СССР и страны социалистического содружества продолжали эту помощь. Хотя речь в договоре шла о заходе на 2-3 дня всего лишь 2-3-х кораблей, после чего они должны были уйти и только после этого могла зайти новая группа кораблей в таком же количестве, западная пропаганда не унималась.

Справедливости ради надо заметить, что в ходе подготовки соглашения о заходе наших кораблей в бухту Камрань отрицательное мнение высказывали некоторые представители нашего Генерального штаба, но уж очень настаивали на необходимости такого соглашения Главнокомандующий ВМФ СССР Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков и министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

Лично я считал такое соглашение разумным. Бухта Камрань находится на половине пути между Индийским и Тихим океанами и исключительно удобна для стоянки кораблей, что позволяло судам пополнить запасы воды, продовольствия, организовать отдых экипажам, устранить возникшие мелкие неисправности, укрепляло обороноспособность СРВ. Хотя на наши корабли формально не возлагалась какая-либо оборонительная задача в отношении дружественной нам страны, но враги Вьетнама отлично понимали, что Советский Союз в случае необходимости беззащитным СРВ ни на море, ни на суше не оставит, и это их серьезно волновало.

На западную пропаганду можно было бы и не обращать внимания. США имеют в бассейне Тихого и Индийского океанов сотни первоклассных военно-морских баз и это считается нормальным. Мы же придерживались всегда такого мнения, как бы чего не вышло, как бы нас не осудили, как бы нас не обвинили. Мы не решались развернуть свою армию в канун нападения гитлеровских полчищ на нашу страну и крепко поплатились за это. Этот урок не пошел впровод.

По вопросу нарушения соглашения о заходе наших кораблей в бухту Камрань состоялась встреча с генерал-лейтенантом Фунг Тхе Тай, на которой я сказал ему, что при посещении Камрани разберусь лично и приму меры к недопущению впредь подобных случаев, а речь шла только о том, что наши корабли задержались с выходом в море после стоянки по техническим причинам на двое суток.

Вьетнамская сторона удовлетворилась результатами обмена мнениями по этому случаю.

Вопрос о нарушении соглашения нашими кораблями невольно возник на следующий день при встрече с Чрезвычайным

и полномочным послом СССР в СРВ Б. Н. Чаплиным. Он возвратился после отпуска и пожелал встретиться с главным военным советником, а необходимость этой встречи была обоюдной.

Борис Николаевич уже более 10 лет возглавлял посольство СССР в СРВ, отлично знал страну пребывания, знал ее нужды и много делал для их удовлетворения. Он пользовался большим авторитетом у вьетнамских друзей и среди работников посольств многих стран. Это позволяло ему успешно решать возникающие проблемы.

Встреча с Борисом Николаевичем Чаплиным длилась около четырех часов. Он со знанием обстановки охарактеризовал отношения СССР и СРВ в области экономических, политических, военных, культурных, научных и других сферах, подчеркивая их успешное осуществление. Отмечая динамичность сотрудничества наших стран он неоднократно останавливался на нерешенных вопросах, на трудностях в решении экономических проблем. Эти трудности выражались в слабом обеспечении народа продовольствием, промышленными товарами, нефтепродуктами.

Страна с 56-миллионным населением располагала в год, 1,5-2-мя миллионами тонн нефтепродуктов, что крайне мало, а добыча собственной нефти в районе Вунгтау задерживалась. Страна нуждалась в дополнительных поставках металла, удобрений, автотракторной техники, станков и оборудования. Борис Николаевич много внимания уделил строящимся с помощью СССР промышленным объектам и особенно гидроэлектростанций. Борис Николаевич напомнил мне, что наши предложения не всегда принимались, ибо они предлагались без учета огромного собственного опыта ведения боевых действий с многочисленными врагами, накопленного многими веками. Отдельные советские товарищи воспринимали отказ вьетнамских товарищей следовать нашему опыту болезненно, как попытку игнорировать наш опыт. Это и порождало мнение, что они не желают нас слушать, отказываются от рекомендаций и т. п.

Все это очень скоро и ярко проявилось при подготовке командно-штабного учения с 1-ым АК.

Вопрос о нарушении соглашения нашими кораблями невольно возник на следующий день при встрече с Чрезвычайным и полномочным послом СССР в СРВ Б. Н. Чаплиным. Посол дал высокую оценку военному сотрудничеству наших стран и деятельности советских военных советников, подчеркнув при этом, что не все предложения наших советников принимаются вьетнамской стороной. "А что случилось в Камрани? Что произошло?" "В Камрани, как мне доложили, задержались с

выходом в море, по техническим причинам, два наших корабля. Вьетнамские товарищи болезненно отреагировали на это. В ближайшее время планирую лично побывать в Камрани и разобраться с этим случаем". "Ну хорошо. Это будет правильно. Вьетнамские товарищи поймут, что мы быстро отреагировали". "О результатах посещения Камрани я вас проинформирую по возвращению в Ханой". "Хорошо. я очень доволен нашей встречей. Нам надо встречаться как можно чаще. Обстановка, особенно на границе, довольно часто меняется и мы должны быть хорошо информированы об этом для правильного реагирования".

Поблагодарив посла за обстоятельную информацию, мы попрощались. Я был доволен встречей. Мне понравилось, что он живет интересами Вьетнама, а это гарантировало успех в его деятельности, создавало здоровый климат в коллективе посольства, во взаимоотношениях с партийным и государственным руководством страны и ее народом.

По скромному личному опыту пребывания в других странах я уже знал, что приобрести друзей, завоевать их доверие и сердца можно только тогда, когда ты искренен, душой и сердцем уважаешь народ страны, среди которого ты живешь, когда ты готов в любую минуту прийти на помощь своим друзьям и товарищам.

Что касается перспективы наших взаимоотношений с послом, то я был уверен, что они сложатся нормально, что мы будем понимать друг друга, хотя от посольских товарищей я уже знал, что Борис Николаевич бывает не только доброжелательным, но и очень требовательным и взыскательным.

Итак, все первые встречи были позади. Сейчас можно было полностью окунуться в повседневные дела, а их было бесконечное множество.

На второй день предстояла рекогносцировка полкового тактического учения с боевой стрельбой одного из полков армейского корпуса. В это хозяйство мы вылетели рано утром. После проливного дождя стоял легкий туман и я боялся, что нас могут возвратить, но обошлось все благополучно. Через 30 минут мы совершили посадку на стадионе возле штаба этого хозяйства. До сотни мальчишек, девочек и взрослых уже ожидали нашего прилета - просто посмотреть вертолет. Нас встретил и. о. командующего корпусом старший полковник Ай, советник при командире корпуса генерал Балыко, полковник Троицкий - советник при одной из дивизий. Генерал Балыко и его товарищи попросили меня посмотреть недавно построенный для наших специалистов и советников жилой городок. Это были одноэтажные здания для жилья офицеров на 12 семей, столовая,

клуб и помещение для обслуживающего персонала. Городок произвел хорошее впечатление. На наружной стене клуба было много фотографий, отражающих боевое содружество братских армий по Варшавскому Договору, но ни одной фотографии из жизни ВНА. Я сделал замечание. Это было воспринято правильно. На территории городка много банановых, лимонных и других деревьев. Генерал Балыко утверждал, что все это высажено нашими советниками. Мы решили долго не задерживаться, т. к. погода была неустойчивой и район полигона, где должны проводиться учения, мог закрыться туманом или пойти дождь, тем более, что он был в горах. В 9,00 мы взлетели и пошли на полигон. Внизу просматривались зеленые рисовые чеки, множество каналов и озер. Населенные пункты у подножья гор были с кирпичными постройками и под черепицей, что производило хорошее впечатление.

Через 30 минут мы были над полигоном. Небольшие горы, долины, речушки и множество обработанных рисовых и других полей. Дома в населенных пунктах уже стояли без крыш, так как полигон отвели недавно и они сносились. В них еще жили отдельные семьи и нас это беспокоило. Вьетнамские товарищи утверждали, что к началу учения все будет убрано, т. е. выселено. Было жалко их. Ведь они жили здесь веками, а сейчас их жилье разрушалось и им надо было начинать новую жизнь и на новом месте. На полигоне были оборудованы площадки для посадки вертолетов. На одну из них мы совершили посадку и приступили к работе. На первой точке работали около двух часов. Решив все вопросы, мы перелетели на вторую точку. Поднялся сильный ветер, а это могло привести к срыву полета. Мы торопились. На второй точке проработали еще около двух часов. Ветер несколько стих и мы благополучно возвратились в расположение штаба корпуса. Старший полковник Ай пригласил нас на обед.

Пообедав, мы рассмотрели по карте дислокацию соединений и частей корпуса, вопросы боевой и мобилизационной готовности и хода боевой подготовки. По всем этим вопросам были даны конкретные рекомендации. Они были приняты благожелательно. Пришлось сделать замечание по вопросу нарушения режима секретности. На ЦБУ никого из дежурных не оказалось. Оно было открыто, а в небольшой нише находились планшеты с картами, в том числе и с картой дислокации соединений и частей корпуса. В наших понятиях это было недопустимо, но вьетнамские товарищи относились к этому спокойно.

Пребывая в штабе корпуса, мы узнали, что командование уделяет большое внимание обустройству войск и созданию условий для хранения и обслуживания техники. Оказалось, что

части и соединения этого хозяйства имеют свои кирпичные заводы, печи для обжига извести, производства черепицы, свои пилорамы и другие источники строительства. Трудности были с цементом и углем для обжига кирпича, черепицы и извести. Мне очень импонировало такое отношение к обустройству войск и я доброжелательно отметил их усилия, высказал мысль, что без обустройства войск и создания хорошей учебно-материальной базы нельзя рассчитывать на высокую боевую готовность, успехи в боевой подготовке и укреплении воинской дисциплины. В ответ и. о. командующего корпусом Ай заявил, что в одном из дивизионов была плохая дисциплина, а когда его обустроили, все стало на свое место.

С утра следующего дня я готовился к выступлению перед секретарями наших партийных организаций, которые были собраны на трехдневный семинар. Надо было все продумать и сказать самое важное и самое нужное. Мне хотелось со всей силой подчеркнуть важность скромности нашего поведения, уважения достоинств и чувств вьетнамских товарищей, необходимость учета их опыта работы и опыта ведения боевых действий в течение 36 лет. Отмахиваться от него, говорить, что это партизанские методы было просто неразумно и оскорбительно для наших друзей, а подобное мнение бытовало и его надо было развеять.

К 18.00 поехал выступать на семинаре. Перед началом генерал-лейтенант Павлов Петр Кузьмич познакомил меня персонально с каждым его участником. Возможно, это и не нужно было делать. Выступал 1 час 20 минут. Слушали внимательно. Я понимал, что каждому хотелось в какой-то степени изучить меня. Не придерживаясь текста, я вкладывал в свою речь то, что мне хотелось сказать им в смысле определения их поведения.

По плану 8 сентября на АН-12 полетели в Камрань. Летели 2 часа 30 минут. Погода была облачной и до Дананга земля не просматривалась. Я думал о предстоящей встрече с вьетнамскими товарищами, о Камрани. Мне сказали, что командующий 4-ым военным морским районом обязательно построит почетный караул, а это меня никак не устраивало. Вообще я никогда не любил этой парадности, да и к чему она. Вскоре открылась земля и я смотрел на многочисленные квадратики земли, почему-то не зеленого, а глинисто-белого цвета. Она не была похожа на землю в районе Ханоя. Неужели она не плодородная? Зачем тогда ее обрабатывают, затрачивают столько сил? Ответа не находил. Мои товарищи, летевшие в кабине самолета, строили догадки, что первый урожай собран, и поэтому они не зеленые. Возможно и так. Вскоре появился полуостров Камрань. Он был внушительных

размеров, вытянувшись с севера на юго-восток. Вокруг Камрани еще несколько островов различной величины. Полуостров Камрана был весь в дорогах, как в паутине. Мне сказали, что их построили американцы, вложив в оборудование базы более 5 миллионов долларов. Зайдя с запада, самолет приземлился на прекрасном аэродроме с длиной полосы более 3000 метров. Нас уже ждали, выстроившись в одну шеренгу, командование 4-ым ВМФ и начальником ПМТО нашей базы капитан 1-го ранга Любимов Александр Владимирович со своими товарищами. Поздоровавшись с и. о. командующего 4-го ВМФ старших полковников Ле Дык Нье и остальными товарищами, мы поехали в расположение штаба ВМФ. Там уже стоял почетный караул, и мне ничего не осталось делать, как принять рапорт, обойти строй почетного караула, поздороваться с ним, и затем ознакомиться с руководящими товарищами ВМФ, стоявшими левее почетного караула. Затем нас пригласили в зал, где уже стояли столы с накрытыми приборами для чая.

Необходимо было, прежде всего, обговорить возникший внезапно вопрос о заходе наших кораблей. В ходе обмена мнениями выяснилось, что никто из командования ВМФ этот вопрос не поднимал, да и заход кораблей был очень редким - за 1,5 года заходило всего лишь 14 судов и то 6 из них с грузами для СРВ. Но для большей убедительности я потребовал точно установить, какие корабли заходили, их наименования, время стоянок под разгрузкой и кому предназначались эти грузы. Так и было сделано. Теперь у меня была возможность дать принципиальный ответ генерал-лейтенанту Фунг Тхе Таю на его заявление. Но меня интересовал не только этот вопрос. Надо было все изучить, взвесить, дать определенные указания. Вторую половину дня я и уделил этому вниманию, изучив все объекты и то, что намечалось к строительству.

Мы прибыли к причалам. Из 6, положенных по плану, было только три. Возле них стояли наши суда. Меня пригласили на них для встречи с личным составом. Я в душе был рад встретиться с экипажами судов. Ведь они несли службу далеко от Родины и им хотелось встретиться здесь с советскими людьми.

Стемнело, и мы поехали по приглашению вьетнамских друзей на ужин. За ужином ели кальмаров, раков и еще какие-то дары моря. Было душно и есть не хотелось, но не будешь же обижать друзей. Разговор происходил в узком кругу и невольно перешел к обсуждению проблем. Ле Дык Нье жаловался на плохую связь, отсутствие транспорта и другие вещи, явно рассчитывая на мою помощь. Обещать что-либо я не мог, кроме как доложить вьетнамскому руководству о положении дел.

После ужина капитан 1-го ранга А. Любимов решил пригласить нас в парную. Желания особого не было, да еще после ужина, но мы были все вспотевшие и хотелось смыть пот и освежиться. В бане, построенной руками наших офицеров была русская и финская парная, а также душевые. Я не любитель париться и, сделав один заход в парную, принял душ.

Затем зашли в бассейн. Он был прямо на улице. Вода не слишком прохладная, но все же освежила. Было приятно 10-15 минут побыть в бассейне. Надо было возвратиться в гостиницу и отдохнуть. Подъем наметили на 5.30, затем завтрак и поездка в Нячанг, где дислоцировались военно-техническое морское училище, училище связи и летно-техническое училище. Нячанг в 50 км от Камрани и не использовать такую возможность я не мог, тем более с процессом подготовки офицеров в училищах было далеко неблагоприятно, не хватало квалифицированных преподавателей с высшим образованием, слабая учебно-материальная база, некомплект техники, малое количество транспортных машин и т. п. Я всегда придавал особое значение училищам. Ведь именно они закладывают основу подготовки офицерских кадров, а следовательно, основу успехов вооруженных сил любой страны.

Нячанг - один из лучших курортных городов СРВ, чем-то напоминает наши Гагры. От Камрани до Нячанга по побережью моря сплошная улица в 50 км. На дороге рисовая солома, по которой проезжают машины, обмолачивая колосья риса. Кое-где она уже убрана и небольшие бурны риса сушатся на полотне дороги. Много деревьев с тропическими фруктами: бананы, папайя, кокосовый орех и еще какие-то мне неизвестные. Улицы Нячанга узкие, загружены велосипедистами, буйволиными повозками и машинами. Лошадей в СРВ я пока не встречал.

Вскоре мы прибыли в военно-морское училище. Нас встретил начальник училища полковник Тай и советник полковник Артемьев. Я обрадовался, что моя просьба не строить никаких почетных караулов и не выстраивать офицеров выполнена, но каково было мое удивление, когда мы зашли на плац училища и увидели стоящий почетный караул у штаба училища. Опять пришлось согласиться и обойти строй почетного караула и поздороваться с офицерами училища. Я сказал советнику, что не надо было этого делать, ведь я предупреждал, но он ответил, что его не послушали и сделали по своему. Я понял, что, по всей видимости, такое распоряжение поступило от Генерального штаба ВНА.

В течение полутора часов начальник училища и советник полковник Артемьев докладывали о положении в училище. Я

внимательно выслушал их, задал несколько вопросов. Особо меня интересовал набор курсантов на текущий год. Оказалось, что все благополучно. Курсанты были набраны в нужном количестве. Так как половина преподавательского состава была только лишь со средним образованием, порекомендовал командованию училища обратить особое внимание на повышение общеобразовательного уровня, профессионального и методического мастерства. Это должно быть предметом особой заботы командования училища и советнического аппарата.

Обсудили ход строительства учебно-материальной базы. При техническом содействии СССР в училище строилось два учебных корпуса, но не все было благополучно со сроками строительства. Пришлось строго указать капитану 1-го ранга Аверьянову на слабый контроль и помощь. Аверьянов был при ГВС и курировал строительство объектов в ВНА по линии технического содействия.

Подобная работа была проведена в училищах связи и летно-техническом. Самое тревожное положение создалось у связистов. Из 820 курсантов к 9.9 было набрано всего лишь 72 человека, а учебный год должен начаться 15.9. Пришлось обратить внимание начальника училища и советника на слабую оперативность в укомплектовании училища, необходимость принятия срочных мер.

В авиационно-техническом училище разговор шел главным образом о большом отсеве курсантов в ходе учебы. До 50-60% курсантов отчислялось за время учебы, чем наносился большой материальный ущерб государству и создавался дефицит летчиков. Многие самолеты стояли без летчиков, что снижало боевую мощь авиации страны. Такое положение терпимым быть не может, сказал я начальнику училища и советнику полковнику Никонову. Они согласились принять мой упрек, как должное.

Погода портилась. Шла гроза, а нам надо было еще посетить Дананг и посмотреть предложенный вьетнамскими товарищами городок для размещения нашего отряда самолетов АН-12. К 14.00 мы были на аэродроме Дананг. Погода в районе Дананга была хорошей и предоставлялась возможность хорошо рассмотреть с воздуха прекрасную долину с ярко-зелеными рисовыми чеками, широко разлившуюся реку Хан, бесчисленное множество отдельно стоящих домов с прилегающими к ним участками земли и садами вокруг домов. Дананг морской порт, четвертый по численности населения город СРВ. Нам не удалось хорошо рассмотреть город. Мы решали узкую задачу и сразу после встречи с командующим 3 ВМФ полковником Тянь в его сопровождении поехали смотреть городок предназначенный для дислокации нашего авиационного отряда. Через 30 минут мы

были в его расположении, но полковник Тянь пригласил нас к чаю. Мы попили чаю, съели по банану и занялись делом. За чаепитием мы узнали, что он после 37 лет службы увольняется и остается жить в общежитии, так как нет квартиры. Высказать ему наше сочувствие было неудобно. В его поведении и высказываниях чувствовалась подавленность и обида. Ведь он много воевал, хорошо командовал 3-м ВМФ и контр-адмирал Захаров Ф. Ф. давал ему высокую оценку как человеку и моряку.

Заселять городок оказалось невозможным. Не было решено с электроэнергией, со связью и кондиционерами. Все это надо было решить в Ханое в ГШ.

Опять шла гроза и темные тучи заволакивали горизонт, а надо было попасть в Ханой именно в этот день. Мы взлетели и, воспользовавшись просветом в облаках набрали высоту. У Ханоя погода к этому времени улучшалась и мы благополучно совершили посадку.

10 сентября целый день занимался изучением пятилетнего плана развития ВНА. Это не простое дело. Надо усвоить весь комплекс вопросов по армии, а их было бесчисленное множество. За время службы в Советской Армии я хорошо усвоил, что решать любой вопрос квалифицированно, со знанием дела можно только тогда, когда ты в совершенстве знаешь положение дел. В этом случае могут возникнуть определенные вопросы, проблемы и мысли, так необходимые для дальнейшего совершенствования дела. Надо понять, что мне нужно было вести разговор, доказывать необходимость решения возникших проблем не кому-либо, а министру обороны СРВ - человеку очень опытному, прошедшему великую школу жизни, школу 35-летней войны с многочисленными врагами Родины, человека-теоретика народной войны, автора прекрасной книги "Великая победа весны 1975 года", в которой он ярко и всесторонне изложил героический опыт ВНА, достигнутый под руководством КПВ и ее руководителей ХО Ши Мина и Ле Зуана. В этой книге хорошо раскрыта роль члена политбюро ЦК КПВ Ле Дык Тхо, нынешнего начальника ГШ генерал-полковника Ле Чонг Тана, члена политбюро генерал-полковника Ле Дык Аня и других вьетнамских руководителей и полководцев.

В операции "Хо Ши Мин" участвовало 5 армий. В ходе ее подготовки и ведения раскрылся в полной мере талант полководцев СРВ, великое предвидение, стратегический замысел политбюро ЦК КПВ во главе с Ле Зуаном. Не учитывать всего этого, сбрасывать со счетов все это, было бы кощунством, глупой самоуверенностью, оторванностью от реальной действительности. К большому сожалению, такая тенденция существовала, она явно

просматривалась в деятельности некоторых советников, которые считали, что у вьетнамской армии существует опыт ведения партизанских действий, но нет опыта ведения современных операций. Думаю, что это было глубокое заблуждение.

Естественно, что условия местности, недостаток сил кадровой армии СРВ дополнялся в значительной степени ведением партизанских действий, так называемой народной войны. Эта форма боевых действий порождалась обстановкой, условиями, необходимостью. В данное время строилась кадровая армия на основе технической революции в ее оснащении современными средствами борьбы. Создавалась современная армия, которая должна была впитать опыт ведения войны Советской Армией в годы Великой Отечественной войны. Это самый передовой опыт в мире, он достигнут на полях ожесточенных сражений миллионами жизней советских людей, героизмом солдат, сражавшихся за свободу и независимость нашей прекрасной Родины, талантом наших полководцев, руководителей, героизмом всего советского народа. И мы, старшее поколение военных, прошедших школу войны и впитавшие в себя огромный опыт послевоенного строительства наших Вооруженных Сил должны были передать его нашим братьям по классу, по оружию, вьетнамским друзьям. Но он должен по моему убеждению, быть помножен, соединен с опытом ВНА, а не преподнесен и навязан в чистом виде.

Вьетнам - это, в основном, горная страна, что налагает особый отпечаток на ведение боевых действий, соединениями и объединениями. В этом я убедился будучи на рекогносцировке всего лишь полковых учений с боевой стрельбой. Полигон был выбран нашим специалистами-советниками и характер местности был более-менее спокойным. Но в ходе рекогносцировки я убедился, как трудно на этой местности применить даже танковый батальон, не говоря уже о применении тп, тбр, мпд, которые мы так усиленно навязывали вьетнамской стороне. Горы, исключительно слабо развитая система дорог, бесчисленные заболоченные ручьи и небольшие реки даже в долинах и распадках создавали большие трудности для применения крупных механизированных и танковых соединений. Я пришел к выводу, что во внедрении этих соединений и частей должна быть очень разумная мера. В связи с этим возник вопрос о целесообразности ведения крупномасштабных операций, таких, к которым мы привыкли на необозримых просторах нашего ТВД. Думаю, что рекомендовать один к одному наш опыт ведения корпусных, армейских и фронтовых операций без учета условий местности СРВ просто недопустимо.

В этом плане очень поучительна Моравско-Остравская операция 4-го Украинского фронта, проведенная с 10 марта по 5 мая 1945 года. В этой операции от начала и до конца пришлось участвовать и мне. Именно в ней, хотя местность в районе Моравской Остравы более доступнее, чем на территории СРВ, проявились в полную силу влияние факторов местности на ведение армейских и фронтовых операций. Хочу заметить, что в Моравско-Остравской операции превосходство в силах и средствах была на нашей стороне, руководители операциями А. А. Гречко, К. С. Москаленко, И. Е. Петров, а затем и генерал армии А. И. Еременко. Это были опытные полководцы, прошедшие большую школу войны, одержавшие немало побед и тем не менее в этой горной местности в полном объеме применить их полководческое искусство было трудно. Горы диктовали свои условия, свои особенности, навязывали необычные формы ведения боевых действий. Иногда, по признанию А. А. Гречко, трудно было понять, в каком направлении действуют подразделения и части. Одни вели бой в западном, другие - в южном, третьи в северном, четвертые - в восточном направлениях. Так диктовали условия местности и характер обороны противника. 1-й ударной армии за один месяц ведения боевых действий пришлось трижды менять направления главных ударов, которые были связаны, естественно, со значительной перегруппировкой войск.

Мне кажется, что опыт проведения Моравско-Остравской операции 4-м Украинским фронтом должен быть положен в основу рекомендаций для ВНА с учетом технической революции в военном деле. Но формы, способы ведения боевых действий в горно-лесистой местности диктуют необходимость создания определенной организационной структуры войск. Это неизбежно, и наши вьетнамские товарищи, не случайно, очень осторожно относятся к нашим рекомендациям. Все это надо еще глубоко осмыслить, взвесить, найти золотую середину, дабы из добрых побуждений не нанести вред нашей дружественной стране и ее вооруженным силам. Естественно, что все это очень занимало мои мысли. Я понимал, что КПСС, Советское правительство, МО СССР доверили мне здесь, находясь в дружественной стране СРВ, решать самостоятельно все эти проблемы. По опыту пребывания в ЧССР, ВНР, МНР, Эфиопии я уже знал, что надо, опираясь на наш опыт, в полную меру учитывать их опыт, принимая и самостоятельные решения, прежде всего, не действовать по шаблону, по принципу как бы чего не вышло, лишь бы мне было спокойно, а остальное хоть трава не расти. Нет. Так быть не должно. Мне кажется, что советский человек должен быть

смелым, не бояться принимать решения, если он убежден, что действует правильно.

12 сентября 1982 года началось крупное КШУ с I АК, игравшим за ЮА. Готовил и проводил учение начальник штаба аппарата главного военного советника генерал-лейтенант Кереев Ж. К. Должен заметить, что товарищ Кереев производил хорошее впечатление. Чувствовалась достаточная оперативная подготовка и опыт проведения подобных учений. Мне хотелось посмотреть на работу вьетнамских товарищей с получением директивы на контрнаступление. Вылетели вертолетом в 7.30 и в 8.00 были в районе КП I АК. КШУ в полном смысле этого слова не получилось. Вьетнамские товарищи, ссылаясь на отсутствие средств связи и палаток, никак не хотели занимать места КП соединений и частей в районе оперативного предназначения. Это снижало уровень учений, но что делать. Было решено осенью на оперативном сборе показать работу штабов в боевых условиях и научить вьетнамских товарищей этому искусству.

В районе расположения штабов нас встретили заместитель начальника ГШ вьетнамской армии генерал-лейтенант Ле Нгок Хиен и генерал-лейтенант Кереев Ж. К. в 8.00 была вручена директива и командующий 10 А приступил к работе со своими офицерами штаба. Эта работа свелась к зачитке директивы. Никаких указаний после ее объявления командующий не дал, что вызвало у нас некоторое недоумение. Особенно горячился генерал Кереев. Казахская кровь бурлила в нем и приводила его в расстройство. Он тут же высказал свои замечания, хотя я считал, что это преждевременно. Даже у нас так не бывает. Надо дать хотя бы 20-30 минут на размышление. Но дело было сделано. Мне не понравилось, что наши советники не сидели рядом с подсоветными и не учили их как надо делать, а ведь это первое крупное учение с этим штабом. Надо было поправить и мы поправили. Ругать вьетнамских товарищей большого труда не составляло, а вот научить их было куда сложнее. Низкий образовательный и военный уровень подготовки многих офицеров - вьетнамцев не позволял им сразу все схватить и решать на нашем уровне подготовки. Нужда выдержка и терпение, а этого у Жансена Кереева не хватало.

Разобравшись в обстановке при нашей помощи, мы оставили вьетнамских товарищей для самостоятельной работы. В 15.00 ожидалось заслушивание командующего по решению и определению задач объединению, соединениям и частям. В домике, отведенном для нас, мы обсудили ход учений. Жансен Кереев доложил мне о положении с боевой готовностью соединений и частей I АК. Оказалось, что до 70% техники

необоеготовно из-за отсутствия исправных аккумуляторных батарей. Даже те, которые стояли на хранении сухозаряженными, не могли приводиться в рабочее состояние из-за отсутствия электролита и дистиллированной воды. Это уже не первые сведения по состоянию техники, особенно автобронетанковой. Мне об этом говорил Г. И. Обатуров.

Для меня было совершенно ясно, что решить задачу поддержания техники в боевом состоянии без соответствующей технической базы невозможно. Практически отсутствовали аккумуляторные, не было ПТО, ТЭЧ и других ремонтных объектов, так необходимых в наше время, в век максимального насыщения войск техникой. Это усугублялось еще и тем, что техническая подготовка офицеров была крайне низкой, а требовательность, взыскательность за плохое состояние ее практически отсутствовали. Надо было все это поправить. Но как? Министру Национальной обороны уже об этом докладывали, а сдвиги - пока слабые. Естественно, что я решил после обобщения материалов учения еще раз доложить МНО и НГШ об этом, попросить их принять меры, но мои мысли работали и в другом направлении. Мы даем дорогостоящую технику и вооружение. Это стоит миллионы. Но лучше было бы на этом этапе за счет некоторого сокращения его поставок помочь вьетнамской стороне создать техническую базу. Разумеется, что это нелегко сделать, но другого выхода я не видел. До заслушивания по решению обстоятельно поговорил со старшим полковником ГШ Чан До. Это была очень интересная беседа, открывшая мне глаза на многие положения оперативного искусства и тактики. Вообще это очень умный, целеустремленный человек и очень сосредоточенный. Я его знал несколько раньше по Улан-Уде и это позволяло мне вести разговор один на один, что не стесняло его.

Рано утром 13 сентября улетели в район учения. Должна была проводиться работа на местности по организации боя. Эта работа всегда вызывает интерес, так как она требует большого искусства. Когда вертолет совершил посадку, вьетнамская группа уже была на точке. Она располагалась на высоте и туда надо было забраться. Это первая высота, которую я должен был покорить на горных просторах страны. Впереди их было бесчисленное множество. Все обошлось благополучно, хотя взобравшись на высоту без передышки, дышалось тяжело. На точке уже были оборудованы места для работы и она началась. В работе и. о. командующего чувствовалась некоторая неуверенность, но все же он ее провел, хотя с большими издержками. Я решил поправить это и дал под запись вопросы, которые должны быть уяснены на местности. Вьетнамцы внимательно слушали и в их внимании

чувствовалось согласие со всем сказанным. После небольшого 10-минутного перерыва работу на местности по постановке задач соединениям и частям повторили. Она получилась стройнее. Надо было после этого организовать взаимодействие, но и. о. командующего не собирался этого делать. Я понял, что он практически не имеет навыков в его организации. Тогда я опять пункт за пунктом изложил вопросы, которые должны быть решены по организации взаимодействия. Но не так-то просто сразу научиться его организовать. С большим трудом, кое-как оно было организовано. Закончив работу в полосе на главном направлении удара армии, мы должны были перелететь на вторую точку. Я не стал присутствовать на второй точке. Зачем двоим - мне и Керееву одновременно участвовать в учении, дублировать работу, тем более что слишком много было работы в штабе ГВС.

После обеда мне сообщили, что предстоит встреча с товарищем Ле Чонг Таном - начальником ГШ. Я ждал этой встречи, но надо было хорошо подготовиться, ведь это первая встреча. Этой подготовкой я и занимался. Параллельно готовился к встрече с министром обороны СРВ, о которой мне сообщили накануне.

С утра 14 сентября продолжил подготовку к встрече с МО СРВ генералом армии Ван Тиен Зунгом. Вопросы встречи, которые были предложены им, были очень серьезными. Он хотел проинформировать меня о положении в регионе и в стране. Думая над этим вопросом, мне очень хотелось в ходе встречи задать ему вопрос, какую перспективу развития событий в Юго-Восточной Азии он видит в связи с образованием марионеточного правительства Народома Сианука. Какие акции можно ожидать со стороны стран Юго-Восточной Азии. Задать этот вопрос, на мой взгляд, можно было бы только при удобных моментах нашей встречи. Второй вопрос, который должен был обсуждаться - это о ходе нашего сотрудничества в рамках пятилетнего плана. Надо было изучить большой материал по нашему сотрудничеству. Наша позиция была весьма основательна в том плане, что Министерство обороны СССР план поставок за 1981 год выполнило полностью. Шли, в основном, нормально поставки и в 1982 году и не было сомнения в их выполнении. Что имеет в виду МО СРВ, ставя на обсуждение в рабочем порядке этот вопрос, пока было загадкой.

Мне пришлось изучить весь материал за предшествующие годы, дать обоснования не только в количественном, но и в стоимостном выражении. С нашей стороны были обоснованные претензии к нашим друзьям по многим вопросам - очень низкий

уровень поддержания в исправном состоянии техники, вооружения и боеприпасов, плохо выполнялись обязательства по техническому сотрудничеству в строительстве 38 объектов с вьетнамской стороны. Задерживалась подготовка многих зданий, корпусов и объектов к монтажу оборудования, поставки которого значительно опережали темпы строительства. Оборудование лежало в портах, на складах и в сложных климатических условиях приходило в негодность. Сотни тысяч советских рублей выбрасывались на ветер, а ведь это деньги нашего народа, нашей страны, которые она выделяет СРВ не от избытка, а в порядке интернационального долга. Хотелось в ходе обсуждения задать вопрос - почему до сего времени не уточнен и не утвержден пятилетний план 198-1985 годов. Казалось, на первый взгляд, что нет никаких причин к этому. Мы все выполняем и только нужно желание вьетнамской стороны окончательно уточнить некоторые позиции.

Очень сложным был вопрос о пятилетнем плане Кампучии. Вьетнамские товарищи, не согласовав многие позиции пятилетнего плана по Кампучии с советскими товарищами, предложили его утвердить Министру Национальной обороны НРК товарищу Бут Хонгу. Он его утвердил без учета наших предложений и наших поставок. Необходимо было добиться внесения серьезных корректив. Попытки внести эти предложения в бытность Г. И. Обатурова не привели к успеху. Эту миссию должен был выполнить я. По этому вопросу у меня была встреча с зам. министра национальной обороны ВНА Чан Ван Куангом, но он сослался на Ле Дык Аня, который дескать, курируя Кампучию, и должен решать этот вопрос. Получался замкнутый круг и его надо было разрубить.

Возникали и другие вопросы, которые надо было поставить при встрече с МНО СРВ. Хотелось поставить вопрос о подписании протокола по разделению функций советских и вьетнамских товарищей в Кампучии и Лаосе и сохранении тесного взаимодействия между ними. Наличие советнического аппарата двух стран вносило трудности в работу. Вьетнамские специалисты, а по-существу советники, вносили свои предложения, наши - свои и не всегда точки зрения совпадали. Развивалась настороженность, некоторое недоверие к советским советникам и игнорирование их деятельности.

Неприбытие кампучийских товарищей к самолету, на котором улетали Г. И. Обатуров и я, утром 23.8.1982 года именно этим и объяснялось. У меня начало складываться мнение, что наши вьетнамские друзья хотят максимально ограничить деятельность наших советников в Кампучии и иметь почти

полную свободу действий. Это уже затрагивало престиж не только наших советников, но и нашей страны в целом. Разумеется, что такое положение терпимо быть не могло. Надо было найти путь решения этой проблемы, который лежал через подписание протокола.

Хотелось обсудить вопрос укомплектования училищ и высших учебных заведений. Была порочна сама система набора в училища. Сами училища этим не занимались, а управление УВУЗ, которое общим чехом осуществляло набор для всех училищ, а затем распределяло набранных между ними. Была слабо поставлена информационная и агитационно-массовая работа среди населения по набору молодежи в училища. В училищах не было создано должных условий для преподавательского состава, командных кадров и курсантов. Практически все преподаватели и офицеры училищ жили без семей, их зарплата ничем не отличалась от строевых командиров и политработников, не были введены поощрительные меры в воинских званиях и т. п. Очень слабая была материальная база училищ. Оклады, питание курсантов не отличались от солдат. Все эти проблемы, да и многие другие, во весь рост встали на пути привлечения лучших представителей народа в училища и академии. А именно здесь закладывались основы, фундамент социалистической армии, армии народа, стоящей на страже его интересов.

В летно-техническом училище из набранных курсантов к концу обучения оставалось не более 1/3. Летчики никакими льготами по сравнению с курсантами и офицерами других училищ, не пользовались, а офицеры-летчики получали тоже денежное довольствие, что и офицеры пд, тбр, помб и т. п. Вот где крылись причины отсутствия у молодежи тяги идти в училища, особенно в авиационное. Над этими проблемами и пришлось размышлять. Но надо было подготовиться к встрече с товарищем Ле Чонг Таном, начальником ГШ ВНА, которая планировалась на 17.30. 14 сентября - т. е. сегодня. Я твердо решил при первой встрече, тем более что это было практически моим представлением НГШ, никаких крупных вопросов не ставить. Единственно, если будет возможность, затронуть вопрос о подписании соглашения по обмену информацией в области гидрометеослужб.

Генерал-полковник Ле Чонг Тан только что возвратился из отпуска, который он проводил в ВНР и имел неоднократные встречи с МО ВНР генералом армии Лайошем Цинеге, с начальником ГШ ВНА генерал-полковником Иштваном Олах, с заместителем МО ВНА, государственным секретарем генерал-полковником Чеми Карой и другими товарищами. Я был убежден,

что мои хорошие венгерские друзья уже дали полную характеристику моей личности и я не ошибся.

В 17.20, несколько раньше времени я прибыл к Генеральному штабу. У подъезда уже встречали переводчик майор ВНА Зеу и старший полковник ГШ товарищ Чан До. На крыльце ожидал моего прибытия начальник ГШ генералполковник Ле Чонг Тан. Он очень любезно встретил меня и заключил в объятия. Затем мы вошли в большой зал, где были переводчики с обеих сторон и помощник ГВС Г. Ф. Пичул. Ле Чонг Тан пригласил сесть за небольшой столик на диван и сел рядом. Он начал приветствовать меня, высказывая пожелания доброго здоровья и успехов в работе по выполнению своего интернационального долга. Затем я поинтересовался, как он отдыхал, как его здоровье и семьи. Поблагодарив, он начал рассказывать о своем отдыхе в ВНР, о встречах с руководством ВНА, о добрых чувствах венгерских товарищей ко мне и передал приветы от МО ВНА и его заместителей. Я тепло поблагодарил его. Затем он стал рассказывать о Венгрии, где он побывал, что видел, о встрече с Маршалом Советского Союза В. Г. Куликовым, об охоте. Он был рад удачной охоте, на которой убил оленя. Беседа проходила очень сердечно и непринужденно.

Затем он поинтересовался, как идут учения в I АК, какое у меня впечатление. Я доложил, не заостряя внимания на недостатках, что учение еще продолжается и было бы преждевременным давать ему оценку. Я сказал, что штаб I Ак выступает в роли 10 А, но будет ли идея создания армейского звена претворена в жизнь, еще неизвестно, хотя Геннадий Иванович Обатуров настойчиво добивался создания армейского звена и его предложение явилось причиной проведения учения с I Ак, штаб каждого действия в роли штаба 10 А в подтверждение выдвинутой идеи о создании армейского звена. Вот почему я не имел права отвергнуть предложение своего предшественника да у меня у самого не было твердого мнения по этому вопросу. Затем мы говорили о сложности рельефа страны, три четверти которой занимают горы, а низменности в устьях рек заболочены и рассечены большим количеством протоков, стариц и болот. Удобных районов для действия крупных объединений Сухопутных войск очень мало. Естественно, это наводило вьетнамских товарищей на мысль нужны ли крупные объединения, особенно на севере страны, не лучше ли ограничиться корпусным звеном? Этот вопрос интересовал и меня. Но свое мнение я не высказал, оставляя его в резерве. Надо было еще раз все взвесить, прежде чем сказать да. Пока что у меня было такое мнение, что настраивать на создании армейского звена нет особого смысла.

Как решат вьетнамские товарищи, так пусть и делают. Я был уверен, что они поступят благоразумно. В завершении встречи я не удержался и тактично высказал свою просьбу о подготовке соглашения по гидрометеослужбе. Он доброжелательно отнесся к этому и поручил проработать вопрос полковнику Чан До. Меня это обрадовало. Беседа закончилась, кофе был выпит и, поблагодарив генералполковника Ле Чорг Тана, я собрался уходить. Он еще раз пожелал мне успехов в работе, проводил на крыльцо, где мы расстались. Довольный результатом встречи я уехал.

А через день, 16 сентября, у меня состоялась встреча с министром обороны Ван Тиен Зунгом, на которой присутствовал НГШ ВНА. Ван Тиен Зунг решил посвятить меня в военнополитическую обстановку в регионе, в стране и рассмотреть вопрос о нашем военном сотрудничестве. В свою очередь я решил поставить перед министром обороны два вопроса: о подготовке к подписанию пятилетнего плана строительства ВНА и плана на 1982 год, которые были к этому времени не утверждены, и о разделении функций советских военных советников в Кампучии и Лаосе с вьетнамскими военными специалистами. Уже два года тому назад был подготовлен протокол, но наши друзья его не подписывали и не вносили своих корректив. Затягивание с подписанием этого документа было просто нетерпимым. Главное, что мы не видели причин к этому. Мы все делали, чтобы интересы наших вьетнамских друзей не ущемлялись, да и могли ли мы так поступить, ведь мы советские люди и воспитаны в духе интернационализма и дружбы не на словах, а на деле.

Ван Тиен Зунг, после приветствия, начал излагать военнополитическую обстановку в регионе. Она сводилась к тому, что китайские гегемонисты, опять в заговоре с американским империализмом и японскими милитаристами могут развязать агрессию против СРВ с целью ее захвата и аннексирования Лаоса и Кампучии, открыв себе дорогу в Юго-Восточную Азию. Он утверждал, что они способны сосредоточить миллионную армию на границе с СРВ и Лаосом. Все это было совершенно правильно. Об этом мы все хорошо знали. Он говорил и о том, что китайские авантюристы могут попытаться захватить вьетнамские острова и архипелаг Чеонг-Ша (Спратли).

Затем он охарактеризовал обстановку в стране, заметив, что она очень тяжелая в смысле обеспечения народа продовольствием. "Мы не можем накормить народ", - заявил он. Это связано с недостатками в области хозяйствования, с низким уровнем расходной части бюджета, с преобладанием импорта над экспортом. Все это ведет к взвинчиванию цен на продовольствие.

Это отражается и на армии.

Затем он остановился на вопросах нашего сотрудничества. Он поблагодарил КПСС и Советское правительство, МО СССР за бескорыстную и эффективную помощь. Говоря о перспективном планировании на 1985-1990 годы и до 1995 года, назвал проблемы, которые должны быть включены в этот перспективный план. Это меня озадачило. Еще не утверждена текущая пятилетка, а мы говорим о перспективном планировании. Перспективное планирование должно основываться на материальной основе, но у нас пятилетки, страна руководствуется ими и сказать на 10-15 лет вперед просто невозможно. Я высказал эту мысль, но вместе с этим пообещал тщательно изучить этот вопрос. Затем была достигнута договоренность о выделении рабочих групп с той и другой стороны для окончательной разработки текущего пятилетнего плана. Предложение было принято. О разделении функций наших и вьетнамских специалистов и советников по Кампучии и Лаосу Ван Тиен Зунг пообещал организовать встречу с Командующим вьетнамскими войсками в Кампучии генерал-полковник Ле Дык Ань, который должен прибыть в Ханой в воскресенье для дальнейшего следования в СССР на лечение глаз. На этом встреча закончилась.

Все это только половина дела. 5-часовая встреча должна быть освещена в 10- минутном докладе министром обороны СССР, а это требует большого искусства. Самое главное, самое важное должно быть сосредоточено, сконцентрировано в докладе. Этой подготовкой я и занялся во вторую половину дня. Ведь утром надо было лететь на заключительный этап учения. Вылет наметили на 7 часов утра, т. к. разбор ожидался в 8.00 утра.

Прийдя домой, я подготовил тезисы для письменного доклада и устного разговора с министром обороны Маршалом Советского Союза Д. Ф. Устиновым.

Утром вручил письменный текст тезисов полковнику Н. Ф. Пичул для оформления донесения в Москву. После возвращения с учения я должен был его подписать.

Участвуя в разборе учения, я не собирался выступать, поручив это Ж. К. Керееву, но меня уговорил Лен Гок Хиен и генерал-лейтенант Кереев выступить перед участниками учений. Пришлось согласиться. В ходе выступления Ж. К. Кереева я набросал тезисы выступления. Они получились удачными и хорошо были приняты участниками разбора. Речь шла о поддержании высокой боевой готовности, о стиле работы штабов, о значении работы на местности по организации боя и взаимодействия. Это всегда насущные вопросы. Они и у нас не всегда в достаточной степени усваиваются офицерами, особенно

молодыми.

Возвратившись домой всех наших товарищей отпустил на двухдневный отдых. Но мне было не до отдыха. Надо было доложить начальству о результатах встречи и проведенных учений, на что ушла вся вторая половина дня до 20 часов. Все прошло хорошо. Министр обороны СССР и начальник Генерального штаба ВС СССР докладом остались довольны. Не успели закончить одно учение, а на очереди уже были два других учения.

Решил рассмотреть замыслы предстоящих учений по ПВО и ВВС. С утра зашел Ж. К. Кереев. Мы обменялись мнениями по проведенному учению, по некоторым проблемным вопросам, на что ушло все время до обеда. После обеда рассматривали замыслы учений. Для вьетнамских товарищей подобные мероприятия были спланированы впервые и надо было все хорошо продумать, а вьетнамских друзей хорошо подготовить к правильному пониманию сути отработки вопросов. Этим и закончился рабочий день.

19 сентября мы посетили музей ВНА, где я увидел много интересных документов и экспонатов, посвященных героической борьбе вьетнамского народа за свою свободу и независимость. Хорошо показана роль КВП, ее руководителей товарищей Хо Ши Мина и Ле Зуана. Предложили сделать запись в книге отзывов о посещении музея.

После обеда, как депутату Верховного Совета СССР, надо было подготовить ответы на обращения некоторых избирателей по личным делам. Не прошло и месяца, а письма избирателей уже идут по назначению. Это хорошо. Связь не теряется. Обратился избиратель поселка Усть-Черная Тячевского района Закарпатской области Кухар Отто Оттович помочь решить вопрос с оформлением пенсии по инвалидности, которую он получил в период службы в Советской Армии. Сдал документы в Тячевский райвоенкомат, райвоенкомат в районную поликлинику и на этом все закончилось, а инвалид сидит на иждивении престарелых родителей. Написал облвоенкому Закарпатской области, райвоенкому Тячевского района и потребовал сообщить мне и товарищу О. О. Кухар о результатах определения пенсии. Думаю, что будет все в порядке. Приходится только удивляться черствости людей, да еще не рядовых, а руководителей.

Утром 20 сентября мне сообщил о предстоящей встрече с генераломполковником Ле Дык Анем Давно ее ждал и очень обрадовался, хотя понимал, что в связи с болезнью, он просит встречу для знакомства, а не решения вопроса о подписании протокола о разделении и согласовании функций советских в

вьетнамских советников и специалистов. Как быть? Навязывать свою волю неудобно. Ведь он действительно болен. Покажет встреча. Еще раз посмотрел выработанные предложения, еще раз все взвесил.

Вечером состоялось партийное собрание с обсуждением хода выполнения социалистических обязательств. Выступил о проблемах, стоящих перед коллективом.

В 7.50 21 сентября у подъезда здания Министерства обороны нас встретил полковник, ведающий административным отделом. На крыльце уже ожидал меня генерал-полковник Ле Дык Ань. Я никогда раньше его не видел, но фамилию слышал десятки раз, да был знаком с ним по книге МО СРВ "Замечательная победа весной 1975 года". речь в ней идет о завершающем этапе борьбы за освобождение Родины, который закончился блестящей операцией "Хошимин". В этой книге большое место уделено генерал-полковнику Ле Дык Аню, как талантливому военачальнику. Много рассказывал о нем и Г. И. Обатуров. Это был мужчина выше среднего роста, что не часто встречается среди вьетнамских товарищей, стройный, подтянутый, с приятным лицом, несколько тронутым оспой. Он с улыбкой протянул мне руку, поприветствовал меня и пригласил в зал для приема гостей. Я понял, что делового разговора не будет, что это просто знакомство. Мы сидели около часа за столиком, накрытом по этому случаю - минеральная вода, орешки, сигареты. Затем принесли в небольших пиалах на высоких ножках ананасы. Беседа проходила в дружеской обстановке. Прежде всего он высказал удовлетворение знакомством, пожелал мне успехов в работе, поинтересовался здоровьем жены и внуки. В свою очередь я высказал пожелание быстрее выздоровления после лечения в СССР, пожелал ему благополучного полета в Москву. Переходить на деловой разговор было крайне неудобно, но надо было найти какие-то пути решения вопроса.

В заключение нашей беседы я попросил поручить кому-либо рассмотреть протокол, высказать свое мнение и после корректировки подписать его. Он сказал, что сейчас этот вопрос будет решать МО СРВ. Это меня устраивало. Я не стал отнимать у него времени. Он улетал после обеда в 15 часов дня, а человеку всегда нужно время для сборов. Расстались доброжелательно. Генерал-полковник Ле Дык Ань произвел на меня впечатление умного, доброжелательного, принципиального и делового человека.

После обеда рассматривали с Жансеном Кереевым план проведения учения. Все было предложено правильно. Затем попросился на прием генерал-майор инженерных войск Бражко

Рафаил Николаевич после возвращения из отпуска. Я хорошо его знал по Улан-Удэ как замечательного человека и работника и мне было приятно с ним встретиться. Отдыхал он во Львове, где много было моих сослуживцев, которые передали мне приветы и наилучшие пожелания. Затем мы обсудили вопрос о дороге No 7 - она идет от Дананга в Лаос. Это дорога жизни. Ее должны строить вьетнамские друзья, но положения со строительством я не знал и ждал его возвращения. Оказалось, что Г. И. Обатуров приказал ему этим вопросом не заниматься. Но зачем тогда Геннадий Иванович поставил этот вопрос, как проблемный передо мной? Было не совсем ясно. Тем не менее я поручил товарищу Р. Н. Бражке все обстоятельно изучить и доложить. С государственной точки зрения это был важный вопрос. Мы доставляли часть грузов в ЛНДР самолетами, а это дорого обходилось нам и лаосцам.

С утра 22.9 нам сообщили, что вьетнамские товарищи готовы к обсуждению проекта протокола о разделении сфер деятельности советских военных советников и вьетнамских специалистов. После ознакомления с вьетнамским проектом мы нашли, что он не полностью отвечает нашим предложениям. В нашем проекте было определено, что мы отвечаем за действия центрального аппарата и всей регулярной армии Кампучии и Лаоса, а им отводились для курирования территориальные войска. Естественно, что они постарались уйти от этого пункта протокола. Мы понимали, что наш пункт как бы отводит им второстепенную роль. Но после долгих обсуждений решили поправить оба текста и найти приемлемую формулировку этого пункта протокола и открыть путь к его утверждению.

После обеда занимался подготовкой к встрече с генералом армии начальником Главного Политического Управления ВНА Тю Хюи Маном. Решил откровенно высказать свою точку зрения и оценку боевой готовности войск. Терпеть такое состояние дальше было нельзя. Боеготовность средств ПВО составляла 50%, ВВС - 60%, техники Сухопутных войск - 86%. Все это вызывало большую озабоченность и тревогу. Посмотрим, что даст встреча по этому вопросу с товарищем Тю Хюи Маном.

Вечером, как обычно, внимательно просмотрел международную информацию: визит Индиры Ганди в СССР, положение в Бейруте, открытие ГА ООН. Весь мир осуждает израильских агрессоров и их варварство в лагерях палестинцев. Что по этому вопросу предпримет тридцать седьмая сессия ГА ООН? В одном из сообщений указывалось, что в журнале "Проблемы мира и социализма" член политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ Горбачев выступил со статьей, в которой говорилось, что благодаря принятым КПСС и Советским

государством мерам, среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения повысился за 1966-1980 годы на 28%. Это позволило заметно улучшить питание советских людей, несмотря на увеличение населения СССР на 35 миллионов человек. За последние 15 лет потребление мяса и мясопродуктов в расчете на каждого жителя СССР возросло на 41%, молока и молочных продуктов на 25%, сахара на 30%. Если ежедневная средняя обеспеченность продовольствием на душу населения в мире составила, по данным ФАО на конец 70-х годов 2590 ккал, а в государствах Западной Европы - 3378, то в СССР 3443 ккал.

Сегодня возвратился из отпуска генерал-лейтенант П. М. Недзелюк. Имел с ним беседу о состоянии ВВС. Он хорошо знал их состояние и правильно определял пути повышения их боевой готовности, но не все от него зависело. Надо и мне, как главному военному советнику, предметно заниматься и ВВС, и ПВО.

Встреча с товарищем Тю Хюи Маном состоялась 23 сентября. Он подробно остановился на деятельности ГлавПУРа в решении различных проблем. Затем он доложил о принятии (введении) единоначалия, многие положения которого были взяты из опыта Советской Армии. Да иначе и не могло быть. Опыт единоначалия в Советской Армии полностью себя оправдал. Информация длилась около 2-х часов. Мы делали пометки в своих тетрадях. После перерыва была представлена возможность высказаться и мне. Я прежде всего подчеркнул исключительную важность введения единоначалия в ВНА, которое быстро скажется на укреплении дисциплины, повышении организованности и порядка в армии. Затем подробно проинформировал о работе аппарата Главного Военного Советника, о проведенных мероприятиях и к чему мы готовимся в ближайшие месяцы. После информации о работе нашего аппарата перешел к главному вопросу - состоянию боевой готовности ВНА. Располагая убедительными фактами показал, что состояние боевой готовности не отвечает требованиям ЦК КП, что основными причинами такого положения являются: - низкая требовательность руководящего состава к состоянию техники и вооружения вследствие низкой технической подготовленности; - безответственное отношение в низовых звеньях к состоянию техники и вооружения и слабое ее знание; - слабая ремонтно-техническая база; - низкое материальное обеспечение армии.

В заключение я сказал, что если не будут приняты меры к улучшению материального положения армии, вы можете потерять ее. Беседа прошла в деловой обстановке. Все присутствовавшие товарищи с вьетнамской стороны отлично понимали

справедливость оценки состояния боевой готовности ВНА и выразили решимость принять соответствующие меры через руководство армии и партийные организации.

Со дня прибытия в СРВ и по 24 сентября я не мог выкроить время для отдыха, а поэтому решил со своими товарищами поехать на рыбалку в район дач Министерства обороны СРВ. Это всего лишь в 8 км от дома, где мы жили. Несмотря на то, что было раннее воскресное утро, на улицах уже полно народа и как обычно бесчисленное множество велосипедистов. Практически пешком почти никто не ходит, все на велосипедах. Проехать машиной по любой улице требуется большое искусство. То и дело подаются сигналы для предупреждения проезжих на велосипедах. Велосипед не только средство передвижения вьетнамца, но и средство транспортировки. Только изредка везут что-либо на буйволе или машине. На велосипед грузят овощи и фрукты, выращенные на огородах и в садах: кабачки, бананы, какие-то зеленые длинные тыквы, папайю, лимоны, сахарный тростник, кокосовый орех, хлебный орех и т. п. Все это доставляется на импровизированные базары. Можно сказать, что весь город - базар.

Вскоре мы выехали за город и по узкой асфальтовой дорожке добрались до первой дачи, огороженной со всех сторон каменным забором. Это одноэтажное строение, достаточно приличное и хорошо обставленное. Мы въехали во двор, поставили машины и кинулись рыбачить. Дул легкий ветерок, но на середине озера уже было сотни рыбацких джонок. И как только они не боятся на таких маленьких лодочках забираться далеко от берега. Правда, они отлично ими управляют с помощью очень легких весел. Мы приспособились рыбачить на металлическом мостике, идущем от дачи к воде. Это довольно прилично и аккуратно сделанный мостик. Надо заметить, что вьетнамцы умеют делать хорошие вещи, если есть материалы. Они хорошо обращаются с цементом. Сооружая плоские крыши, гидроизолируя подвальные помещения, они не применяют рубероид и битум. Все делается за счет качества бетона и, надо сказать, достигают цели. Рыбалка шла плохо, выловили по 2-3 штуки рыбешек, типа нашей плотвы и решили к 9.00 возвратиться домой. Улицы были еще более заполнены велосипедистами. Все они были, как правило, в белых рубашках и темных легких брюках.

Надо сказать, что, несмотря на очень простую одежду, носят ее вьетнамцы аккуратно. Почти все одеты одинаково, нет никакого различия и подчеркивания своего достатка. Но это чисто восточное. Видимо в этом сказалось тысячелетнее господство и влияние китайцев на эту страну. В книге Э. Гессе

Вартегга "Китай и китайцы" отмечается, что по китайским законам, которые регламентировали всю жизнь китайца до мельчайших подробностей, каждое сословие имело свой цвет и покрой одежды и никто не имел права его нарушать. Время перехода до ношения зимней одежды к летней наоборот определялось императорским указом, а так как Пекин расположен в северной части Китая, южане длительное время изнывали от жары в ожидании на переход к ношению летней одежды. Никому не разрешалось построить дом выше, чем положено его сословию, ни одному мандарину (чиновнику) не разрешалось иметь носильщиков паланкина больше, чем ему положено по чину и т. п. В Китае тех времен были строго определены даже типы приветствий в зависимости от рангов начальства.

С нами на рыбалке находился переводчик подполковник Нгуен. Когда мы приехали домой, было еще раннее утро и я решил воспользоваться свободным временем и расспросить его в отношении одежды вьетнамцев. Когда я читал книгу "Китай и китайцы" там о белой одежде китайцев не упоминалось, а вьетнамцы в какой-то степени копировали китайцев во всем, в том числе и в форме одежды. Я спросил подполковника Нгуен: давно ли вьеты носят белые рубашки. Вот что он мне ответит: "Национальная одежда вьетнамцев проста по фасону и крою, лишена вышивок и украшений. Традиционно на одежду шли темно-коричневые или темно-синие хлопчато-бумажные ткани фабричного и ремесленного производства. В деревнях ее шьют деревенские портные. С ликвидацией сословий за последнее время в городах ее шьют преимущественно из белой ткани, а брюки из темной ткани фабричного производства или домотканые. Женская будничная одежда состоит из куртки, штанов, лифа-нагрудника или лифа-рубашки и головного платка. Куртка распахная, без подкладки, с двумя накладными карманами, глубокими (до 20 см), боковыми шлицами и круглым воротом. Штаны широкие в шагу и поясе, поддерживаются веревочной вздержкой. Штанины до 30 см шириной доходят до щиколоток и для удобства в работе их подворачивают выше колен.

Лиф представляет собой кусок ткани ромбовидной формы с вырезом для шеи и четырьмя тесемками, которые завязываются на спине. На севере Вьетнама в прохладный сезон женщины носят также прямозастегнутые платья-халаты с очень глубокими боковыми шлицами. Иногда их передние полы перекрещивают и завязывают сзади. По праздникам, в дни религиозных церемоний, при посещении храмов, пагод крестьяне надевают платья-халаты с узкими рукавами и воротом в виде невысокой стойки. В жаркий

и дождливый сезон надевают коническую шляпу из листьев пальмы латании на тонком бамбуковом каркасе. В сухие прохладные дни женщины прикрывают головы хлопчатобумажными платками размером 60х70 см, черного или темно-коричневого цвета.

Замужние женщины носят прическу в виде косы, уложенной вокруг головы справа налево. Волосы расчесывают, затем заплетают на матерчатый шнур и сплетенную косу туго обертывают прямоугольным куском ткани, после чего укладывают так, чтобы конец косы находился под ее основанием. У незамужних женщин волосы обычно свободно ниспадают на спину; их закрепляют на голове справа и слева заколками, а на уровне лопаток блестящими металлическими заколками.

Наиболее распространенная обувь крестьянок - деревянные сандалии с утолщенным каблуком и широким резиновым ремешком на ступне.

Одежда горожанок существенно не отличается от крестьянской. Покрой курток, штанов, платьев-халатов одинаков, но нарядных тонов. По выходным дням и вечерам женщины, особенно молодые, носят шелковые платки, которые надевают на плечи или обертывают вокруг шеи. Из обуви преобладают лакированные босоножки на деревянной подошве, удерживаемые на ногах широкой кожаной или резиновой перемычкой, а также открытые сандалии на плоской деревянной или резиновой подошве. В последние годы девушки все чаще надевают платья и туфли европейского фасона.

Основные элементы верхней мужской крестьянской одежды те же, что и женской, т. е. хлопчатобумажная куртка и штаны. В последнее время распространились в городах хлопчатобумажные куртки типа кителя с нагрудными и боковыми карманами и отложным воротником. Многие носят европейские костюмы, чесучевые пиджаки, полуботинки, парусиновые туфли или легкую парусиновую обувь на резиновой подошве. В жаркую погоду ходят без пиджаков, в брюках и белых рубашках с закатанными рукавами и открытым воротом.

Детская одежда по крою и расцветкам такая же, как и у взрослых. У детей трех-четырёх лет возраста на штанишках сзади имеется прорешка.

Современная одежда вьетов уже не отражает бытовавшего в феодальном Вьетнаме сословного профессионального деления общества.

Возвратившись домой, решил написать Начальнику 10 Главного Управления генерал-полковнику Зотову Н. А. об условиях работы наших советников в Кампучии. Но почему ему

самому не доложить начальству объективно об этом? Да и моему предшественнику давно надо было все откровенно донести, ведь речь идет об обеспечении советников жильем, холодильниками, мебелью, кондиционерами, без которых нормальная жизнь в этом климате невозможна.

С утра заслушивали генерала В. З. Копытина по делам в Кампучии. На некоторые вопросы в полном объеме, он не мог ответить. Мы понимали его трудности, но все же надо обстановку знать. К этому есть много путей, если их правильно использовать. Рассмотрели пятилетний план по Кампучии и ход его выполнения. Только наметки, а реального выполнения почти нет. Стало грустно и обидно за наш коллектив, работающий в Кампучии. Создается впечатление, что они напрасно там присутствуют. Их никуда не пускают, никто с ними не считается и не советуется. Наши братья-вьетнамцы все взяли в свои руки. Придется решать вопрос о верхах. В какой-то степени их можно понять. Всю тяжесть они несут на себе, но они должны уважать соглашение между СССР и НРК по советским военным советникам, в котором четко определена их сфера деятельности и обязанности. Нет. От соглашения отступать нельзя. Ведь это не личное дело советников, а вопрос перерастал в межгосударственные отношения. Стремилась найти точки соприкосновения общих интересов, но ничего не получалось. Так и не закончили выработку приемлемых пунктов протокола. Будем думать дальше.

После обеда хотел доложить А. А. Епишеву о встрече с начальником политуправления ВНА Тю Хюи Маном 24 сентября, но его не оказалось. Министр обороны СССР и его заместитель улетели в Болгарию на учение "Щит - 82". Доклад Алексею Ивановичу Сорокину - первому заместителю А. А. Епишева. Доклад дважды прерывался звонками, на которые он должен был отвечать. Доклад прошел нормально. Алексей Иванович поблагодарил за доклад, пообещал все доложить А. А. Епишеву. Хотел позвонить Н. А. Зотову по положению с редактированием протокола, но его не оказалось, он уехал в ГКЭС. Позвонил заместителю министра обороны СССР, Главкому сухопутных войск В. И. Петрову, но его тоже не оказалось. Он улетел с МО в Болгарию. Попытался позвонить в Улан-Уде, но не было связи. Пришлось возвратиться в штаб и сесть за текущие дела.

К 18.00 поехали с Алевтиной Васильевной на прием к советскому послу Борису Николаевичу Чаплину по случаю отъезда секретаря парткома Аркадия Филипповича Солодовникова. Были все посольские, вьетнамские мидовцы, послы и военные атташе соцстран. Мне составило большое

удовольствие поговорить с венгерским атташе полковником Бела и немножко поговорить по-венгерски. Он был приятно удивлен и сразу расположился ко мне. Мы поговорили о Венгрии, общих друзьях, обменялись мнениями. Вскоре подошла и его жена, с которой мы познакомились. Затем было знакомство с товарищем Гвоздевым Виктором Александровичем, главным экономическим советником нашего посольства, с послом Чехословакии Богуславом Гангл, с послом Болгарии Филиппом Марковым, ГДР Германом Швизау, Монголии Ривдамгийном Гунсен, Польши Брониславом Муселяк и другим. Особый интерес проявил чехословацкий посол. Проявили интерес и вьетнамские товарищи из МИД. Они раньше меня не знали, да и не могли знать. Произносились речи (тосты) в адрес Аркадия Филипповича. Они были теплыми и объективными. Он действительно хороший человек, опытный работник, умеющий мобилизовать коллектив на качественное выполнение стоящих задач. Пообещал проводить его на аэродром. Так и закончился еще один день моего пребывания во Вьетнаме.

На следующий день работал в штабе. Надо было все тщательно продумать по поездке на север и встретиться с Лен Гок Хиеном по поводу этой поездки. Встреча была назначена на 18 часов. План поездки был выработан и изложить его труда не составляло. Встреча прошла в хорошей обстановке. Заместитель начальника ГШ Лен Гок Хиен согласился с предложенным планом, пообещав выделить еще один вертолет для вьетнамских товарищей.

Мы торопились до начала работы на северном стратегическом направлении закончить подготовку протокола о разделении функций советских и вьетнамских советников в Лаосе и Кампучии и на следующий день опять собрались обсуждать пункты протокола, опять мучительный процесс разделения того, что невозможно было полностью разделить. По ходу подготовки протокола по всему было видно, что вьетнамская сторона не желала бы выносить этот вопрос на официальное обсуждение, тем более решать его на уровне Москвы - Ханоя, ибо это накладывало тень на наши отношения, которые были, в целом, доброжелательными. Однако, положение в Кампучии требовало узаконенного определения функций советских и вьетнамских советников, и мы настаивали на его подготовке и утверждении.

После обеда готовился к подведению итогов и постановке задач на октябрь. Надо было обсудить некоторые вопросы, довести их до сознания советнического аппарата, особенно по вопросам боевой готовности.

С 8.00 29 сентября доклад на совещании советнического

аппарата об итогах за сентябрь и задачах на октябрь. В целом прошло хорошо, но для себя я сделал вывод, что надо доклад делать короче. Слишком много фактов и примеров. Подготовка материалов запоздала и по-настоящему отработать его мне не удалось. Выручило свободное изложение текста без привязанности к написанному.

После постановки задач провел двухчасовое занятие генерал Царапкин по разработке документов мобилизационного плана. Занятия прошли хорошо и с большой пользой.

Посл обеда опять смотрел пункты протокола. Наконец, мы его сверстали в новой редакции, но будет ли он утвержден, трудно сказать. Посмотрим на реакцию Москвы.

Затем текущие дела, затянувшиеся до 21.00.

С 8.00 30.9 партийное делегатское собрание. Выступил с докладом. Доклад слушали внимательно. Затем пошли выступления. Некоторые, как адмирал Захаров Фридрих Федорович, жаловался на трудность советнической деятельности. Он подчеркнул, что внимание к ним за последнее время ослабло и труднее стало проводить предложения и советы в жизнь. Говорили о неустроенности быта, об отсутствии культурного досуга, спортплощадок и т. п. Все правильно, но как эти вопросы решить? Нужны люди, материалы, а именно это является проблемой. Собрание прошло хорошо. В заключении я высказал мысль, что наша советническая деятельность должна быть более успешной, т. к. мы приобрели опыт, знаем условия и только надо разумно все предлагать и проявлять настойчивость. Да, у вьетнамцев тяготение к самостоятельному решению вопросов очень большое, хотя беспорядков еще много. Иногда наши предложения не совсем учитывают сложившуюся обстановку, традиции и сложность ТВД. Проведем опытные учения и посмотрим, что получится. После обеда занимался подготовкой к полевой поездке на север. Предстоит серьезная и трудная работа.

К 7.00 1 октября были на аэродроме. Хотелось сэкономить время и побольше посмотреть войска Куньмыйского Особого Военного Района. Полковник Бардюговский Владимир Иванович, советник при ГВС по авиации утверждал, что погода хорошая, идет на улучшение и можно лететь. Провожали генерал-лейтенант Ж. К. Кереев, генерал-лейтенант П. М. Недзелюк и другие генералы и офицеры. Не люблю этих проводов. Всегда предупреждаю и требую не делать этого, но увы, все повторяется сначала. Они по-своему понимают свою службу. Вылетели в 7.15. Все шло хорошо до Хайфона, но затем началась дымка, которая переросла в туман, а затем в дождь и грозу. На подходе к штабу КОВР (Куньмынский Особый Военный Район) то и дело сверкали

молнии справа и слева вертолета. С большим трудом в дождь мы добрались по ущелью к штабу. Нас, видимо, не ожидали. Это чувствовалось по всему ходу событий и той растерянности, царившей на площадке посадки вертолета. Растерянность объяснялась просто - в такую грозу мы не должны были прилететь и нас не ждали.

Благополучно приземлившись, мы были встречены и. о. командующего КОВР генерал-лейтенантом Лам и другими вьетнамскими товарищами. Вместе с ними нас встречали советские военные советники: генерал-майор И. В. Вельджанов, советник при НШ КОВР полковник Мельник. Вьетнамские товарищи, будучи гостеприимными, сразу пригласили на чай. Но мы дипломатично ушли от чаепития. Нам нетерпелось заслушать командование КОВР. В течение 2-х часов мы слушали генерал-майора Лам и начальника разведки. Мне понравилась обстоятельность доклада, да и карта была отработана весьма прилично. После уточнения ряда вопросов мы решили лететь в 395 пд, но погода не улучшалась. Мы поняли, что надеяться на вертолет - просто тратить в пустую время, да и хотелось посмотреть одно из важных направлений своими глазами. Благо были машины и мы двинулись. До штаба дивизии ехали 2,5 часа. Наконец, мы добрались.

Нас встретил командир дивизии старший полковник Тхай. Это очень энергичный и опытный полковник. Он обладал незаурядной мудростью и организаторскими способностями.

Заслушав командира дивизии, мы решили побывать на КП 44 пп, но подняться на высоту машинами было нельзя. Тогда мы решили поехать на передний край. На главном направлении оборонялся 9 сб 44 пп. Мы это знали и я настаивал на посещении этого батальона. Вьетнамские товарищи всячески отговаривали меня, ссылаясь на безопасность, подчеркивали, что они за нас отвечают головой и т. п. Но я убедил их, что ссылки на безопасность напрасны, что там воюют солдаты, а мы тоже солдаты и должны проявлять солдатское мужество. С большим трудом уговорили вьетнамских друзей удовлетворить нашу просьбу. До переднего края оставалось 10-15 км и мы двинулись. Бесконечные КПП и на каждом проверка. Правда, нас особо не задерживали, видя большое начальство и твердые распорядительные команды генерала Лам.

Наконец, мы добрались до подножья высоты 611, но надо на нее взобраться. Желание посмотреть передний край, встретиться с солдатами переднего края было неудержимым. Мы шаг за шагом начали подниматься на высоту. Все мои спутники были моложе на 10-20 лет, а мне уже почти 60, да еще излишнее

курение. Здесь во Вьетнаме температуры всегда высокие и большая влажность. С меня пот катился градом, все было мокрое, но я решил, во что бы то ни стало добраться до вершины высоты и побывать на переднем крае. Не скрою, что для меня это было делом очень трудным, даже невероятно трудным, но я не подавал вида и упорно шел к цели. Все же три раза пришлось остановиться для передышки. Я понимал, что это не совсем удобно, но другого выхода не было. Эти остановки были по 2-3 минуты, но все же остановки. Понимали ли они мои годы, мои трудности - не знаю. Во всяком случае делали вид доброжелательности, к которой я относился весьма критически. Не менее 3-4 литров пота было спущено за это время, но все же высота была "покорена" и мы - на первой траншее. Характерно, что вьетнамские товарищи потели не менее, чем мы. В 300-500 метрах противник, он хорошо наблюдается, особенно в относительно крупном населенном пункте за рекой. Говорили, что там около 3500 китайцев, но не демонстрируют своего присутствия в этом населенном пункте. 9 пр 3 пб 44 пп обороняла очень важный участок на этом направлении и мы тщательно ее изучили.

Командир полка доложил по местности созданную систему обороны. Она отвечала характеру местности и возможным вариантам действий противника, однако на правом фланге сил было недостаточно, а это одно из главных направлений, да и полоса полка, состоящего из четырех пб, достигала 25-30 км по фронту и до 10 км в глубину. К сожалению, на второй позиции оборонялся только один батальон и то на левом фланге полосы обороны полка. В полку был плохо оборудован КП и практически отсутствовала связь между батальонами. Управление предполагалось по УКВ радиостанциям и сигналами. Сделав необходимые указания, мы возвратились в расположение штаба дивизии. Возвращение было значительно легче, чем подъем в высоту. Стемнело, вертолет к штабу дивизии не пришел и нам ничего не оставалось делать, как заночевать здесь в штабе дивизии. Командир дивизии проявил большую настойчивость к этому. По возвращении мы заслушали его о состоянии дивизии и перешли в другое помещение пить чай. Завязалась беседа и мы проговорили до 23 часов. Надо было ложиться спать. В отведенной комнате стояла кровать, накрытая тонким матрасом и белой простыней и покрывалом с подшивкой. Было жестко и сыро, но сон взял свое.

К 5 часам утра проснулся и больше спать не хотелось. Сделал физзарядку, попил чаю и решил сделать запись в книге посещений дивизии, которая предусмотрительно лежала на

столике. Завтракали в 6 часов, т. к. вылет в 323 пд наметили на 7.00 утра. Кушать не хотелось, съел банан и на этом завтрак был закончен. В 6.50 мы слышали шум вертолета и обрадовались, что день пойдет по плану. Ровно в 7.00, попрощавшись с командиром дивизии, мы улетели. Перед отлетом принесли к вертолету ствол с бананами. На нем было не менее 5-6 кг бананов. Я пытался отказаться от этого, но мне сказали, что это делать нельзя, можно обидеть хозяев. Их хватило на всю группу нашего вертолета.

В 7.30 мы совершили посадку на небольшом стадионе, он еще был мокрым после дождя и стояли лужи воды. Вокруг стадиона разрушенные бунгало свидетельство недавнего тайфуна, прошедшего на севере страны. Нас встретил командир дивизии старший полковник Зян с начальником политотдела. Сразу пошли в домик, где все было подготовлено к заслушиванию. Командир волновался, но доложил о состоянии дивизии неплохо. Возник вопрос: в какой степени боевой готовности она находится? Было странно слышать, что она находится в повышенной боевой готовности, как определил ГШ. Я не мог не прокомментировать этот вопрос, но обсуждать указания ГШ не стал и не имел права. После заслушивания дал указания по организации обороны дивизии. Многие вещи были не учтены. Действия ПТ резерва предусматривались с одной позиции, не было позиции для маневра артиллерии, не были предусмотрены действия отдельного самоходного батальона по огневым рубежам, плохо был посажен второй эшелон и другие недостатки.

Но мы торопились в полки 1-го эшелона. Надо было их посмотреть повнимательней. Когда мы подъехали к штабу полка, нас уже ждал командир полка и замполит. Мы не стали на КП слушать решение на оборону, а решили посмотреть на местности. Мне показали высоту с выступом, очень похожую на крышу дома. Она была довольно высокая и я сразу понял, что опять предстоит штурм высоты. Вначале мы пытались проехать по дороге, которая вела к высоте, но она после тайфуна была вся размыта и в валунах. С большим трудом на УАЗах мы добрались до середины, а дальше машины подняться не могли. С грустью я посмотрел на эту высоту, но решил не сдаваться. Надо было подниматься дальше. Двигаться было труднее, чем вчера. Температура воздуха до 35°, да еще после дождя сильно парило. Мой темно-коричневый военный костюм, сшитый перед поездкой в СРВ, хорошо притягивал солнце. В отличие от вчерашнего, я решил идти медленно, чтобы не задыхаться. Через час мы были на высоте.

Пот градом катился по лицу, спина и все костюм были

мокрыми. С высоты хорошо просматривалась местность во все стороны. Траншеи шли по склону высоты на удалении 200-300 метров, от траншей противника. Он, видимо, хорошо нас наблюдал, так как его наблюдательные пункты были тоже на высотах. Командир полка показал районы обороны батальонов и рот первого эшелона. Их и так было хорошо видно с высоты. Мне понравилось расположение батальонных и ротных опорных пунктов, хорошо оборудованных системой траншей, которые отлично просматриваются с высоты, где мы находились. Но беда в том, что полоса обороны полка была шириной до 35 км и сил полка явно не хватало, хотя полк состоял из 4-х батальонов. Глубина обороны была создана не только на левом фланге, но и на правом, самом доступном направлении. Правый фланг обороны дивизии оборонял еще один полк, упиравшийся своим правым флангом в берег залива. За правофланговым полком оборонялся полк 2-го эшелона. На этом же направлении была ДАГ, реактивная батарея, батальон "САУ-100". Так что правый фланг был надежно обеспечен, что создавало устойчивость и для левофлангового полка.

Время было 13.00 и мы решили спускаться с высоты, что потребовало немало времени. Спустившись, мы сели в машины и вскоре были у штаба полка, где намечался обед. Сняли куртки, майки, ополоснулись, но одевать снятое было невозможно, оно все было пропитано потом. Решили в тазиках прополоскать майки, платки и развесить сушить. Солнце и небольшой ветерок позволили через 30 минут все высушить. Обедать не хотелось. Перед обедом выпил 3 чашки зеленого чая без сахара. Поблагодарив за обед, мы поехали в штаб дивизии, но по пути должны были заехать на позиции отдельного самоходного батальона. Так мы и сделали.

Одна из рот находилась на техническом обслуживании. Я с удовольствием посмотрел САУ-100. Когда-то, командуя полком, у меня также был батальон САУ- 100. Это отличные машины с непревзойденной точностью стрельбы. Батальон всегда имел отличную оценку, да и я с удовольствием стрелял из них даже на инспекции. Собрались офицеры батальона и я решил рассказать им об этой замечательной машине, тем более что исполняющий обязанности командующего КОВРа недооценивал их преимущества и считал, что их надо передать в подчинение начальника артиллерии. Пришлось убедить его в ошибочности суждений, но это было сделано в машине, когда мы возвращались в штаб дивизии. Я постарался уделить этому вопросу побольше времени и рассказал все способы, которые возможны в обороне при их применении. Думаю, что он хорошо понял это. В штаб мы

не заезжали, а поехали прямо к вертолетам. У вертолетов было до сотни солдат, сержантов и офицеров. Ведь не так часто вертолеты здесь появляются. Командир дивизии Зян все не хотел прощаться и я недоумевал. Но вскоре все выяснилось. Принесли сделанного из угля миниатюрного льва в качестве сувенира. Я вынужден был принять его. Через 1 час 15 минут мы были в Хаоне на своей вертолетной площадке, а сувенир передали в подразделение связи, которое нас обслуживало.

В 7.00 4 октября вылетели на основное Лакшанское направление. Сначала мы должны были побывать в 1 ВО и заслушать командующего генерал-лейтенанта Дам Куан Чунга. Это один из старейших и опытейших командующих ВНА. Еще в детстве он был знаком с Хо Ши Мином, так как его село было расположено рядом с местом пребывания в подполье Хо Ши Мина и его соратников. С тех пор он становится на путь революционной деятельности, выполняя различные поручения в качестве связного. К революционной деятельности приобщались и его старшие братья и сестры. Все они прошли большой революционный путь. Под воздействием Хо Ши Мина он, как и его братья и сестры, стал настоящим революционером-интернационалистом.

Штаб округа располагался в небольшом населенном пункте. Мы были встречены командующим округа генералом В. В. Кавериним, советником при начальнике штаба округа генералом Шмелевым. Дам Куанг Чунг был знаком мне еще по Улан-Удэ и мы встретились как добрые знакомые. После встречи в течении двух часов состоялось заслушивание командующего округом. Из доклада чувствовалось хорошее знание обстановки на всех направлениях в полосе обороны округа. После доклада мы хорошо разобрались с вопросами инженерного оборудования полос обороны дивизий и корпусов, использование территориальных войск и войск самообороны провинций и уездов. Этот вопрос уже ставился при Г. И. Обатурове, но до конца доведен не был. Надо было снова его обсудить и убедить вьетнамских товарищей, что все войска в полосе дивизии, корпуса, округа должны действовать по единому замыслу и плану проведения оборонительной операции. Возникали и другие вопросы, особенно по созданию полосы обеспечения. Было ясно одно, что шаблонный подход к ее созданию мог нанести большой вред в случае внезапного нападения противника. Противник мог захватить господствующие, ключевые высоты и тем самым поставить соединения и части обороняющихся войск в тяжелое положение. Пришли к выводу, что так создавать полосу обеспечения нельзя. Надо подойти к ее созданию разумно, не

уступая противнику господствующих высот на главных направлениях. Вьетнамские товарищи согласились с мнением и охотно поддержали его.

Затем мы перелетели в штаб АК, расположенный в районе маленького населенного пункта. Встретил и. о. командующего корпусом старший полковник Там. В штабе корпуса мы заслушали командующего корпусом. Присутствовали генерал Каверин и генерал Гольдин. Заслушивание прошло нормально. Чувствовалось возросшее мастерство генералов и офицеров ВНА. По нашему плану мы должны были посетить пд, заслушать командира дивизии и посмотреть передний край обороны. На первом вертолете летели командующий Дам Куан Чунг с группой генералов и офицеров. Мы шли за ними в удалении зрительной видимости. Но произошло непредвиденное. Экипаж вертолета не мог найти подготовленную площадку и, ища ее, вклинился на территорию Китая на 3-4 км. Когда я посмотрел в окно вертолета, траншеи противника смотрели в сторону Вьетнама. Я приказал сделать резкий разворот налево и немедленно уходить. Ведь нас легко было сбить даже обычными пулеметами. Слава богу, мы ушли безнаказанно. Видимо служба ПВО у китайцев была поставлена плохо. Наконец, мы нашли площадку в небольшой впадине между гор и совершили посадку.

Мы находились в полосе обороны полка 1-го эшелона дивизии. Заслушали доклад командира дивизии, командира полка и надо было уже возвращаться, так как солнце начало садиться. Через 25 минут мы были в штабе 14 АК. Вьетнамские товарищи решили организовать ужин совместно с местными властями - первым секретарем провинции Ла Бан, председателем народного комитета Бу Чу Ланг и и. о. командующего территориальными войсками провинции полковником Хуан Лан. После ужина состоялся концерт силами 14 АК, который много раз прерывался выключением света.

На следующий день перед возвращением в штаб корпуса мы залетели в 327 пд, где заслушали ком. дивизии. Хотели побывать на переднем крае, но приближалась гроза и мы побоялись застрять на неопределенное время в этой дивизии. Вечером мы заслушали командира 3 пд, находящейся во 2-ом эшелоне.

С утра 5.10 перелетели в соединения левого фланга корпуса. Побывали на переднем крае, посмотрели ту сторону. Погода была не очень жаркой, но тем не менее, взбираясь на высоту, изрядно вспотели. После обеда мы еще посмотрели одно хозяйство. Везде давали советы, как лучше организовать оборону, использовать вторые эшелоны, артиллерийские и другие средства. Полезность работы поднимала настроение. Вьетнамские друзья принимали

советы доброжелательно.

В 17.00 мы вылетели в соседний корпус на Као Бангское направление. На это направление очень уж торопился командующий округом генерал-лейтенант Дам Куан Чунг. Ведь там у границы его родина и его народность. "Тай". Интересно, что из этой маленькой народности вышло много генералов, в том числе командующий 2-го округа генерал-лейтенант Бу Лап, некоторые заместители министра обороны ВНА. Мой сопровождающий старший полковник Чан До говорил, что это очень воинственная народность, что китайцы, если они попадали к ним в плен, их расстреливали без допросов.

В Као Банге нас встретил командующий корпусом генерал-майор Доан Хонг Шон. После заслушивания нам было объявлено, что мы приглашаемся на совместный ужин, который давал генерал Хонг Шон. На ужине должны были присутствовать секретарь парткома провинции Зыонг Тьонг, председатель народного комитета Лыонг Ич Лап, исполняющий обязанности командующего войсками провинции полковник Хуан Лан.

На 8 часов утра было намечено заслушивание командующего корпусом, а затем поездка в одну из левофланговых дивизий на машинах. Хотелось посмотреть местность на этом направлении, да и место, где родился Дам Куан Чунг.

Переправившись через реку по подвесному мосту, мы оказались на другой стороне реки, где собралось много народа. Мы ожидали подхода машин, которые переправлялись на пароме. Я внимательно рассматривал приветливых вьетнамцев, одетых в различные национальные одежды. У генерала Дам Куан Чунга оказались знакомые, которые обступили его со всех сторон. Чувствовалось по всему, что он здесь свой человек и его очень любят местные жители.

Вскоре подошли машины и мы поехали дальше, но попали на базарную улицу. Она вся была забита торгующими и покупателями. Среди предметов торговли было много стеклянных и других сосудов. Полковник Чан До объяснял мне, что здесь очень любят погулять и многие с базара не возвращаются в результате сильного опьянения. Начинают пить с утра и пьют весь день, пока не сваливаются где-нибудь под кустом или у обочины дороги. Пьют самогон из риса собственного производства.

Вскоре мы попали в небольшую долину, где были остановлены китайцы во время агрессии в феврале-январе 1979 года. Валялись останки ПТ-76. Их было уничтожено в этом районе 18 штук. Мне рассказал генерал-лейтенант Дам Куан Чунг, что когда партизаны окружили в районе Као Банга до 300 человек китайцев, он на БТР-152 въехал прямо в их сосредоточение и на

китайском языке, которым он владеет безукоризненно, обратился к окруженным. Они вначале приняли его за китайского командира и стали просить его вывести их из окружения. Но автоматчики, сидевшие в бронетранспортере, быстро рассеяли их надежду. Все они сдались в плен.

Мы ехали еще 30-40 минут, проезжая многочисленные небольшие деревушки. Все они выглядели разоренными и страшно бедными. Бросалось в глаза обилие детишек. Они все приветливо улыбались и махали руками. Наконец, мы добрались до уездного центра, но останавливаться не стали, т. к. сказали, что если мы сейчас остановимся, наша поездка прекратится, что здесь очень гостеприимный народ и особые национальные обычаи. Особенность национального обычая состояла в том, что при угощении девушки подносят бокалы с рисовой водкой и ты должен взять бокал и поднести ко рту девушки, а она берет твой бокал, подносит его к своему рту и, таким образом, оба должны вместе пить. Никогда и ничего подобного не встречал. Меня предупредили, что это обычай и его надо уважать.

Но с обычаем мы познакомились позже, а пока мы ехали к переднему краю. Вскоре мы остановились и пошли дальше пешком. По тропинке мы взбирались на небольшую высотку и стали наблюдать. До китайских траншей оставалось 300-400 метров и надо было быть осмотрительным. Впереди нашей траншеи в 100-200 метрах были разрушены дома. Здесь жили вьетнамцы до агрессии 1979 года. На небольшой высотке справа от домов стояло больше ветвистое дерево. Генерал Дам Куан Чунг пояснил мне, что под этим деревом похоронена одна из его старших сестер, первая знавшая грамоту и работавшая учительницей в этом поселке. До революции 1945 года никто из женщин Вьетнама грамоте не обучался. Это было запрещено.

Рассмотрев позиции противника и оценив местность, мы отошли назад, сели в машины и поехали обратно. Через 600-800 метров мы остановились у небольшого поворота дороги, справа от которого в 200-300 метрах была небольшая деревушка. Мы вышли из машин. Генерал-лейтенант Дам Куан Чунг пояснил мне, что именно в этой деревушке он родился, вырос и что сейчас еще сохранился дом, в котором из его родственников никто не живет. Это был обычный дом с глиняным фронтоном, выкрашенным в палевый цвет. Я попросил сфотографироваться на фоне этого поселка, что и было сделано. У поворота дороги стояли какие-то развалины. Мне пояснили, что здесь был форт французов и командовал им французский лейтенант. Когда французы за связь с революционерами хотели расстрелять товарища Дам Куан Чунга, он, будучи совсем юношей, скрывался в пещере за рекой.

Он показал мне эту пещеру. Кстати, таких пещер в этом районе очень много, как и вообще в горах Северного Вьетнама. Дело в том, что горы Северного Вьетнама состоят из слабых известняковых пород и по своей форме очень причудливы. Редко где можно наблюдать подобное явление природы. Представьте себе ровную как стол местность и сотню возвышающихся как величественные замки скал, поросших растительностью и деревьями. Эти скалы разбросаны на огромной ровной поверхности, каждая в отдельности. Такую же картину можно наблюдать не только на равнинной местности недалеко от Ханоя, но еще более изумительную у Северного побережья Вьетнама. Говорят, что их свыше 300 этих островов-скал. Можно подумать, что кто-то могучей рукой рассыпал их в прибрежной части моря для изумления и восхищения человека.

Вообще природа Вьетнама исключительно красива и многообразна. Множество рек и речушек тысячелетиями пробивали себе дорогу через горы, образовав по берегам отвесные белые скалы. Особенно в северной части Вьетнама. В центральной западной части горы Вьетнама менее высокие и более отлогие и доступные для человека. Возвращаясь, мы увидели изумительно чистую реку, которая берет свое начало прямо из-под скал. Не подумайте, что это родник. Нет. Это начало целой реки широкой в 30-40 м и с бурным потоком. На этой реке множество устройств для очистки от кожуры риса. Кто еще помнит нашу ступу, тот легко представит это устройство, но оно работает не от ног человека, а от потока воды, который через рычаг то поднимает, что опускает ступу (округлый в 60-80 см кусок дерева), которая в бетонной чаше постепенно снимает кожуру с риса. Говорят, что это самое древнее устройство для очистки риса.

Через 20 минут мы были в уездном населенном пункте, куда нас пригласил Дам Куан Чунг. Нас встретил секретарь парткома уездного комитета и председатель народного комитета. Пригласили на обед, за которым мы и должны были соблюдать обычай народности Тай. Мне было неловко от сознания, что я должен подносить бокал ко рту девушки, а она мне. Но она не настаивала на соблюдении обычая, когда я принял из ее рук бокал она пошла дальше. Генерал Каверин уже хорошо был знаком с этим обычаем и легко его осуществил. То же самое сделали и другие. Меня удивило, как молодая женщина может принять столько спиртного и чувствовать себя бодро. Вскоре мы пообедали и были приглашены на чай.

Возвратившись к вечеру в Као Банг, нас разместили не в штабе корпуса, а на базе местного территориального полка. Нам предстоит еще ужин, устраиваемый секретарем местного

провинциального комитета партии и председателем народного комитета. На ужине были произнесены тосты за наши партии, народы, армии, за нашу дружбу и здоровье всех присутствующих. После ужина смотрели концерт провинциального ансамбля. Концерт был хорошим. Вьетнамцы, надо сказать, очень музыкальный и певучий народ. Они прекрасно исполняют песни и танцы.

6 октября планировали вылет в правофланговое соединение в 7.00 утра, но туман сделал свое дело. Лететь в горах в тумане - дело крайне опасное. Пришлось ждать до 10 часов утра, когда туман начал рассеиваться. Попрощавшись с местными руководителями и офицерами АК, мы вылетели в пд.

Вскоре мы были на высоте 511 м, где были оборудованы площадки для двух вертолетов. Благополучно приземлились, заслушали командира дивизии и по плану должны были возвращаться в Ханой, но что поделаешь. Надо уважать людей.

Вскоре мы попрощались и взяли курс на Ханой. К 14.00 мы были в Ханое. Никто нас не встречал, так как телеграмму, которую передали вьетнамские товарищи, нашим не сообщили, да и вьетнамских товарищей никто не встретил. Как потом оказалось, виновным был оперативный дежурный ГШ ВНА.

В 7.00 7 октября вылетели во 2-ой ВО. Погода стояла неустойчивой, но мы все же решили лететь. Кое-как добрались до Нянчанга, где был аэродром и можно было приземлиться. От аэродрома ехали целый час до штаба округа. Лил проливной дождь. В течение двух часов заслушали и. о. ком. округом генерала Дот Чинь. Он исполнял обязанности, т. к. генерал-лейтенант Ву Лан был в Москве на шестимесячных курсах.

Генерал Дот Чинь окончил две академии в Советском Союзе и хорошо владел русским языком, хотя с некоторым акцентом. Все же доклад он вел на вьетнамском языке, т. к. ему было легче это сделать на родном языке, да и многие присутствующие не знали русского языка. Из доклада было видно, что начальник штаба округа хорошо владел обстановкой и успешно изложил все вопросы, стоящие в докладе. Мы все остались довольны докладом. Затем мы перешли к обсуждению вопросов, возникших в ходе доклада. Прежде всего о полосе обеспечения и роли территориальных войск в ее прикрытии. Дело в том, что выделяемые территориальные батальоны для охраны полосы обеспечения не были связаны между собой и регулярными войсками. Они участвовали самостоятельно и спросить было некого в случае прорыва противника на отдельных удаленных от полосы обороны той или иной дивизии направлениях. Они не входили в общую полосу ответственности дивизий и не были

связаны между собой.

Другим важным вопросом был вопрос об использовании артиллерии. Вьетнамские товарищи почему-то назначают позиции артиллерии очень далеко от переднего края. Эта болезнь просматривалась на всех направлениях. Пришлось выдать рекомендации и по этому вопросу. Возник разговор об использовании вторых эшелонов полков, дивизий и 2-го эшелона корпуса. В ходе обсуждения пришли к единому мнению.

Пока мы обсуждали эти вопросы, нам доложили, что погода в районе посадки хорошая и нас могут принять. Мы выехали на аэродром. До аэродрома дождь продолжался, но в районе аэродрома дождя уже не было. Мы поднялись и вдоль р. Красной пошли на северо-запад. Через 25 минут мы были на КП корпуса, где нас встретил командир корпуса генерал Нам Дин. Почти трое суток мы смотрели и изучали оборону корпуса. Она была организована более разумно, чем на других направлениях. Чувствовалось старание вьетнамских товарищей и мастерство генерала Сувалова Евгения Архиповича - нашего советника при командующем 2-ым ВО. Генерала Сувалова я знал еще по Чехословакии, как командира полка, а затем по совместной службе в Среднеазиатском округе, когда он был командиром мсд. Это очень хороший генерал, с чувством высокой ответственности за выполнение своего долга перед Родиной.

В течение трех дней мы побывали почти во всех соединениях Лаокайского направления, в том числе в нескольких местах на переднем крае. Лаокай почти полностью разрушен, а на противоположном берегу реки китайская половина города, нарочито приведенная в хорошее состояние, красовалась своей свежестью. В бинокле было все хорошо видно. Жители города свободно перемещались по его улицам. Обстрела в данном районе вьетнамских позиций они не допускали, боясь за обстрел их части города. Не обстреливали их часть города и вьетнамская артиллерия. Мне понравилась система обороны, созданная вьетнамскими частями и соединениями на этом направлении.

Вообще Лаокайское направление более доступно для действия войск, чем Лакшонское, особенно с преодолением небольшой по глубине гряды гор у границы. Не случайно на этом направлении в период агрессии китайцы сосредотачивали до 2-х АК. Вдоль долины р. Красная идет железная дорога, мост через реку разрушен и вновь возводился к рудникам аппатитов, которые также разрушены в период оккупации этого района. Изучение Лаокайского направления было для нас очень полезным. Правду говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Сегодня 10 октября - день рождения сына. Пытались с Алевтиной Васильевной дозвониться в Киев, но ничего не получилось. Квартира не отвечала. Видимо, с утра поехали на дачу к Геннадию Сергеевичу, а, возможно, просто на природу.

В понедельник работал над обобщением материала для доклада министру обороны СРВ и Министру обороны СССР по итогам изучения обороны на северном стратегическом направлении, но текущие дела, накопившиеся за время работы на севере страны, не дают сосредоточиться. Здесь как в полку - все надо рассмотреть, принять решение, дать ответы, да еще надо было заняться замыслом очередного учения, в который потребовалось внести ряд изменений. Жансен Кереев, как обычно, сопротивляется, но что ему делать. Благоразумие берет верх и он сдается. Так и должно быть. Логика - вещь сильная, против нее идти трудно. Еще кое-какие дела и день закончен. Пытался завершить вечером доклад, но голова уже не соображала. Почитал "ролик" и отправился спать.

С утра 13.10 заканчивал подготовку докладов. Как будто нашел правильную форму и определил самые важные вопросы. Осталось оформить. Посмотрим на реакцию. После обеда пришел генерал-майор Г. К. Филоненко, генерал-лейтенант П. М. Недзелюк, полковник В. А. Одегов, разобрались с делами по Хайфону, принял новых советников Павлова и Стрельникова и день закончился.

Завтра встреча с Министром Национальной обороны СРВ генералом армии Ван Тиен Зунгом. Давно не виделись. Не хотелось по мелочным вопросам беспокоить. Завтра другое дело. Есть о чем поговорить, посоветоваться и посоветовать. Посмотрим как все получится. Сегодня вечером смотрели кинофильм "Ярослав Мудрый". Какая борьба между князьями. Вспоминаешь книгу "Жестокий век" и думаешь, а чем отличалась междоусобная борьба там и здесь. Такая же жестокость. Видимо, всем народам надо было пройти этот этап развития.

Получил письмо от Александра Михайловича Батракова. Он возглавлял отделочников на строительстве штаба войск Дальнего Востока. Какое-то двойственное чувство к этому человеку. С одной стороны простота, деловитость, готовность помочь, а с другой - беспардонность, навязчивость, стремление залезть тебе в душу помимо твоего желания. Это результат плохого воспитания в детстве, а может быть и позже. Ведь он говорил как-то, что только в общении на строительстве штабного комплекса в Улан-Уде на площадке Т-80 он поверил, что есть порядочность, есть какие-то идеалы в жизни, а не только деньги, вино и женщины. Но, видимо, груз прошлого крепко сидит в характере, если не в

сознании, и все время прорывается наружу. Пожалуй, я правильно понял суть его характера, его облик. А ведь он способен, даже в какой-то степени талантлив. Он мог бы найти другой путь в жизни, более благородный и необходимый людям.

Нет. Он уже не найдет. Слишком избалован деньгами и необузданной свободой. Бросить все это для него уже невозможно. Он пойдет дальше и именно этим путем. Хорошо бы ошибиться. Время покажет.

Сел за "Очерки истории Вьетнама" издательства Ханой-1977 г. и нашел замечательную вещь. В главе "Конфуцианство и ученые - конфуционы" говорится: конфуцианство во Вьетнаме с XV в. испытывало на себе очень сильное влияние сунской философской школы в Китае. Канонические конфуцианские книги с комментариями Чжоу С были предметом штудирования всего образованного общества того времени, определяли собой программы конкурсных экзаменов, проводившихся в торжественной обстановке через каждые три года. Установление духовной гегемонии конфуцианства, проповедывавшего в качестве высших добродетелей и залога общественного благоденствия безоговорочную верность монарху, подчинение младшего старшему, соблюдение социальной иерархии и этикета, отвечало интересам упрочения централизованного феодального государства. Конфуцианское учение служило идеологическим инструментом для увековечивания власти монархии и феодальной бюрократии, но так как эта власть была шагом вперед по сравнению с господством родовой аристократии в эпоху Чан, то и распространение конфуцианских догм было на определенном этапе явлением прогрессивным. Хотя конфуцианство в принципе признало за народом право восстать против недостойного властителя, такой бунт воспринимался конфуцианистами, как немыслимое преступление, как гибель всего общественного и даже космического порядка.

И еще. Самым выдающимся деятелем вьетнамской культуры в первой половине XV в. был Нгуен Чай (1380-1442 гг.), ученый конфуцианского толка, мысль и творчество которого выходили далеко за пределы конфуцианства. Нгуен Чай был одним из вдохновителей и организаторов победоносной народной войны против минских захватчиков. Блестящий стратег, дипломат, государственный деятель. Он оставил замечательные поэтические творения, а также труд по истории ланшонского движения и географический очерк страны. Своей многогранной деятельностью, грандиозными масштабами, своей личностью Нгуен Чай удивительно напоминает современных ему гуманистов европейского возрождения. Он уговорил предводителя борьбы с

минами Ле Лоя и солдат не поддаваться жажде мести и отпустить на родину 100-тысячное войско Минов.

Нгуен Чай глубоко понимал роль народа в освободительной войне и государственном строительстве, проявлял постоянную заботу о жизни простых людей. "Осыпанные милостями, не забывайте о тех, кто пашет землю", - учил он придворных сановников. Незадолго до смерти Ле Лоя Нгуен Чай написал для него замечательное "Поучение принцу - наследнику", Отрывок из поучения: "Во всем, что касается защиты родных пределов и руководства войсками, личного совершенствования и правления страной, держись верных правил, не ища удовлетворений легких. Дрожи согласием с приближенными, будь с ними прост и сердечен. С любовью относись к народу, неустанно делай добро и являй милосердие. Не присуждай незаслуженных наград из личного расположения, не наказывай несправедливо в пылу гнева. Не гоняйся за богатством, чтобы не пристраститься к роскоши, остерегайся красоты бездуховной, чтобы не погрязнуть в разврате". "Цени добрых и справедливых, и тем обеспечить себе поддержку народа, а народ подобен морю, что и несет и опрокидывает челн". "Оповестительное слово о запирации Нго", написанное Нгуен Чаем от имени короля Ле Лоя по случаю изгнания минов в 1448 году по глубине и благородству идейного содержания и совершенству формы, справедливо считался одним из шедевров вьетнамской литературы. Сборник его стихов насчитывает 254 стихотворения.

15 октября докладывал министру обороны СРВ о результатах поездки на север. Доклад длился около 2-х часов. Все прошло хорошо. Видимо, старший полковник Чан До и старший полковник Лён хорошо проинформировали министра обороны о проделанной работе. Все предложения и рекомендации были приняты без замечаний и доброжелательно. Это хорошо. Я убедился в реалистичности подхода к этому вопросу вьетнамских товарищей. Все зависит от того, что предлагается, как предлагается и кто предлагает. Можно сказать, что труд был не напрасен, он увенчался результатами. Согласие министра обороны с выводами и предложениями по состоянию обороны на северном стратегическом направлении еще раз подчеркнуло его способность правильно оценивать обстановку и готовность принимать рекомендации, если они разумны.

В последующие дни занимался подготовкой КШУ. Это дело серьезное. Надо все продумать, взвесить, убедительно доложить товарищу Ван Тиен Зунгу и Ле Чонг Тану замысел и план проведения учения.

В один из дней вышел на генерала Зотова Н. А. о протоколе

по советникам Капучии и Лаоса, о дополнительном советническом аппарате, согласованном с министром обороны СРВ Ван Тиен Зунгом. Все тянут, а надо быстрее решать. То они тянули, то мы начали тянуть. Так можно тянуть до бесконечности.

С 19 октября начал подготовку к поездке в Москву на совещание в МО СССР по подведению итогов года и задачах на 1983 год. Это нелегкий труд, да еще новый по своему существу. Там в войсках это проще, а здесь надо все взвесить десяток раз. Вечером партийное собрание. Надо выступать, а это опять отнимет время. В повестке дня стоит вопрос о подготовке и проведении КШУ, а без выступления главного военного советника по этому вопросу оно не мыслимо и мне пришлось выступать.

21 октября 1982 года опять состоялась встреча с МО СРВ Ван Тиен Зунгом. Вообще это очень приятный человек со своими взглядами и убеждениями по вопросам стратегии, оперативного искусства и тактики. Каждый человек имеет право на свои взгляды и убеждения. Другое дело как мы оцениваем, с какой стороны к ним подходим. Много тысяч лет многострадальной истории вьетнамского народа, борьба с превосходящими в десятки раз силами противника выработали определенный метод борьбы с ним. Этот метод всегда основывается на всенародной борьбе народа. Китайские поработители, а они были и есть извечными врагами вьетнамского народа, приходили, завоевывали часть или полностью страну, пока народ не поднимался на борьбу, не применял своеобразную тактику уничтожения противника по частям, а в завершение громял основные силы противника и выбрасывал его за пределы своего государства, своих границ. Так было и в период борьбы вьетнамского народа против китайцев с 1418 по 1428 годы.

Ле Лой (1385-1434 гг.) - богатый землевладелец из горного района Ламшон провинции Тханьхоа, вынашивал замысел патриотического восстания, тайно собирал вокруг себя единомышленников. В феврале 1418 г., уже располагая более чем тысячной дружиной, он провозгласил себя властителем под именем Бинь Динь Вьонг и обратился к народу с призывом подняться на борьбу за изгнание китайских захватчиков. Призыв Ле Лоя нашел горячий отклик в различных кругах вьетнамского общества. Со всех концов страны люди, преодолевая препятствия и опасности, съезжались в Ламшон и присоединялись к повстанцам. Среди них был выдающийся мыслитель и стратег Нгуен Чай, вскоре ставший ближайшим соратником Ле Лоя.

До 1423 года еще малочисленные отряды повстанцев в основном вели партизанскую войну в горных районах провинции

Тханьзоа, мужественно отражая атаки китайцев и наращивая свои силы. Твердая воля и военный талант вожаков, героизм и самоотверженность повстанцев помогли ламшонскому движению преодолеть большие трудности, найти выход из самых тяжелых ситуаций, не раз создававшихся в первые годы борьбы, чтобы выиграть время для укрепления своих рядов, Ле Лой в мае 1423 года предложил китайским властям перемирие. Мины (китайцы) приняли это предложение и в течение почти полутора лет пытались склонить Ле Лоя к капитуляции, суля ему богатство и почести, но вождь народного восстания отверг их домогания.

К концу 1424 года китайские войска возобновили наступление на Ламшон. Ле Лой по совету Нгуен Чая перебросил повстанческую армию в соседнюю провинцию Нгеан и при поддержке восставшего населения быстро овладел военными крепостями противника в этой провинции. Из Нгеана повстанцы повели наступление на расположенные к югу провинции Танбинь и Тхуанхоа, и с июня 1425 года начали наступление на север. Повсюду, где появлялись их боевые отряды, народные массы оказывали им горячую поддержку, снабжали продовольствием, вступали в их ряды, вооружались для совместных действий. "Народ встречал нас торжествами и шел за нами толпами, дороги запрудив", позднее вспоминает Нгуен Чай. Ламшонское восстание быстро переросло в народную освободительную войну. К концу 1425 года весь обширный район страны от Тханьзоа до южных границ, за исключением крепости Тэйдо, был очищен от оккупантов. Минский двор поспешил направить своим войскам во Вьетнаме подкрепления численностью 50 тысяч чел. под командованием Ван Туна. Решив не терять времени, Ле Лой в сентябре 1426 года бросил повстанческую армию на освобождение дельты Красной реки. Натиск повстанцев и единодушно присоединившего к ним населения, был так силен, что мины должны были оставить многие провинции и спрятаться в военных крепостях.

В ноябре 1426 года войско Ван туна достигло Тханлонга. У минов в этом районе теперь оказалось 100-тысячная армия и они решили перейти в наступление. Однако, в сражении под Тотдонгом (западный пригород Тханлонга) мины потерпели тяжелое поражение, потеряли убитыми и ранеными 60 тысяч человек и вынуждены были снова запереться в столице. Ле Лой стянул к Тханлонгу дополнительные силы из южных провинций и готовился взять город штурмом. Тогда Ван Тун попросил перемирия, надеясь на подход новых подкреплений. В октябре 1427 г. полки минского императора, брошенные на помощь Ван Туна, перешли границу Дайвьета. Одна группа войск в 100 тысяч

солдат под предводительством Лю Шена наступала из провинции Гуанси, другая в составе 50 тысяч чел. во главе с Му Цинем шла из Юньнани. Не снимая осады Тханьлонга и других вражеских крепостей, вьетнамское командование послало часть войск преградить путь Му Циню, а основные силы решило сосредоточить на северо-восточном направлении, чтобы уничтожить армию Лю Шэна. Первый тяжелый удар был нанесен противнику 10 октября в котловане Тиланг (провинция Лангшон). Вражеская группировка, уверенная в своем военном превосходстве, попала в засаду, хитроумно устроенную вьетнамцами и понесла большие потери. Сам Лю Шэн был обезглавлен в рукопашном бою. Остатки этой группировки, рвавшиеся в Тханьлонг 3 ноября 1427 г., были окружены и разгромлены в местечке Сыонгзианг (современная провинция Хабак). Узнав об этом, полки Му Циня, задержанные близ вьетнамско-китайской границы, обратились в бегство и потеряли в боях с преследовавшими их вьетнамскими частями около 20 тысяч чел. Ван Туну, лишившемуся всякой поддержки извне, ничего не оставалось, как сложить оружие и дать Ле Лою честное слово отвести на родину все свои войска. 3 января 1428 г. последний солдат миновал территорию Вьетнама. После поражения 1427 г. минская династия уже никогда не пыталась подчинить себе Дайвьет.

Пишу об этом с такой подробностью потому, что Ле Лой и Нгуен Чай являются самыми популярными полководцами из истории Вьетнама, а их стратегия и тактика легли в основу так называемой теории народной войны. О существовании вьетнамской доктрины, основанной на историческом опыте ведения народной войны с иностранными поработителями, в ведении которой решающую роль играли территориальные войска, народное ополчение и войска самообороны мне было известно из информации Г. И. Обатурова. С самой доктриной ведения народной войны можно было бы согласиться, если бы за этой доктриной не скрывалась явная недооценка современной кадровой армии, без определяющей роли которой нельзя победить врага в нынешних условиях ведения войны. Сложность моего положения, как и Геннадия Ивановича, была в том, что теорию ведения народной войны поддерживало руководство страны и, прежде всего, Ле Зуан. Их можно было понять в том плане, что война вьетнамского народа против иноземных захватчиков на различных этапах существования Вьетнамского государства всегда успешно велась, как народная война с использованием территориальных войск, народного ополчения и войск самообороны. За историю существования вьетнамского

государства иноземные поработители более двенадцати раз поработщали Вьетнам, но каждый раз героический вьетнамский народ, будучи значительно меньшим по численности, создавал врагу невыносимые условия. Он сначала громил его по частям, а в завершение наносил окончательное поражение объединенными условиями вьетнамской армии. Так было всегда.

Против Ханей выступали сестры Чынг, против Сунов - Динь Тиен Хоанг и Ле Дай Хань, против Юаней - Чан Хынг Дао, против Минов - Ле Лой. Так было и при ликвидации французского господства, когда объединенными усилиями вьетнамской и частей лаосской армии она окончательно в мае 1954 года разгромила французов у Дьенбьенфу. Другой характер носили боевые действия в период освобождения Южного Вьетнама. В блестяще разработанной и успешно осуществленной операции "ХОШИМИН" решающую роль сыграли объединения, соединения и части регулярных войск ВНА по взаимодействию с частями и соединениями территориальных войск и народного ополчения.

Интересно то, что ни в одном из описанных военных событий за многие столетия нет отрицания решающей роли армии в разгроме противника. Мне были известны и полководцы уже новых времен от Августовской революции 1945 года до наших дней. К ним относились Ле Дык Ань, Ле Чонг Тан, Хоанг Ван Тхай, Ван Тиен Зунг и другие. Все это приводится здесь для того, чтобы читатель понимал, что идея на обсуждение принятой вьетнамским руководством военной доктрины, в основу которой легла теория народной войны с преувеличением роли территориальных войск, народного ополчения и подразделений самообороны и приниженной роли регулярной, кадровой армии, нельзя было не знать хотя бы основные исторические события, связанные с защитой страны, с разгромом иностранных захватчиков, не знать способов, форм и методов, применявшихся в ходе вооруженной борьбы, роли и места армий, народного ополчения и войск самообороны. Только опираясь на все это и используя марксистско-ленинское учение о войне и армии, огромный опыт нашей страны, накопленный за всю историю нашего государства, и особенно в годы Великой Отечественной войны и опыт других стран мира можно было вести дискуссию с таким теоретиком военного дела, имеющим большой опыт ведения боевых действий в современных условиях, как Ван Тиен Зунг. Еще до встречи с Ван Тиен Зунгом со многими положениями вьетнамской военной доктрины, я не мог согласиться. От этой доктрины слишком веяло чем-то китайским. Видимо, это было не случайностью. В период добрых отношений между Китаем и Вьетнамом, а этот период наступил после победы

Августовской революции, многие генералы и офицеры Вьетнама учились в китайских средних и высших военных заведениях, и естественно, невольно впитали положения военной доктрины, теорию и практику обучения и воспитали положения военной доктрины, теорию и практику обучения и воспитания войск китайской армии. Теория ведения народной войны была в основе военной доктрины КНР. Несмотря на победу социалистической революции в Китае и переход к строительству социализма, существовавшая теория ведения народной войны почти не изменилась. Из замечательной книги немецкого исследователя Э. Гессе Вартега "Китай и китайцы" достаточно основательно рассмотрены основы, на которых зиждилась оборона страны, организационно-штатная структура армии, вопросы мобилизационной и боевой готовности, теоретические положения, формы и методы обучения и воспитания войск. Можно легко представить все несовершенство армейского организма без единой нервной и кровеносной системы, без научного подхода к созданию техники и вооружения, без оснащения войск современными средствами борьбы. В конце XIX века современной армии с централизованным управлением, как единого армейского организма, не существовало.

Подготовка к военной защите государства была возложена на губернаторов провинций, которые обязаны были содержать определенное количество частей народного ополчения, вооружать и обучать их. В случае военной угрозы стране, они должны были выставлять эти войска на укомплектование армии и армия должна была этими войсками защищать страну. Но так как каждый губернатор не желал тратить средства на содержание и обучение ополчения, на оснащение его современным вооружением и техникой, это ополчение, вливаясь в общий состав армии не было способно вести боевые действия и бороться с войсками капиталистических стран, которые в конце XIX века практически безнаказанно захватили огромные куски территории китайского побережья. В этом грабеже отличалась и царская Россия, захватив Манчжурию, Порт-Артур, порт Дальний и весь Ляодунский полуостров. Китайское правительство вынуждено было беспрепятственно согласиться на условия, продиктованные империалистическими государствами, так как защитить страну было некому.

В период пребывания на должности главного военного советника при ВНА генерала армии Г. И. Обатурова и уже при мне слишком широкое распространение получило мнение, что для Вьетнама сильная регулярная армия не нужна, что надо иметь в провинциях достаточное количество территориальных войск,

народного ополчения и подразделений самообороны, вооружив их легким стрелковым оружием, гранатами, минами и этого, по их убеждению, будет достаточно для надежной защиты страны. Это мнение широко поддерживалось некоторыми партийными секретарями и председателями народных комитетов, которые хотели быть независимыми от государства, от центра, в какой-то степени удельными князьями. Исторически почти всегда так происходило, когда ослаблялась центральная власть.

Разве у нас сейчас нет стремления некоторых бывших советских союзных и автономных республик к полной самостоятельности со своей армией и остальными атрибутами власти. Они не желают понять, что создают удобные беззащитные куски, которые будут легко поглощаться врагами нашего государства, им самое главное удовлетворить свои амбиции, а что будет с народом, им дела мало. Они убеждают народ, что дипломатическими средствами можно защитить страну в условиях нового политического мышления и что армия уже не нужна, но это сказка про белого бычка господина Шеварнадзе и его подхалимов. Никто еще не сумел из волка сделать овечку, а из капиталиста друга советской власти.

Но это я очень увлекся современностью и ушел от обсуждения главного вопроса тех дней - военной доктрины СРВ, принятой на совещании руководящего состава партии, правительства, секретарей партийных комитетов, председателей исполкомов провинций и руководящего состава Вооруженных Сил СРВ, которое было проведено в Хошимине.

В каждом вьетнамце, а тем более у руководителей армии, глубоко засели в сознании уроки истории и они готовы следовать им и в наше время - время технической революции, насыщения армий самыми современными средствами борьбы, повлекшими за собой новые формы, способы и методы ведения вооруженной борьбы.

Ван Тиен Зунг считает, что новые способы ведения боевых действий при насыщении армий самыми современными средствами борьбы приемлемы, как он выражается, для культурных театров военных действий, а на территории ЮгоВосточной Азии и Вьетнама в частности, они не пригодны. Он убежден, что территориальные войска, войска самообороны и народное ополчение, должны сыграть решающую роль в борьбе с превосходящими силами противника. Я допускаю мысль, что товарищ Ван Тиен Зунг, будучи хорошо подготовленным в военном отношении, возможно, следовал убеждениям Ле Зуана, Ле Дык Тхо и других руководящих товарищей, с мнениями которых он был вынужден считаться.

В каждой провинции, уезде, населенном пункте существуют эти силы, руководящие уездными и провинциальными комитетами. Имеются командующие территориальными войсками со своими штабами и политорганами. Каждый секретарь провинциального партийного комитета имеет свои "вооруженные" силы. Получается, что он, в определенных условиях может проводить свою политику, свою независимую линию, опираясь на свои вооруженные силы. Их набирается в провинции немало, до 50-60 тысяч. Не случайно, что многие секретари комитетов партии проводят свою, почти независимую политику. Иногда дело доходит до абсурда. Генеральный штаб приказывает призвать, к примеру 1000 человек в регулярную армию, а постановлением, решением партийного войска укомплектованы на 150-200 процентов лучшими призывными контингентами. Государство в государстве - так можно определить общую суть нынешней системы. Разумеется, министр обороны СРВ об этом не говорит. Он говорит, что они будут играть решающую роль в войне по опыту многовековой истории страны.

Разговор с МО СРВ возник в связи с его решением изменить тему учений. "...Мы давно не занимались территориальными войсками, надо их поучить, а поэтому мы проведем учение по оборонительной теме", - заявил он. Вслед за этим он и начал излагать суть теории народной войны, идеологом которой являлся Ле Зуан. Он излагал свои взгляды примерно 40 минут. Я внимательно слушал и ждал окончания изложения этой теории, готовясь дать ответ. Я мог перенести этот разговор на другое время, сославшись на свою неготовность к этой дискуссии. Но я не мог это сделать из чисто психологических соображений. Он мог подумать, что я не готов к этой дискуссии, потому что не располагаю достаточными доводами, достаточными аргументами. Могло сложиться впечатление, что я должен проконсультироваться, накопить какой-то материал для дискуссии по этой теории. Я не мог допустить этого. Многолетнее изучение марксизма-ленинизма, работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также знание основополагающих взглядов по вопросам стратегии, оперативного искусства и тактики классиков марксизма- ленинизма, позволяло мне дать ответ сразу же после изложения им своих взглядов.

Пока он говорил, я собирался с мыслями, восстанавливал в памяти все, чем я располагал по этому вопросу.

Я мысленно еще раз прошелся по истории войн вьетнамского народа с чужеземными поработителями. Эти сведения были для меня еще очень свежими. Закончив слушать теорию народной войны, мы сделали перерыв. Это было хорошо. У меня появилось дополнительное время собраться с мыслями. После перерыва мы сели за стол для продолжения делового разговора. Попросив разрешения, я начал с того, что я не был бы коммунистом, интернационалистом, другом вьетнамского народа, если бы я откровенно не высказался бы по этому вопросу. "Только откровенно", - заявил Ван Тиен Зунг. "Хорошо, я буду совершенно откровенен". "Товарищ министр Национальной обороны СРВ. Теория ведения войны не армиями, а народными не нова. Об этом хорошо сказано в работе В. И. Ленина "Падение Порт-Артура". Именно в ней В. И. Ленин сказал: "...Канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами". (В. И. Ленин, ПСС, т. 9, с. 154, 156).

Когда началась Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков, первой песней нашего народа была "Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, идет война народная с фашистской ордой". И она действительно была народной. Народной в том плане, что весь народ поднялся по зову Коммунистической партии на защиту своей родины. Фронт и тыл стали единым целым. Красная Армия героически одерживала натиск фашистских полчищ, в тылу врага развернулось партизанское движение, руководимое подпольными комитетами партии и ЦК КПСС. Во главе руководства партизанским движением стоял К. Е. Ворошилов. Создавались батальоны и полки народного сплочения, население страны строило оборонительные сооружения вокруг городов, которым угрожал враг, день и ночь работали люди в тылу, обеспечивая фронт всем необходимым. Это был всеобщий героизм людей на фронте и в тылу во имя победы. В этом плане Великая Отечественная война была всенародной. Но КПСС, Советское правительство никогда не допускали недооценки регулярной армии. Они все делали для обеспечения Красной Армии самыми современными средствами борьбы, заботились о разработке самой современной стратегии, оперативного искусства и тактики, они зорко следили за подготовкой командных кадров для Красной армии и за выучкой войск. Наша партия никогда не забывала Ленинского положения о том, что самая преданная, самая революционная армия будет уничтожена, если она плохо вооружена и обучена. Таким образом, мы, советские коммунисты, понимали роль народа в борьбе с фашизмом, но никогда не

забывали о решающей роли в этой борьбе Красной Армии. Опыт Великой Отечественной войны показал, что пока мы не достигли количественного и качественного превосходства Красной Армии над противником, пока мы не научились по-настоящему бить врага, мы при всем героизме нашего народа пятились до Волги и предгорья Кавказского Хребта. Только создав качественное и количественное превосходство, овладев искусством бить врага, мы остановили противника, а затем и разгромили его, освободив не только нашу Родину от фашистской нечисти, но и спасли народы Европы от фашистского порабощения. Покончив с фашизмом на Западе, мы, верные союзническим обязательствам вступили в войну против Японии, разгромили Квантунскую армию, освободили северную часть Китая и Корею.

Августовская революция в вашей стране стала возможна в результате этой победы. Это Вы хорошо знаете и правильно оцениваете. В наше время идет народная война в Сальвадоре, героически боролся за свою свободу и независимость народ Ливана и Палестины, но они не могут противостоять вооруженным до зубов современными средствами борьбы армии Израиля и правительственным войскам Сальвадора, поддерживаемых всеми силами и средствами американским империализмом. Разве это не наглядное доказательство необходимости иметь сильную современную, хорошо оснащенную и обученную армию. Да, именно она, эта армия, способна противостоять армии противника.

Что касается Юго-Восточного театра военных действий, его особенностей, то здесь надо иметь в виду высказывание Фридриха Энгельса - великого знатока военного дела, в его замечательной книге "Анти-Дюринг". В этом труде он сказал, что опыт войн показал, что горы ни одной из воюющих сторон не давали преимуществ, т. е. ни наступающей, ни обороняющейся стороне. Разумеется, что горы, джунгли создают особенности в ходе боевых действий, но это особенности в равной степени относятся как к наступающей, так и к обороняющейся стороне. Мы не отрицаем роль территориальных войск, войск самообороны, ополчения.

Разрабатывая "Основы подготовки и ведения операций ВНА", мы включили в состав Вооруженных Сил вьетнамской армии и территориальные войска, таким образом как бы закрепили их право на существование. Но мы против преувеличения их роли, как и других формирований в ущерб роли регулярной армии. Современный самолет, вертолет, артиллерийскую систему, средства ПВО, ракету, надводный или подводный корабль из автомата, винтовки или карабина не уничтожить. Нужны

современные средства борьбы, нужна современная армия. Вы говорите об историческом опыте борьбы Вашего народа с превосходящими силами противника, поклоняетесь тем формам и способам, которые применялись столетиями для разгрома противника. Естественно, что опыт надо учитывать, это огромное достояние народа, армии. Но ко всякому опыту надо относиться критически. Надо учесть, что за последние 30-40 лет человечество сделало в своем развитии огромный скачок, который привел к технической революции, к созданию невиданных средств ведения вооруженной борьбы. Атомное оружие, ракеты, сверхзвуковые реактивные самолеты, лазерное оружие, бактериологическое и химическое оружие и чего только нет в этом арсенале средств уничтожения не только человека, но и природы. Поэтому рассчитывать на те способы и формы ведения современной войны, которые применялись многие столетия, было бы ошибкой. Классики марксизма-ленинизма утверждают, что ни одна будущая война не будет вестись теми способами и методами, которыми велась предыдущая. Мы, советские военные тоже допускали слишком большое преувеличение значения прошлого опыта. Мы слишком увлекались изучением и внедрением опыта гражданской войны и войны со странами Антанты. В тех условиях большое значение, как маневренное средство боя, имела кавалерия. Мы много насоздавали кавалерийских дивизий, которые в самом начале войны показали свою неспособность противостоять механизированным группировкам противника, мы неправильно оценили опыт войны в Испании, не правильно сделали выводы из финско-советского конфликта. На основании этого опыта, в канун войны, стали расформировывать механизированные корпуса, танковые бригады и т. д. Все это привело к тому, что в начальный период войны у нас нечем было противостоять танковым и механизированным группировкам противника и уже в ходе войны мы все это создавали снова, т. е. танковые, механизированные корпуса, бригады, а затем и армии. Вот что значит неправильно, некритично подойти к опыту. Это может нанести непоправимый вред.

Вы утверждаете, что наш опыт ведения боевых действий периода Великой Отечественной войны пригоден только для Европейского театра военных действий, как вы сказали для культурного театра, а у них горы и джунгли, а поэтому он в условиях Вьетнама непригоден. Но Советская Армия имеет огромный опыт ведения боевых действий не только на равнине, но и в горах Кавказа, Карпат, в горном районе северной Чехословакии, в горах Большого Хингана и в других горных районах. Лично мне пришлось участвовать в Моравско-

Островской операции, а там горные районы. У нас большой опыт ведения боевых действий в горно-лесистой и лесисто-болотистой местности. Так что опыт ведения боевых действий у нас разнообразный и из него можно много взять полезного - для Вьетнамской Народной Армии.

И так мы за регулярную армию, оснащенную самыми современными средствами борьбы, за освоение и мастерское владение современным вооружением и техникой, за внедрение достижений современной науки в области оперативного искусства и тактики, за решающую роль регулярной армии в будущей войне и за максимальное внимание к ее становлению и развитию, а территориальные войска, войска самообороны, народное ополчение должно дополнять, подкреплять регулярную армию. Мы не должны забывать указания В. И. Ленина в его работе "Государство и революция" о том, что одной из основных функций государства является функция его защиты, т. е. создание современной армии, ее воспитание и обучение.

Армия всегда была, есть и будет опорой существующего строя, щитом государства. Она должна быть всем обеспечена, в том числе и ее офицерский состав в материальном отношении. У вас офицер живет хуже лавочника, ремесленника, крестьянина. Это недопустимо. Надо все сделать для того, чтобы офицер жил лучше всех категорий граждан страны, если мы хотим иметь в ней надежную опору. Так поступали КПСС и Советское правительство, так поступают партии и правительства стран социализма. Такое отношение к армии диктуется не только ее ролью в защите государства, но и трудностями военной службы, особенно усилившимся в связи с бурным развитием вооружения и техники, всех средств борьбы. Раньше солдата мог учить ефрейтор и сержант, т. к. на вооружении армии была винтовка, карабин, пушка, шашка, да лошадь. Сейчас это им не под силу. Освоение современных средств борьбы, основанных на электронике и других достижениях современной науки, возможно только под руководством офицера с высшим военным образованием. Вот почему служба офицера стала очень тяжелой. Он должен все делать сам - обучать подчиненных, управлять современными средствами борьбы, нести боевое дежурство у этих средств и т. п.

На этом я хотел закончить дискуссию о роли регулярной армии, но меня все время беспокоила одна мысль, которую мне хотелось высказать министру обороны СРВ. "Разрешите, товарищ министр обороны быть откровенным до конца". "Да, конечно! Только откровенно и до конца". "Хорошо, я буду откровенным до конца". "Ваша страна, товарищ министр обороны, переживает в

настоящее время большие экономические трудности, вызванные расстройством экономики в результате тридцатилетней войны в американским империализмом и сайгонским режимом за освобождение и объединение своей Родины, необходимостью оказания помощи Кампучии в разгроме полпотовских банд и освобождении страны, содержанием значительного контингента войск в Кампучии и необходимости налаживания экономической жизни этой страны, китайской агрессией 1979 г. и необходимостью содержать большую армию для собственной защиты и защиты интересов Кампучии и Лаоса. Имеются и другие факторы создающие трудности в экономике, в обеспечении населения и прежде всего рабочего класса, интеллигенции и армии продовольствием и промышленными товарами, ошибки в хозяйствовании, разбушевавшаяся стихия частного предпринимательства и т. п. Все это создает сложную военно-политическую обстановку в стране. Далеко не все население правильно понимает эти трудности. На севере, где строительство социализма осуществляется 37 лет, население воспитано на идеях социализма и прочно стоит на этих позициях. Но на юге страны положение другое. Трудности экономического плана используются врагами социализма для контрреволюционной деятельности. Вашему правительству приходится бороться с отдельными контрреволюционными выступлениями. На юге страны, как и на севере, имеются территориальные войска и другие формирования в каждой провинции и уезде. Не могут ли эти войска, в определенной ситуации, явиться вооруженной силой контрреволюции. Кто может дать гарантию их надежности? Я такой гарантии дать не могу. Зачем эти формирования существуют в мирное время? Какая в них необходимость? Думаю, что нам надо все это хорошо взвесить и принять правильное решение. У меня все. Извините за пространное изложение своих взглядов".

Министр обороны не стал комментировать высказанное мною мнение по обсужденному вопросу. В ходе моих рассуждений он вел себя спокойно и заинтересованно.

На второй день утром я встретился с генералами армии Тю Хюн Маном и Хуан Ван Тхайем и был приятно удивлен, что они уже знали о состоявшейся беседе с министром обороны Ван Тиен Зунгом по обсуждению Вьетнамской доктрины ведения народной войны. По их улыбкам и написанной на лицах доброжелательности я понял, что они с моими положениями согласны. Интересно то, что высказанное мною мнение я повторял высказывать при выступлениях перед слушателями академий и училищ и никогда со стороны командования

Вьетнамской Армии не встречал недоброжелательности, осуждения. Правда, я всегда избегал сопоставления с официально принятой доктриной. Это было бы с моей стороны неуважением к тем, кто ее разрабатывал и официально принял на вооружение. Думаю, что это было правильно. Вьетнамские друзья исходили, видимо, из этого, что должна быть борьба мнений, в ходе которой рождается истина.

29 октября вылет в Москву ожидался в 17.30. На аэродроме меня провожали заместитель МО СРВ Чан Ван Куанг, начальник ГТУ генерал Ле Ван Чи, начальник канцелярии внешних сношений, военный атташе полковник Давыдов В. А. и мои заместители. Самолет с вылетом опаздывал из-за неполадок с заправкой горючим. Сидели в зале ожидания для отъезжающих, пили чай и разговаривали на различные темы. Время шло медленно, да и было неудобно за моих товарищей. Они вынуждены были ждать отлета, а ведь это была суббота.

Наконец, мы сели в самолет. Зайдя в самолет, я выбрал место в середине салона. В салоне нас было четверо, но вскоре я услышал венгерскую речь и повернулся посмотреть, кто это из венгерских товарищей летит в Москву. К моему большому удивлению и радости я увидел Йожефа Сакали - бывшего первого секретаря ВСРП 10-го района Будапешта, а ныне председателя партийного контроля при ЦК ВСРП. С ним было еще два человека. Мы крепко обнялись, поцеловались, не переставая удивляться такой неожиданности. Говорили в начале по-венгерски, к общему удивлению его товарищей, но скоро мне стало трудно излагать свои мысли на венгерском языке из-за слабого знания всех его особенностей, да и многие слова уже позабылись. Мы перешли на разговор по-русски. Йожеф и один из его товарищей говорили по-русски хорошо. Долго мы вспоминали встречи в Будапеште, наших общих друзей. Он поделился впечатлениями о пребывании в СРВ, все время жалуясь на усталость от гостеприимства вьетнамских друзей.

Мы были уже в воздухе, набрали высоту и нам предложили ужин. По случаю встречи мы выпили по рюмке коньяку и вскоре мой друг уснул. Его товарищ, не знающий русского языка, подсел ко мне и начал разговор. Мне трудно было ему отвечать, все время подбирая венгерские слова, но мы все же поговорили минут 40. Видимо, и ему было трудно говорить со мной, хотя он утверждал, что я разговариваю по-венгерски хорошо. Надо было отдохнуть и мы заняли свои места. Я был рад этой встрече. В период работы в ВНР у меня сложились хорошие отношения с венгерскими товарищами. Мы хорошо сотрудничали с МО ВНР генералом армии Лайошем Цинеге, с его заместителем генерал-

полковником Карой Чеми, с начальником генерального штаба ВНА генерал-полковником Иштваном Олах, с генерал-лейтенантом Ференц Карпати - начальником политического управления ВНА, с начальником оперативного управления генералом Ремени, с командующим армией генерал-лейтенантом Лайош Мороц и многими другими, как военными, так и гражданскими товарищами. Особенно дружеские отношения у меня сложились с командующем рабочей милицией генералом И. Пап. Это изумительный человек, беспредельно преданный идеям социализма, нашей дружбе. Вспомнил я и нового секретаря 10 района Будапешта Йожефа Зорноци, и 16-го района Михай Шомоди и других. Все они по-братски относились к советским товарищам, оказывая всяческое внимание.

В Бомбее, где наш самолет совершил первую посадку, я на прогулку не выходил, просто не было желания, да и за бортом было около 30# тепла, а в самолете прохладно. Через час мы взлетели, а через полтора часа уже были в Карачи. Мой друг Йожеф Сакали спокойно отдыхал. Через иллюминатор я наблюдал за дружной работой при обслуживании нашего самолета. Его буквально облепили специальные машины: заправляли, качали воздух и еще бог весть что делали. Через 55 минут мы взлетели, взяв курс на Ташкент. Мои венгерские друзья не могли понять, почему на Ташкент, а не на Москву. Наш самолет вполне мог долететь до Москвы, имея достаточный запас горючего. Но все дело было в том, что полностью в Карачи он не заправлялся. Надо платить доллары за горючее, а наша авиакомпания всячески их экономила. Да это и правильно. Нашему государству нужна валюта. Самолет несколько опаздывал и мои венгерские товарищи беспокоились, сумеют ли они улететь в Будапешт в 8.30 утра. В это время уходил рейсовый самолет на Будапешт. Я тоже за них беспокоился, договорившись, что если они не улетят, мы встретимся в Москве. В Ташкенте садились в дождь. Наконец родная земля и можно погулять. Мы пошли в аэровокзал. Никогда до этого не приходилось его видеть. Это прекрасное, современное, в стекле и мраморе сооружение с просторными вестибюлями, залами, рестораном и другими удобствами для пассажиров. Венгерские друзья внимательно все рассмотрели и у меня сердце переполнялось гордостью за нашу страну. Ведь Ташкент - это город на бывшей окраине России, а наши друзья не всегда знают достигнутые успехи нашими советскими республиками, не всегда имеют возможность убедиться в этом своими глазами.

До Москвы оставалось лета 4 часа 20 минут. До отлета самолета на Будапешт, после нашего приземления, оставалось

30-40 минут, да еще надо было получить багаж и оформиться для посадки. Я попросил командира корабля сообщить при подлете к Москве о делегации, которая должна улететь на Будапешт, с целью задержки рейса. Все было исполнено. Моих друзей встретили венгерские представители из посольства ВНР в СССР, среди которых были и мои хорошие знакомые. Они сообщили, что рейс задержан и можно еще позавтракать в ресторане. Приглашали и меня, но я, поблагодарив, отказался. Мы тепло распрощались. Я попросил Йожефа Сакали передать от меня привет и самые добрые пожелания всем венгерским друзьям. Я был рад этой встрече, общению с венгерскими товарищами, возможности передать приветы.

На протяжении всего полета у меня болели зубы, и я не мог дожидаться, когда смогу обратиться к врачам. В день прилета в Москву было воскресенье и надо было терпеть до понедельника. Решил никуда не ходить и никому не звонить. Приехав домой, помылся, попил кофе и решил уснуть. Сон шел плохо. Минут через 40-50 проснулся. Достал список Алевтины Васильевны и начал искать вещи, которые она предложила привезти из Москвы. Кое-что нашел, отметив в списке. Включил телевизор, о котором вначале забыл. Шла программа, посвященная 60-летию Молдавской ССР. Хорошо пели и плясали. Они всегда молоды. Наступил вечер и можно было лечь спать, но раздался звонок. Открыв дверь, я увидел генерал-лейтенанта Федора Каллистратовича Ищенко. Мне всегда приятно с ним встречаться, можно поговорить откровенно и по душам. Извинившись за скромный стол, мы сели за него и просидели часа два-три. Он приглашал к себе в гостиницу, но никакого желания у меня не было. Проводив его, я отправился спать. Так закончился первый день пребывания в Москве. Это было 24.10.82 г.

С утра поехал в 10 управление. Встретился с Н. А. Зотовым и уточнил программу на последующие дни. Поговорили о делах, о проблемах. Мне надо было ехать в зубную поликлинику. Зубы не давали покоя. К 11 часам нашел поликлинику Московского военного округа, где в свое время лечила зубы Алевтина Васильевна. Встретился с начальником поликлиники и сообщил ему о своих возможностях для лечения по времени. Посоветовавшись и сделав снимки, мои спасители приступили к работе. Решили снять коронки и мост с левой стороны и подлечив зубы, все восстановить к 29.10., да еще надо было вырвать два корня с правой стороны, т. е. оставить меня без зубов, так как после удаления корней кушать было нечем. Когда врач снял коронки и мост, я с ужасом заметил, что скоро придется делать мосты съемные, не за что уже цеплять постоянные. Вот что значит

не следить за зубами. Все нет времени, все куда-то торопимся. Все дни 25, 26, 27 и 28 я мучился без зубов, вернее без мостов и коронок, что не давало возможности нормально питаться и даже разговаривать.

К 29.10 все же удалось все восстановить и на совещании у МО СССР я уже был с зубами. Не давало все эти дни покоя и предстоящее выступление на совещании. Только два месяца как я в этой роли и надо выступать. Каждый день продумывал. Создавал варианты выступления, но чувствовал, что все не так, как хотелось бы, да еще предложено не выступать по бумаге, а будет свободная беседа с трибуны.

Готовился с добросовестно, все накапливал цифры, касающиеся состояния ВНА. Планировались к выступлению генерала армии Сорокина М. И., мое выступление, выступление генерал-лейтенанта Сорокина Г. И. по Сибири, генерал-лейтенанта Курочкина К. Я. по Анголе и генерала армии Щеглова А. Ф. по Польше. Все эти выступления должны быть интересными. В ходе выступлений МО СССР задавал много вопросов. Когда я вышел к трибуне, министр обороны сказал: "Ты недавно в СРВ и расскажи, как тебя приняли, как идут дела, над какими проблемами работаете". Я доложил, что приняли меня хорошо. Был удостоен чести принятым Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном, председателем Совета Министров СРВ Фан Ван Донгом, министром Национальной обороны СРВ генералом армии Ван Тиен Зунгом, начальником ГШ ВНА Ле Чон Таном, начальником Главного Политического управления Тю Хюи Маном, министром НРК Бут Хонгом, министром национальной обороны ЛНДР генералом армии Кхамтай Сипфандонгом и другими лицами, что отношения складываются хорошо, вопросы решаются по-деловому. Доложил о состоянии обороны на Северном стратегическом направлении, о внесенных предложениях и рекомендациях, о положительной реакции на принятие предложений.

Затем кратко остановился на проблемах и более подробно на внутривнутриполитическом положении в стране. Эту часть доклада слушали с особым интересом. Говоря о материальной обеспеченности офицерского состава, я подчеркнул слишком маленькую зарплату офицерского состава - 200-250 донгов, при ценах на кг мяса в 100-110 донгов. Я не стал раскрывать цены на другие продукты, просто не было необходимости. В заключение я сказал, что мы внимательно следим за развитием обстановки в СРВ, принимаем все меры к укреплению ВНА как регулярной армии.

Министр обороны Д. Ф. Устинов заметил, что когда мы вас

посылали, мы вас очень хвалили. Сейчас оправдывайте нашу характеристику. Я поблагодарил и заверил, что оправдываю высокое доверие партии и правительства, Ваше доверие.

Но я забежал вперед, не рассказал о главном совещании по подведению итогов 1982 года, на котором выступил Л. И. Брежнев. Это было замечательное выступление нашего глубокоуважаемого руководителя партии, правительства и Вооруженных Сил СССР, как Верховного Главнокомандующего. В ней была дана высокая оценка состояния Вс СССР и намечены программные задачи ВС на ближайшее будущее. Мы выслушали его речь с огромным вниманием и благодарностью за заботу Л. И. Брежнева о ВС СССР.

Затем мы слушали доклад нашего министра обороны СССР Д. Ф. Устинова и выступления с мест. Первым выступил генерал армии М. М. Зайцев. Как всегда он говорил о развитии и внедрении техники и вооружения, о стоящих проблемах. Это его конек. Зная особое внимание нашего МО к развитию техники и вооружения, он всегда об этом говорит с трибуны совещаний, стараясь показать глубокое знание этого вопроса. Ну что ж, это дело нужное и важное, но оставляет какой-то осадок личной заинтересованности. Задерживаться в Москве не было времени и я решил вылететь первого ноября.

Часть вторая

В этот день самолет уходил на час раньше обычного. Мы с Владимиром Борисовичем Палеевым и сопровождающим полковником прибыли в аэропорт и решили зайти в кафе. Выпили по чашке кофе, поговорили и вскоре меня пригласили на посадку. Попрощались, договорились о скорой встрече на московской земле. В салоне первого класса нас было четверо. Кроме меня летел в Кампучию наш торгпред с женой, но об этом я узнал позже, после Карачи. Он, оказалось, хорошо знал Геннадия Ивановича Обатурова, с которым неоднократно встречался в Капучии. Долетели хорошо.

Когда мы вылетели из Бомбея, наступило утро. Солнце еще не появилось из-за горизонта и местность причудливо переливалась красками. Склоны небольших гор приобретали такую краску, что даже трудно представить. Никогда я подобных красок не наблюдал. И темно-синие и темно-оранжевые, и красные, и темно-коричневые, и темно-зеленые, и каких только не было. Эта игра красок продолжалась 10-15 минут, пока солнце огромное и красное не поднялось над горизонтом и краски стали обычными. Над Вьетнамом погода была солнечной. Я внимательно изучал рельеф. Небольшие горы, разрезанные многочисленными реками и долинами, были прекрасны, но

особенно причудливыми были русла рек, бесконечно извивающихся между гор, облепленных множеством больших и малых населенных пунктов. Иногда казалось, что река поворачивает вспять и течет не к морю, а к горам, но вот она опять повернула к морю, образовав почти кольцо между гор. Немногочисленные дороги были удивительно прямолинейны, что свидетельствовало о вмешательстве в их прокладку человеческого разума. В Ханой мы прибыли в 12.30, на час раньше обычного. Меня встретил за. МНО генерал- лейтенант Чан Ван Куанг, мои заместители, вьетнамские товарищи, да полковник В. А. Давыдов (ВАТШ). Прошло всего лишь два с половиной месяца, а удовлетворение прибытием к месту работы, к дому, где ты живешь, огромно. Как быстро привыкаешь к стране, к ее людям, товарищам и друзьям. В разговоре с Н. А. Зотовым в Москве он вдруг заметил: "Федот Филиппович, а ты уже вьетнамец". "Как вьетнамец"? "Да очень просто, ты уже целиком и полностью поглощен заботами ВНА и СРВ. Это хорошо. Так и должно быть".

Были чрезвычайно рады моему возвращению Алевтина Васильевна и внучка. Да это и понятно. Возвращение близкого человека, да еще с новостями, с подарками всегда вызывает радость. Чувствовалась усталость и после обеда немного уснул, хотя ко сну я не горазд. Сплю, как обычно, крепко, но мало. Одолеvalo беспокойство о подведении итогов за октябрь и доведение содержания выступления Л. И. Брежнева и МО СССР на совещании, о поставленных задачах МО в приказе, в директиве. Записей с собой не было, они остались в Москве для пересылки секретной почтой. Надо было все восстановить в памяти. Ведь люди с нетерпением ждали моего возвращения и информации по этим вопросам. Хорошо, что я захватил с собой газету с выступлением Л. И. Брежнева, помнил все пункты приказа МО СССР и основные вопросы директивы. Но надо было все это воспроизвести в памяти, а затем на бумаге. Вечером я уже сел за эту работу. Оставался еще один день - 3 ноября, но я отлично понимал, что днем поработать над этим вопросом не придется. Много накопилось текущих дел, которые надо решить. Так и было. 3 ноября ушло на текущие дела и только вечером опять работал над докладом. К 2.00 ночи 4.11 доклад был готов, но еще долго не мог уснуть. Все припоминал из услышанного в Москве на совещании и на встрече с МО СССР. Совещание началось в 8.00 4 ноября. В течение часа двадцати минут изложил речь Л. И. Брежнева, доклад МО СССР и поставленные задачи. Слушали с огромным вниманием. Я был доволен изложением всех вопросов. Мне удалось передать не только суть вопросов, но и неизгладимое впечатление. После перерыва подвел итоги за

октябрь и поставил задачи на ноябрь. К 12.00 мы закончили работу. После обеда были спланированы итоговые занятия по марксистско- ленинской подготовке. Я после обеда встретился для обстоятельного разговора с генерал-майором Олегом Алексеевичем Комаровым и генерал-майором Виктором Захаровичем Копытиным, старшими военными советниками в Лаосе и Кампучии. Они были приглашены в Ханой на совещание для информации по совещанию в Москве и решения текущих проблем. Тесные контакты между нами на всем протяжении нашей совместной работы имели неоценимое значение в решении всех вопросов, касающихся строительства национальных армий Лаоса и Кампучии.

5 ноября улетели на вертолете в район учения с боевой стрельбой. Мы придавали ему особое значение. Оно посвящалось 65-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Хотя это учение было полковое, но нам пришлось изрядно потрудиться. Хорошо, что рекогносцировку учения мы провели с вьетнамскими и советскими товарищами в начале сентября и было достаточно времени для его подготовки. Это учение проводилось впервые с привлечением 4-х дивизионов артиллерии, дивизиона 37 мм зенитных пушек, 4-х эскадрилий авиации, предусматривались пуски "стрел" и ПТУРС. На учении присутствовало все руководство МНО СРВ во главе с Ван Тиен Зунгом, участвовал Ле Чон Тан, его заместитель Лен Гок Хиен, заместитель МО генерал армии Хуан Ван Тхай, лаосские товарищи во главе с командующим округа.

Погода была отличной. Легкая прохлада создавала бодрое настроение. Я немного волновался. Как оно пройдет, как будут действовать войска и техника, не будет ли какого-либо ЧП. Особенно волновался за авиацию. Объекты ударов были намечены почти на переднем крае, а предусматривалось бомбометание не только с СУ-17 (22), но и с АН-26. Мы сидели вместе с министром обороны. Я его проинформировал о поездке в Москву, передал приветы от МО СССР Д. Ф. Устинова, Н. В. Огаркова, С. Л. Соколова, А. А. Епишева.

Учение началось с постановки задач и указаний по взаимодействию. Это длилось 30 минут. На карте замысла и схемах офицер ВНА подробно комментировал замысел действующих подразделений полка. Затем началась огневая подготовка. Артиллерия и авиация действовали хорошо. Была очень наглядно показана мощь современных средств, удачно действовал дивизион 37 мм зенитных орудий и ПЗРК. ПТУР подкачали. Из 4-х пусков в цели попало два снаряда. Были недостатки и в действии самолетов и вертолетов. Они плохо

использовали складки местности, слишком далеко заходили в глубь обороны противника и поздно отворачивали на 180° для ухода на свою территорию. Мы обменивались мнениями с МО по этим вопросам.

К 12.00 первая позиция была прорвана и надо было перемещаться на вторую точку. Министр обороны не мог дальше присутствовать на учении, в связи с заседанием политбюро и попрощавшись, уехал, выразив свое удовлетворение ходом учения. Старшим остался товарищ Ле Чон Тан. Мы переместились на вторую точку, с которой наблюдали отражение контратаки, ввод в бой 2-го эшелона и развитие наступления в глубину. Все было хорошо. Все были очень довольны проведенным этапом учения с боевой стрельбой.

К 16.00 мы возвратились на вертолетах в Ханой. В 18.00 надо было быть на торжественном собрании в клубе, который арендовало посольство. После торжественного собрания ожидался концерт украинских артистов, гастролировавших в это время в Ханое. Все прошло хорошо. Концерт был удачным и принес удовлетворение, но было очень жарко, а мы все сидели в шерстяных костюмах.

С утра 6 ноября работал в штабе. В 19.00 прием в посольстве в ресторане "Ханглой" (Победа). Прием прошел хорошо. На приеме присутствовали руководители КПВ, правительства и представители посольств социалистических и дружеских государств. Было очень жарко. Прием длился свыше 2-х часов. На приеме присутствовало около 650 человек.

К 65-летию Великой Октябрьской Социалистической революции было закончено строительство вьетнамскими строителями административного здания представительства главного военного советника и мы 7 ноября решили пригласить на его открытие вьетнамских друзей во главе с начальником генерального штаба генерал-полковником Ле Чонг Таном. Их должно быть 12 человек, да наших 12, всего 24 человека. Подготовили стол, подарки для вручения вьетнамским друзьям. Встреча намечалась на 10 утра. Мы встретили гостей у подъезда нового штаба ГВС при МНО СРВ. Они в этом здании еще не были и был удобный случай поблагодарить министерство обороны за строительство штаба и проявленную заботу. В течение 40-50 минут мы осматривали штаб, а затем зашли в комнату, где уже был накрыт стол. Генерал-полковник Ле Чон Тан произнес официальный тост. Затем произнес официальный тост и я. Обстановка за столом была непринужденной. Все чувствовали себя хорошо и свободно. Вьетнамские товарищи произносили, как принято говорить за последнее время, локальные тосты. Я не

люблю произносить официальные тосты и не чувствовал удовлетворения. Мне очень хотелось произнести еще один тост перед концом нашей встречи. Когда желающих произнести тост уже не было, я произнес тост, выделив в нем особое место достижения нашей партии, правительства, нашего народа в области пролетарского интернационализма, дружбы народов. Мне удалось произнести его с большим чувством, которое было не наиграно, а естественным. Некоторые вьетнамские товарищи расчувствовались. Я был рад, что сумел донести эти чувства до присутствующих, для которых вопросы пролетарского интернационализма являются главными в наших братских отношениях. Вскоре подали чай и кофе, мы вручили подарки и попрощались. Вьетнамские товарищи высоко оценили нашу душевную встречу, непринужденность обстановки, братскую атмосферу, которая была создана.

После обеда мы смотрели по телевидению парад и демонстрацию в Москве. Она шла на русском языке, что редко бывает при передачах вьетнамского телевидения. У нас было чувство, что мы тоже на Родине в Москве.

На второй день Октябрьских праздников мы с Алевтиной Васильевной организовали семейный вечер, на который пригласили МО с супругой Нгуен Тхе Ки и дочерью. Они дали согласие посетить наш дом и мы были рады этому. В этом мы видим хорошее расположение семьи МО к нашей семье. Я предлагал Алевтине Васильевне заказать все в гостинице "Ба-Ба" (33), но она отказалась от этой идеи. Ей хотелось все сделать самой, не считаясь с трудностями приготовления. В течение дня она сумела приготовить много замечательных блюд, а она умеет это делать. Прибытие МО было намечено на 19.00. Мы могли пригласить на более ранний час, но у вьетнамских друзей было заседание Политбюро и я боялся, что оно затянется и Ван Тиен Зунг будет поставлен в неудобное положение. Но все обошлось хорошо.

В 19.00 мы с Алевтиной Васильевной встретили их у подъезда дома. Затем пригласили на второй этаж к столу. В течение трех часов мы непринужденно беседовали. Блюда подавались одно за другим девушкой из Ба-Ба, да и сама Алевтина Васильевна участвовала в этом. Все было вкусно. Ван Тиен Зунг употребляет легкое вино и мы это учли. Вообще к спиртному он равнодушен. Даже Нгуен Тхе Ки была более активной, чем он. Вечер прошел хорошо. Мы сожалели, что не приехала их дочь. Ужин гостям понравился. Если от Ван Тиен Зунга веяло хотя и хорошим расположением духа, но некоторой официальностью, зато Нгуен Тхе Ки была бесподобна. Простота, скромность, сердечность,

чувство материнства - вяло от нее так непосредственно и естественно, что нельзя было не расположиться к ней. Наши мнения с Алевтиной Васильевной совпали. Это очень хорошо. Когда ты в удалении от Родины, от друзей, хочется иметь друзей страны пребывания. Они бывают очень преданными и сосредоточенными. Их помнишь всю жизнь доброй памятью и всегда хочется с ним встречаться. Будучи на семейном ужине у МО Нгуен Тхе Ки делилась своими домашними заботами. Она рассказала, как они продали два центнера абрикосов, как их невестка ухаживает за двумя свиньями. Все это было естественно и непосредственно. Разве можно их осуждать. Это труд, а труд всегда должен быть уважаемым. Да и трудность экономического положения даже их семьи требовала дополнительного источника существования.

Она еще рассказала легенду о цветке. У нас нет такого цветка. Он распускается только ночью бело-кремовым цветом, очень пышно и ярко примерно в 10-11 часов вечера. Его зовут цветком счастья и любви, которое он приносит в дом. Про него сложена легенда. Один молодой парень любил красивую девушку. Она ответила ему тем же, но в нее влюбился принц. Она ему отказала и тогда он убил ее. Когда ее похоронили, простой парень посадил на могиле эти цветы и когда он приходил на могилу вечером, они пышно расцветали. Ходил на могилу и принц, но он никогда не видел распустившихся цветов. Вот почему, по легенде, эти цветы и называли цветами любви и счастья. Мадам Нгуен Тхе Ки подарила Алевтине Васильевне отросток от этого цветка и он быстро прижился у нас на балконе, выбрасывая до 30-40 очень пышных цветов в каждое цветение. Интересно, что он расцветал каждый раз, когда происходило какое-либо важное событие в жизни нашей семьи, в том числе и накануне присвоения мне звания генерала армии. Странно и необычно, но это так.

10 ноября работал в штабе. Надо было только подготовиться к встрече с председателем Совмина СРВ товарищем Фам Ван Донгом, но к обеду сообщили, что меня приглашают на совещание в посольство СССР к 15.00 После обеда поехал в посольство. Борис Николаевич только что приехал из командировки. Он был на одном из строящихся предприятий при техническом содействии Советского Союза. Ничего не подозревая, я поприветствовал его и поздравил с возвращением. "Что ты меня поздравляешь? Леонид Ильич Брежнев умер". "Как умер? - невольно произнес я. - Что случилось? Ведь он еще выступал на приеме в Кремле". "Я ничего не знаю, - ответил Борис Николаевич. - Вот пришла кодограмма, в которой сообщается о

том, что Л. Брежнев умер между 8 и 9 часами утра 10 ноября".

Вскоре подошли начальники советских учреждений. Борис Николаевич проинформировал нас о полученном трагическом известии и дал указания сохранять бдительность, организованность и дисциплину. Запретить всякие приемы, увеселительные мероприятия, проведение собраний. Мы вышли от Б. Н. Чаплина, но мне что-то стало не по себе. Я зашел к В. А. Давыдову и попросил валидол. У него его не оказалось, но через 3-4 минуты привезли из его дома. Приняв валидол, мне стало лучше. Покалывания в сердце прекратились. Выпил валидол и Давыдов В. А.

В 15.00 о случившемся передали по радио. Приехав в штаб, мы собрали генералов, офицеров и служащих. Довели о случившемся. Все были подавлены известием. Расходились в полном молчании, каждый с тяжелой душой. Надо было довести это известие и до наших коллективов и периферии. Составили телеграмму, которую я подписал. Продумывали и другие вопросы, чтобы что-либо не упустить. Надо было оборудовать место с портретом Л. И. Брежнева в траурной ленте. Решили это сделать в клубе при штабе. Поставили портрет на красную подставку, положили цветы, организовали постоянное дежурство смен в траурном карауле.

К 14.00 следующего дня с Петром Кузьмичем Павловым поехали в посольство. От нашего коллектива возложили венок. Приехало много делегаций. Мы возлагали венок после делегации от нашего посольства. Затем пошли другие делегации. В 15.00 должно было возлагать венок политбюро СРВ во главе с Ле Зуаном. Борис Николаевич сказал, что мне надо остаться. Мы уже знали, что к 16.00 делегация от ВНА посетит наш штаб для выражения соболезнования. Сообщил я об этом Борису Николаевичу, который сказал, что после возложения венка политбюро ЦК КПВ можно мне уходить. Без 15 мин. мы заняли место в зале, где был установлен портрет Л. И. Брежнева. Стояли по правую сторону при входе. В 15.00 поднялись на второй этаж товарищ Ле Зуан, Фам Ван Донг, Чыонг Тинь, Ле Дык Тхо, Ван Тиен Зунг, Тю Хюнь Ман, Во Гуен Хиан и все остальные члены политбюро ЦК КПВ. Они поздоровались со всеми стоящими, выражая свое соболезнование. Я стоял вторым после посла. Видимо, товарищ Ле Зу Ан и другие члены политбюро меня узнали. Постояв у портрета Л. И. Брежнева, они сделали запись в книге. Затем простились с послом и убыли. Я уехал к себе для встречи начальника ГШ ВНА с группой товарищей. В 16.00 мы их встретили. Вскоре, постояв у портрета Л. И. Брежнева они попрощались и уехали. В 18.00 состоялось подписание протокола

по согласованию деятельности наших советских военных советников и специалистов ВНА в Лаосе и Кампучии.

Мы подъехали в 33 гостиницу, где нас встретили вьетнамские товарищи. Вскоре приехал и начальник ГШ Ле Чон Тан. Зашли в зал, посидели, поговорили, затем перешли в зал направо, где стоял стол с папками протоколов на русском и вьетнамских языках и соглашения о направлении дополнительных советников. Мы сели, подписали каждый свои документы, а затем обменялись папками и обменялись рукопожатиями. Я выразил благодарность и уверенность, что подписание этих документов послужит дальнейшему расширению нашего сотрудничества в военной области.

На следующий день работал в штабе. Подписал не менее 12 шифровок на имя генерал-полковника Зотова Н. А. Отправляя шифровки я представил нагрузку Николая Александровича Зотова! Сколько ему надо прочитать, принять решений, доложить по инстанциям, да и держать все в памяти. Он весь издерган. Я его понимаю. Попробуй успевай поворачиваться. Надо иметь хороший работоспособности коллектив и тогда будет хоть немного легче. У него два зама - генерал-лейтенант П. М. Ивашко и генерал-лейтенант И. Г. Новоселецкий. Оба опытные и порядочные генералы, с которыми мне приходилось служить много лет. Вечером был дома. Смотрел телевизор. Передавали много из Москвы, но все на вьетнамском языке.

15 ноября проснулся рано, сделал физзарядку, но тяжелое настроение, какая-то непонятная усталость не проходила. На душе было тяжело. Ведь сегодня день похорон Л. И. Брежнева. Умер человек, отдавший всю свою жизнь делу КПСС, советскому народу. Его человеческая простота, скромность, душевность, тяготение к простым людям, его любовь к народу, воинам Советской Армии умноженные на талант руководителя, обладающего большим кругозором, умением спланировать вокруг себя людей, вести их за собой, быть последовательным и твердым - все это сыграло большую роль для дальнейшего укрепления экономического и военного могущества нашей Родины, для укрепления ее авторитета на международной арене. Его борьба за идеалы мира. Находясь здесь, в социалистическом Вьетнаме, особо чувствуешь уважение и любовь вьетнамского народа к Л. Н. Брежневу, нашей КПСС, нашему правительству, к нашему народу. Беспрерывным потоком шли руководители КПВ, правительства, Вооруженных сил, министерств и ведомств, предприятий и учреждений в наше посольство отдать глубокую дань уважения и выразить скорбь народа Вьетнама. Шли представители посольств социалистических стран, шли простые люди. В 15.00 по

Ханойскому времени состоялся траурный митинг с участием Политбюро ЦК КПВ, на котором выступил председатель Совета Министров СРВ Фам Ван Донг.

Утром 16 ноября появились непонятные боли в области желудка. Они иногда появлялись и раньше, но были какими-то привычными и через некоторое время проходили. Сделав физзарядку, попил кофе и отправился в штаб. В штабе уже ожидал доктор. На вопрос, как я себя чувствую, ответил, что в целом хорошо, но появились непонятные боли в желудке. Он хотел меня осмотреть, но я не согласился, сославшись на занятость. Мне действительно надо было идти на партийное собрание коммунистов ПВО и мои мысли уже были там. Договорились, что он меня осмотрит в обеденное время дома. Вскоре началось партийное собрание. Выступили почти все коммунисты. В заключении предоставили слово мне. После принятия решения я попросил уйти, сославшись на плохое самочувствие. Приехали с доктором домой и он начал меня ощупывать со всех сторон. После осмотра заявил, что у меня аппендицит, но он пригласит еще вьетнамских врачей. Так и было сделано.

К 15.00 диагноз был поставлен четкий - острый аппендицит. Предложили ехать в госпиталь, хотя я уже был готов к этому и даже собрал дипломат с туалетными принадлежностями, пока доктор ездил за врачами. В госпитале сняли электрокардиограмму, сделали анализ крови, измеряли давление и решили, что все нормально. К 17.00 я пошел в другой корпус в операционную и улегся на операционный стол. Мне казалось, что операция будет пустяковой и совершенно не волновался. Решили делать операцию под местным наркозом. Когда разрезали, я ничего не слышал, а когда начали отдирать мой дорогой аппендицит от толстой кишки, а он прирос к ней основательно, боли стали нестерпимые. Я не кричал, но стонал от боли. Обстановка осложнялась еще и тем, что он, проклятый, провалился куда-то вниз, под кишку, и его надо было оттуда доставать. Пришлось делать общий наркоз. Но я уже не помню. Я очнулся, когда операция уже была закончена. Мне не хватало воздуха, я задыхался и начал требовать кислород, я выбросил изо рта все трубки. Состояние было ужасное. Болей я не ощущал, но я задыхался, а это чувство, как я уже дважды до этого его испытал, значительно хуже болей. Ты просто не находишь себе места, тебя подташнивает, тебе хочется куда-то вырваться, да, именно вырваться, вдохнуть воздух, задышать полной грудью, почувствовать, что ты живой, вернее, что ты не задохнешься, а будешь жить.

Постепенно дышать становилось легче. Остаток дня уколы, непрерывное наблюдение. Во второй половине дня начались посещения. Посетил Ван Тиен Зунг с супругой Нгуен Тхе Ки, начальник Ле Чон Тан с супругой, начальник Главного Политуправления Тю Хьон Ман со своими заместителями и другие товарищи.

Посетил чрезвычайный и полномочный посол СССР в СРВ Б. П. Чаплин и отблагодарил вьетнамских врачей за удачную операцию, секретарь Объединенного парткома посольства товарищ Н. Н. Урицкий с супругой.

Все дни были заполнены посещениями. Мне было очень неудобно от такого обильного посещения и внимания. Никакой необходимости в этом не было. Я чувствовал себя нормально. В перерывах читал "Очерки по истории Вьетнама".

Сейчас уже хорошо. Можно было бы выписываться, но врачи как всегда, тянут. Думаю, что 24 числа все же буду выписан. Надо решать много вопросов.

Жаль, что не удалось побывать на сессии Верховного Совета СССР. Как я к этому стремился... и вот результат. Буду читать по материалам газет и журналов, пока не пришлют материалы, как депутату Верховного Совета СССР.

Ночью в течение 3-х часов читал статьи "Коммуниста Вооруженных Сил СССР". Много интересного. Особенно статья товарища Зуева и В. Микора "Духовный фактор в современной войне". Эта статья рассматривает монографию "Человек в современной войне". Эта статья рассматривает монографию "Человек в современной войне", выпущенную Воениздатом. Авторы этой монографии Г. В. Средин, Д. А. Волков, М. П. Коробейников, стоят у истоков многолетнего осмысления проблемы. В ряде других ранее вышедших трудов на такую тему рассматривались ее теоретические и практические вопросы. Новая монография это отражение современного уровня развития теории и практики моральнополитической и психологической подготовки советских воинов.

Исходя из ленинского положения о том, что во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь, авторы всесторонне анализируют духовный фактор, определяют теоретическое и практическое значение положения о сущности, содержании, функциях и особенностях его проявления в ходе современных боевых действий.

Вся сложность этой проблемы, на мой взгляд, заключается в трудности создания ситуаций подобных тем, которые будут возникать в современной войне и особенно с применением

оружия массового поражения.

Требуются большое искусство командиров и начальников всех рангов, творчество, находчивость для создания подобных ситуаций. Это требует и немалых материальных затрат.

К утру опять уснул и спал до семи часов, но успел проснуться до прихода Леонида Максимовича, нашего заботливого врача и медицинских сестер. Они обычно очень аккуратные и не любят, если что-то нарушено. К 10 часам должен прийти мой операционный врач подполковник медицинской службы ВНА Хюи и снять первый ряд повязок. Так и произошло. Сняли повязки с половинки швов, а остальные должны были снять утром 24.11. Это меня вполне устраивало.

Все ушли. Нахожусь в палате один, пишу всякую всячину, да слушаю то нашего замечательного грузина Кикабидзе, то Аллу Пугачеву.

Вместе с тем просматриваю "Ролик". Вот статья Валериана Сковрцова : "Вот уже несколько месяцев империалистическая реакция старается протолкнуть на международную арену группу лиц, которых преподносят чуть ли не как "Демократическое правительство Кампучии". Им нет дела до того, что кампучийский народ избрал законное правительство, строит свою жизнь по своим законам, с большим трудом залечивают раны, оставшиеся после американской агрессии и бесчинств полпотовской клики. На международной арене появились никого не представляющая группировка самозванцев. В ее составе можно найти и таких деятелей, как Кхиеу Самфан, подручный Пол Пота, Сон Санн, бывший королевский премьер. А во главе марионеточной компании те же империалистические круги вытащили Народома Сианука. В одной упряжке оказались убийца, махровый реакционер и Народом Сианук.

24 ноября в 10.00 сняли повязку и последние нитки, скрепляющие шов. По всему чувствовалось, что не все довольны результатом. Рана продолжала сочиться, а это плохо. Мне об этом не говорили, но по лицам я все понял без слов. Мне порекомендовали еще 2-3 дня полежать дома до полного выздоровления. Так надо и сделать.

В присутствии собравшихся я поблагодарил вьетнамских врачей за искусственную операцию, Министерства обороны ВНА и нашего посольства за внимание и заботу. Высказывались и вьетнамские товарищи. Они подчеркивали большую честь для них оперировать главного военного советника. Я понимал, что это дань уважения. В заключение вручил сувенир подполковнику медслужбы Хюи.

Домой приехали к 12.00. Посмотрели, как расположить

волейбольную площадку. Надо заниматься спортом. Здесь это особо необходимо. Решение принято и надо только его осуществить.

Остальное время дня читал, писал, обменивался с Алевтиной Васильевной различными мыслями. Конечно, хотелось курить, но решил выдержатъ. Уже 8 дней, как не курю, а тяга к курению ослабевает медленно. Мне даже показалось, а тяга к курению ослабевает медленно. Мне даже показалось, что с прибытием домой, она резко усилилась. Но сознание того, что терпеть возможно, уже неоднократно доказано на опыте других и своим личном опыте удерживала меня от этого соблазна.

Во второй половине дня сообщили, что меня желает посетить член Политбюро ЦК КПВ генерал-полковник Ле Дык Ань. Если это посещение связано с моей операцией, то это чисто дружеский визит и обмен любезностями. Но мне очень хотелось бы с ним поговорить и о других вещах. У нас есть о чем говорить - особенно о Кампучии. Наконец, протокол о разделении функций между вьетнамскими и советскими советниками и специалистами подписан. Что скажет Москва? Какова будет реакция? Что он даст вообще для улучшения работы? Все это покажет ближайшее будущее.

Решили с Алевтиной Васильевной подготовить небольшой столик. Возможно, будет удобно посидеть за ним и поговорить. Но уже то, что товарищ Ле Дык Ань решил навестить меня, говорило о многом.

У дома, в котором мы жили, он появился в сопровождении переводчика. Я его встретил у подъезда, поприветствовал, выразив признательность за внимание. Затем мы поднялись на второй этаж, где его приветствовала Алевтина Васильевна. Он поинтересовался моим здоровьем, здоровьем жены и внучки. Алевтина Васильевна ответила, что все нормально, спасибо за внимание. Затем мы продолжили дружеский разговор за столиком. Деловых вопросов мы не касались. По всему чувствовалось, что он встречей остался доволен. В завершении встречи я сердечно поблагодарил его за внимание и пожелал ему и его семье здоровья и счастья.

27 ноября в 16 часов встретился с председателем Совета Министров СРВ товарищ Фам Ван Донгом по вопросам обороны северного стратегического направления, обеспечения ВНА горючим, автомобилями и рассмотрение предложений по мобилизационному плану.

Первая половина дня проходила в ожидании этого события. Естественно, очень волновался.

В 16.00 мы были у здания Совета Министров. Встретил нас

зам. МО генерал- лейтенант Чан Ван Куанг и мы пошли в приемную. Фам Ван Донг любезно встретил меня, мы обменялись приветствиями и я, по его разрешению, начал доклад. В начале я подробно остановился на положении на Севере. Изложил все, что видел в ходе работы по изучению обороны и свои выводы. Они были положительными. Затем доложил по трем остальным вопросам. Я убеждал Фам Ван Донга о необходимости возратить ВНА лимит ГСМ в 95 т. т., что вместо с 190 т. т. он будет составлять 285 т. т., что и требовалось для ВНА. Чувствовалось, что ему это не совсем по душе. Он не отказал, но и не пообещал решить этот вопрос, ссылаясь на трудности с ГСМ в целом по стране. Оно действительно так и было. Что такое 1,5 миллионов тонн для такой страны? Ей надо 5-6 мил. тонн, тогда она будет нормально жить и то до определенного времени. По выделению 4250 единиц машин дело обстояло лучше. Думаю, что этот вопрос будет решен положительно. Рассмотрение предложений по мобилизационному плану было решено перенести на другое время.

В завершении беседы я поблагодарил Фам Ван Донга за внимание. В свою очередь он выразил удовлетворение нашей встречей и подчеркнул, что он в любое время готов меня принять, если возникнет в этом необходимость.

Это было хорошо. Сейчас можно будет доложить МО СССР и начальнику ГШ о результатах нашей встречи с председателем Совета Министров СРВ.

С утра следующего дня обобщил материал для доклада. Начальнику ГШ доложил быстро, а МО только к исходу дня. МО и начальник ГШ докладами остались довольны.

Последние дни были не менее напряженными, чем предыдущие. Надо было окончательно решить с проведением стратегического учения. Его запланировали еще до моего прибытия в СРВ, хотя по уровню подготовки еще не сколоченных штабов торопиться с этим не было смысла. Для подготовки частей, соединений и объединений ВНА достаточно было хорошо готовить и проводить полковые, дивизионные и корпусные учения. Министр обороны СРВ генерал армии Ван Тиен Зунг, а с ним был солидарен начальник Генерального штаба ВНА генералполковник Ле Чонг Тан, не согласились утвердить замысел и план проведения учения, ссылаясь на то, что давно уже не проводились учения с территориальными войсками, частями самообороны и что именно их надо поучить действовать в оборонительной операции. Я понимал, что эта идея возникла после утверждения в Хошимине доктрины, в которой этим войскам отводилась большая, чуть ли не решающая роль. Исходя

из этих рассуждений я не стал ломать копыя и мы решили изменить тему учения и оказать помощь Генеральному штабу ВНА в создании замысла и плана проведения учения с территориальными войсками и войсками самообороны на северном стратегическом направлении. Так как они не могли действовать в отрыве от регулярных соединений и частей ВНА, а тесно взаимодействовать с ними, а от штабов соединений регулярных войск участвовали небольшие оперативные группы, в какой-то степени мы приблизились к прежнему замыслу учения и достигли определенной цели. Мы не только отработали те вопросы, которые поставили вьетнамские товарищи в ходе учения - достичь тесного взаимодействия между соединениями и частями регулярных войск, территориальными войсками и войсками самообороны. Такой компромисс оказался разумным и полезным. Он повысил боевую готовность и боеспособность объединений, соединений и частей ВНА на этом важнейшем направлении.

30 ноября подвели итоги за истекший месяц и определил задачи на декабрь. После подведения итогов и постановки задач выступил по итогам ноябрьского Пленума ЦК КПСС и 7 сессии 10 созыва Верховного Совета СССР заместитель главного военного советника по политической части генерал-лейтенант Павлов Петр Кузьмич. В своем выступлении он большое внимание уделил повышению уровня партийно-политической работы.

В начале декабря мы провели очень важное показное учение с 312 пд по приведению ее в высокую степень боевой готовности. На этом учении присутствовало до 300 офицеров и генералов ВНА. Подобное учение в ВНА никогда ранее не проводилось и вызвало большой интерес у вьетнамских товарищей. Это учение тщательно готовил генерал-майор Сарапкин, имевший большой опыт мобработки и проведения подобных учений. В завершение учения в своем выступлении перед его участниками я остановился на важнейших элементах, составляющих основу боевой готовности, поблагодарил организаторов его проведения и высказал свое мнение, что необходимо сделать для совершенствования боевой готовности соединений и частей ВНА.

Оказывая постоянную помощь вьетнамским друзьям в выполнении плановых мероприятий ВНА, меня постоянно беспокоили события, меня постоянно беспокоили события, происходящие в Народной Республике Кампучии. Полпотовские банды, опираясь на созданные с помощью китайцев и других реакционных сил базы вдоль границы с Тайландом, а таких баз с численностью личного состава в несколько тысяч человек и хорошо вооруженных китайцами, было свыше тридцати, проникали на территорию страны, грабили население, убивали

активистов народной власти, угоняли молодежь на свои базы, вывозили и выносили продовольствие, имущество кхмеров, насиловали женщин, а кто сопротивлялся, уничтожали.

Банды полпотовцев особую активность проявляли в районе озера Конгле Сап в северо-западной и западной части страны.

Вооруженных сил НРК и соединений ВНА, находившихся на территории Кампучии, было достаточно. Они располагались в основном вдоль северной и северо-западной границы страны в соответствии со сложившейся военнополитической обстановкой и тем не менее полпотовцы не только не сокращали свои действия вдоль границы с Таиландом и внутри страны, но даже активизировали их. Невольно напрашивался вывод, что полпотовские банды имеют поддержку среди части населения и поэтому трудно с ними бороться. Активности полпотовских банд, особенно в сухой период года, способствовали и природные условия. Густые леса, заросли, камыши вдоль озера Конгле Сап, реки, речушки, многочисленные болота создавали условия для скрытого передвижения и сосредоточения в определенных местах для бандитских действий против населения и скрытого ухода от преследования подразделениями кампучийского и вьетнамской армии.

Большое значение имело то, что в полпотовских бандах действовали кхмеры, хорошо знающие страну, говорящие на одном языке с ее жителями, знающие обычаи и нравы, хорошо подготовленные на военных базах для проведения пропагандистской работы среди населения, имеющие достаточное количество приемников и радиосредств для обеспечения управления, в том числе и разрозненными группами.

Из рассказов очевидцев, кто уже бывал в Пномпене, мне было известно, что на городском базаре полно товаров тайландского производства, из чего я сделал вывод, что граница с Таиландом по существу открыта.

Рассуждая над этой проблемой пришел к выводу, что надо прежде всего закрыть границу с Таиландом и тогда можно будет успешно бороться с полпотовскими бандами. Некоторые товарищи, в том числе вьетнамские и кампучийские, говорили, что закрыть границу в 400 км протяженности, имеется в виду сухопутную границу с Таиландом, очень сложно. Эти рассуждения, на мой взгляд, были безосновательны. Я говорил им, что мы закрыли северную границу с Китаем на протяжении, вместе с Лаосской границей, более 600 км и не только закрыли, но и создали группировки войск на основных операционных направлениях, а для прикрытия границы между НРК и Таиландом не требуются такие мощные группировки, не требуется глубина

прикрытия, а следовательно, в 2- 3 раза войск надо меньше, чем на севере, тем более, что они есть в наличии. Исходя из этих рассуждений, мы разработали на карте НРК примерный план прикрытия границы, который решили уточнить в период работы непосредственно на местности и после обсуждения его с кампучийскими военными советниками в Кампучии, принять его к исполнению. До проведения этой работы разработанный план решили держать в секрете.

О необходимости изучить обстановку в НРК мною было доложено министру обороны СССР Д. Ф. Устинову, начальнику Генерального Штаба Н. В. Огаркову, министру обороны СРВ Ван Тиен Зунгу и начальнику Генерального штаба ВНА Ле Чонг Тану. Все дали добро на посещение Кампучии, но неожиданно вопрос с вылетом затормозился. На нашу телеграмму старший военный советник генерал Виктор Захарович Копытин сообщил, что как будто министр обороны НРК сейчас очень занят и наш прилет в Кампучию желателен в январе. Я усомнился в этом и через генерал-лейтенанта Фунг Тхе Тай узнал, что министр обороны Кампучии товарищ Бут Хонг готов принять нас в любое время. Получив добро на встречу с министром обороны НРК на следующий день через Хошимин мы вылетели в Кампучию. В полете до Хошимина все время разговаривал с полковником товарищем Хоа, заместителем генерал-полковника Ле Дык Аня, о проблемах Кампучии. Мне хотелось узнать его позицию по интересующим меня вопросам, но Хоа внимательно слушал, но ничего определенного не высказывал. Мне было понятно его положение и я не настаивал на ответах, но хорошо знал, что все, о чем мы говорим, будет доложено генерал-полковнику Ле Дык Аню, а мне это и нужно было. Мне хотелось сориентировать его и дать время для размышления.

Вместе с нами летели супруга полковника Хоа и мы постарались уделить ей максимум внимания, а на прощанье вручили ей сувенир. Она тепло поблагодарила нас за дружеское участие и внимание. Выражая благодарность, она прижалась щекой к моей руке. Мне потом стало известно, что это высшее выражение благодарности. Она осталась в Хошимине, а мы через час вылетели на Пномпень. От Хошимина до Пномпеня на АН-26 всего лишь 40-45 минут полета, а поэтому высота была незначительной и мы могли наблюдать все по маршруту полета. Бесконечные рисовые поля в дельте Меконга, которая занимает площадь в 40 тысяч км². Радовало то, что поля были хорошо обработанными.

Мы не знали, кто нас будет встречать в Пномпене, но когда самолет после высадки стал выруливать на площадку стоянки,

кто-то сказал, что нас встречает Ле Дык Ань. Это было неожиданностью и в то же время предвестием успеха нашей поездки. Я уже знал, что все вопросы можно успешно решить с этим умным, доброжелательным человеком. Когда я вышел из самолета, мы тепло с ним встретились и расцеловались. Я был от души рад этой встрече. Вместе с ним был его заместитель старший полковник Май Суан Тан и заместитель начальника Генерального штаба Народной Революционной Армии Кампучии. Поблагодарив его за встречу, сообщил о своем плане работы на Севере, Северо-Западе и Западе страны по изучению обстановки и договорились встретиться после этого в Пномпене. Он сообщил мне, что сопровождать меня при работе по изучению обстановки, по состоянию здоровья, он не сможет и поручает участвовать в совместной работе своему заместителю генералу Хоа. Зная о плохом состоянии здоровья товарища Ле Дык Аня, я поблагодарил его за готовность сопровождать меня в этой поездке генералу Хоа, с которым я уже успел познакомиться в Ханое и при полете из Ханоя в Хошимин. Я был доволен таким решением. Совместная работа с генерал-полковником Ле Дык Анем неизбежно стесняла бы и его и мои действия. Мы оба были бы скованы. Все нормально. На аэродроме мне сообщили, что в 16 часов готов меня принять министр обороны НРК Бут Хонг. Это очень хорошо. Есть возможность доложить ему о цели прибытия в страну и о плане работы в войсках.

Получилось странно. По информации генерала В. З. Копытина, он был вроде очень занят и вдруг такая готовность встретиться. Кто-то тут темнит. Мне не хотелось ворошить этот вопрос в надежде, что тот, кто пытался схитрить и так чувствует себя не лучшим образом. С аэродрома мы поехали в гостиницу, расположились и освежились холодным душем. Было еще время собраться с мыслями, хотя и так все уже было десятки раз обдумано.

К 16 часам пошли в помещение для приемов. Оно было совсем рядом. Вскоре появился Бут Хорг в гражданском платье в рубашке навыпуск. Расставив руки, он пошел мне навстречу. Мы обнялись и поцеловались. Войдя в зал, он пригласил меня сесть рядом на маленький диванчик, перед которым стоял столик с безалкогольными напитками. Когда мы сели за столик, я поинтересовался его здоровьем, здоровьем его жены и детей. "У меня все хорошо, - ответил Бут Хонг, - а как у Вас?" "У меня тоже все нормально". "Будете в Ханое, приходите к нам в гости. Мы с женой будем рады Вас видеть у меня всей вашей семьей". "Большое спасибо. Обязательно воспользуюсь Вашим приглашением". После обмена любезностями с разрешения

министра обороны НРК перешел к изложению деловых вопросов.

Прежде всего я выразил озабоченность слабой результативностью действий кампучийских и вьетнамских войск по ликвидации полпотовских банд. "У меня складывается впечатление, что полпотовцы ходят по одной дороге, а кампучийцы и вьетнамцы по другим, не беспокоя друг друга. Мои советники не могут доложить ни об одном случае уничтожения какой-либо банды в каком-либо районе. Они не могут сказать, где именно сейчас сосредоточены главные силы полпотовцев, какой их состав, как они вооружены, каковы их намерения на ближайшее время. Это говорит о том, что разведка ведется плохо, кампучийские и вьетнамские агенты в полпотовские банды не внедряются, хотя есть очень широкая возможность для этого. Полпотовские банды пополняются за счет местного населения, а поэтому готовить и внедрять своих людей в эти банды значительно легче, чем отдельных лиц в уже действующие отряды врага".

"Да, Вы правы. Нам надо серьезно улучшить разведку противника и как можно скорее. Без разведки воевать трудно. Мы зачастую действуем вслепую, неоправданно несем потери в людях, в технике и вооружении". "После работы на Северо-Западе и Западе я думаю поставить вопрос перед Ле Дык Анем и перед Вами о закрытии границы от проникновения полпотовцев на территорию Кампучии. Судя по обильному рынку с тайландскими товарами граница, на мой взгляд, открыта и полпотовцы и другие враги Кампучии свободно проникают в страну, а должной реакции со стороны НРАК и частей ВНА не чувствуется. Пока мы не закроем сухопутную и морскую границу с Таиландом, мы с полпотовцами и другими врагами не покончим. Это аксиома. У нас достаточно в наличии сил и средств для закрытия границы и требуется только желание и настойчивость".

"Это хорошее предложение и мы серьезно подумаем, как эту проблему решить". Больше он по этому вопросу ничего не сказал и я решил пойти дальше. "Уважаемый министр обороны НРК. Природные условия Кампучии таковы, что бороться с соответствующими бандами на территории страны очень сложно, нужны мобильные отряды, способные в короткие сроки, с получением сведений об их появлении в том или ином районе, выходить для их уничтожения. Такие мобильные отряды надо иметь в каждой провинции, в каждом уезде, в городах, и в масштабе страны вертолетный полк с хорошо обученными десантниками для их быстрой переброски в районы, где появляются полпотовцы. И, наконец, надо хорошо наладить войсковую и агентурную разведку. Есть и другие вопросы, но это

главные. Их, на мой взгляд, надо решать оперативно и в первую очередь. У меня все товарищ министр обороны. Спасибо за внимание".

"Ваши предложения очень интересны. Когда мы возвратитесь в Пномпень, мы их обязательно обсудим и примем определенное решение. Большое спасибо за информацию".

На этом наша встреча закончилась. После кофе мы разошлись.

Вечером работали с военными советниками генерала В. З. Копытина по выработке решения на закрытие госграницы с Таиландом в соответствии с нашими предложениями. В течение трех часов мы внесли коррективы в наши предложения с учетом мнений военных советников по Кампучии. Они были разумными и существенными. Генерал В. З. Копытин назначил группу генералов и офицеров для окончательной подготовки карты и других документов по закрытию госграницы с Таиландом. К нашему возвращению в Пномпень они должны быть готовы.

В Снам Реам вылетели в 8 часов утра. Летели на высоте 3000 м. Погода нам благоприятствовала. Мы хорошо наблюдали местность по маршруту полета. Удивительно, что при большой плотности населения в Юго-Восточной Азии здесь населенных пунктов было мало. Удивляло и то, что большие массивы земли не обрабатывались. Летевший с нами переводчик, объяснил, что более одной трети населения уничтожены полпотовцами. На подлете к замечательному озеру Когле Сап, расположенному в центре страны и очень богатым рыбой, мы осмотрели с воздуха прекрасный аэродром со стоянками для самолетов и бетонной широкой взлетно-посадочной полосой до 3200 м длинной. Строений вблизи полосы нет, укрытие для самолетов и аэродромные строения находятся в значительном удалении от взлетной полосы у сопок, их трудно обнаружить. Аэродром находился в центре страны, никто его не занимает, комендатуры нет и он постепенно разрушается.

После заброшенного аэродрома пошли над озером Конгле Сап. Оно имеет длину до 85 км и ширину 15-30 км. Шли по центру озера с целью безопасности полета. Вокруг озера много полпотовских банд, вооруженных не только стрелковым оружием, но и зенитными пушками. Здесь был сбит самолет вьетнамских ВВС. В Сиам Реаме садились по истребительному, то есть с быстрым снижением. Полоса оказалась приличной и мы благополучно сели, хотя садиться на аэродром без всяких средств обеспечения посадки было крайне рискованным. Но что поделаешь. Война есть война.

Прекрасное здание аэропорта было безжизненным,

запущенным, с выбитыми стеклами, на потолках первого этажа следы потопов воды в результате прохудившей крыши, везде мусор и грязь. Вокруг аэропорта плотные заросли, создавшие отличные условия для действий различных диверсионных групп. Нас никто не встречал. Видимо, распоряжение о нашем прилете командование не получило. Это была фронтовая зона. Пришлось около 40 минут ждать прибытия машин с Сиам Реама. Как кхмеры дали команду на подачу машин, до сих пор не понимаю. Видимо, команда пришла с Пномпеня, но с опозданием.

Мы уселись в легковые машины и в сопровождении кузовной машины с вооруженными солдатами поехали в город. Дорога была отвратительной, в выбоинах и никто, естественно, ее не ремонтировал - шла война. Справа и слева дороги сплошные рисовые поля, а вскоре на окраине Сиам Реам появились прекрасные особняки, но безжизненные и запущенные. Интересно, что все новые сооружения, как и в Пномпене, имеют давность, по моей оценке, 15-20 лет, примерно одного периода постройки. К этому периоду относится строительство в Пномпене университетского комплекса, Олимпийского стадиона и других современных зданий. Можно было подумать, что примерно в этот период произошел какой-то всплеск в экономической жизни страны. Из бесед с кампучийскими товарищами я узнал, что после изгнания японцев и французов почти все страны мира, в том числе СССР и другие страны социалистического сотрудничества, стали щедро помогать Кампучии, а разумное использование этой помощи правительством привело к оживлению экономики и экономической жизни страны. Кампучийские товарищи утверждали, что все это приходится на период правления Сианука. Если это действительно так, то совершенно понятно, почему уважение к нему в народе до сих пор имеет большую силу. По их оценке только его объединение с Пол Потом и другими врагами кампучийского народа резко снизило его авторитет. Мне было интересно все это знать, хотя эти сведения надо было еще проверить.

В Сиам Реаме мы решили заслушать начальника штаба командования. В ходе заслушивания выяснилось, что ни начальник штаба, ни командир дивизии не могли объяснить, где противник, что он делает, как ведется с ним борьба, какие результаты этой борьбы, никаких отчетных карт не было и трудно было понять, чем занимаются части этого соединения. Пришлось внимательно объяснить товарищам, что необходимо сделать для успешной борьбы с полпотовцами. Эти рекомендации были похожи на те, которые я высказал министру обороны НРК Бут Хогу и поэтому не считаю нужным повторяться. Единственно, что

несколько подробнее остановился на вопросах планирования ведения постоянной разведки и боевых действий, подчеркнул обязательность ведения отчетных карт о боевых действиях и постоянного анализа обстановки. Кампучийские и вьетнамские товарищи согласились с предложениями и заверили меня, что они будут поступать так, как рекомендовано. Странно было то, что никто с ними из наших советников не встречался и подобных рекомендаций не давал. Старший военный советник генерал В. З. Копытин смирился с тем, что их никуда не отпускают. Оно так и было, но надо же проявлять настойчивость и сломать эту практику. В оправдание В. З. Копытина могу сказать, что в Кампучии он был человеком новым и надо было еще раз ему во всем разобраться.

После легкого обеда мы поехали смотреть 7-е чудо света величественные архитектурные комплексы Ангкорват и Баюн. Оба комплекса построены в период между X и XIV веками, когда Кхмерское государство переживало бурный расцвет и по своему развитию было одним из пяти самых могущественных государств мира. Архитектурный комплекс Ангкорват построен в конце XI - начале XII века, а Баюн еще в XIII веке, но мне больше понравился Ангкорват в архитектуре которого больше смысла, чем в Баюн. Не случайно государственной эмблемой Камбоджи всегда был Ангкорват. Ангкорват поражает человека архитектурными элементами комплекса, своими просторными помещениями, величественными пятью башнями, изумительными фресками на внешних и внутренних стенах комплекса. Да и место его сооружения было талантливо продумано его создателями. Сам комплекс огражден по всему периметру широким рвом, заполненным водой. Пройти на внутреннюю территорию комплекса можно только через мост. Как Ангкорат, так и Баюн построены без применения растворов и металла. Стены, башни, потолки держатся в результате тщательного подогнанных плит. Зазоров между плитами почти нет. Баюн, как и Ангкорват, расположен на отдельной территории, огражденной каналами с водой и вход на территорию возможен через мост, вдоль которого по правой и левой стороне стоят бюсты воинов. Их более пятидесяти, но ни один бюст не похож друг на друга. Очень величественно Баюн смотрится снаружи. Стены со сплошными фресками, на которых изображены победы Камбоджийцев в войнах против сиамского государства, хорошо сохранились, хотя в некоторых местах под влиянием дождя, солнца и ветра уже начали терять свой первозданный вид.

Никто сохранностью этих памятников, принадлежащих не только кхмерам, но и всему человечеству, не занимается.

Возможно, сейчас что-то изменилось. Приходится поражаться человеческому разуму, создавшему проекты этих комплексов и воплотившими их в действительность. Мне говорили, что на строительстве этих комплексов работали десятки тысяч людей, в основном рабов, которых затем уничтожили дабы они не смогли повторить создание подобного в другом месте. Можно согласиться с правильностью этого утверждения. Камбоджа в XI-XIII веках была процветающим, могущественным государством, которое завоевало другие земли и покоряло другие народы. На фресках Баюна изображена победа царя Камбоджи над сиамским царем и показано движение большой массы пленных, закованных в цепи. Видимо, они и строили Баюн. На территории Кампучии сохранилось около 400 замков и до 800 пагод, многие из которых полуразрушены. Это свидетельство расцвета камбоджийского государства того периода. Когда помотришь эти памятники, не веришь утверждениям, что кхмерский народ отсталый, слабо развит и т. п. Убежден в обратном. Такие памятники мог создать только талантливый и трудолюбивый народ. К этому вопросу мы еще вернемся.

По возвращении в город мы смотрели вольер для крокодилов. Их там сотни разных размеров. Разводят их для получения крокодиловой кожи, которая очень ценится на мировом рынке. Оказывается, они не так хищны, как показывают в кино и по телевидению. Но это вольер, а не река и не болото. Видимо, там они ведут себя по-другому. Здесь же ухаживающий за ними с металлическим шестом ходит среди них и загоняет их в воду. Правда, он все время подходит к ним с хвоста, а не с головы. Подходить со стороны головы опасно.

Уже темнело и мы под охраной тех же солдат на машине поехали на ужин. Его давал секретарь партийного комитета провинции. Через полтора часа, поблагодарив руководство провинции за ужин мы отправились отдыхать. На другой день в 7 часов утра - вылет в Баттамбанг - западную провинцию Кампучии.

До Баттамбанга летели всего лишь 40 минут. Высота полета была около 3000 метров, стояла солнечная погода и мы хорошо наблюдали местность. Везде рисовые поля, но не все обработаны. Надо сказать, что местность Кампучии, особенно в центре страны, равнинная и удобная для выращивания риса и других культур, а с учетом обильных дождей, особенно в дождливый период, создаются прекрасные условия для получения обильных урожаев.

В 7.40 мы были уже на аэродроме. Полоса аэродрома всего лишь 1250 метров длины, но наш АН-26 вполне вписался. Два вертолета уже ждали нас на стоянке и мы, выйдя из самолета, пересели в них и взяли курс в пд НРАК. Летели над районами,

занятыми полпотовцами, а поэтому набрали значительную высоту. Добрались благополучно. Мы планировали побывать в этом соединении и заслушать командование дивизии об обстановке в зоне ее ответственности.

При заслушивании картина повторилась. Говорить на военном языке было трудно. На примитивных картах одни флажки, обозначающие расположение частей и некоторых подразделений. Был заслушан начальник разведки, но доклад был слишком пространным, не отвечающим на вопросы как планируется разведка, какой противник в зоне ответственности дивизии, чем вооружен, что он делает и его дальнейшие намерения, где и когда велись бои с противником и какие результаты, ослабевает ли активность противника или усиливается, имеются ли в составе его частей и подразделений наши разведчики и что делается для их внедрения, как организуется связь с разведывательными подразделениями и разведчиками, находящимися внутри частей противника - на все эти вопросы конкретные ответы отсутствовали. Не лучше обстояло дело с заслушиванием других начальников и командования соединения.

При заслушивании пришлось коротко останавливаться и давать рекомендации, что и как надо делать, чтобы поправить положение дел. Слушали внимательно и тщательно записывали. В 18 часов по пномпеньскому времени мы должны были встретиться с генерал-полковником Ле Дык Ань, и поэтому пришлось жестко экономить время.

В 14 часов вылетели на вертолетах в Трабанг, а оттуда на своем самолете, который нас уже ждал там, в Пномпене. В Пномпене наши военные советники от В. З. Копытина доложили карту с решением на закрытие госграницы Кампучии с Таиландом с необходимыми расчетами. На карте было также предусмотрено патрулирование кампучийских военных катеров вдоль морской границы с Таиландом. Карту и расчеты подготовили хорошо, а это было очень важно при докладе вьетнамским и кампучийским товарищам.

Встреча с генерал-полковником Ле Дык Ань состоялась в особняке. На встрече присутствовали его заместитель генерал-майор Хоа, старший вьетнамский военный специалист старший полковник Май Суан Тан и другие руководители. С нашей стороны генерал-майор В. З. Копытин, начальник политотдела полковник Смирнов и советник при начальнике Генерального штаба НРАК полковник Новохацкий. После взаимных приветствий я в течение часа изложил основные вопросы, которые необходимо было решить.

Прежде всего я постарался обрисовать состояние борьбы с полпотовскими бандами, проинформировал о результатах пребывания на севере и северо-западе страны и тех недостатках, которые были вскрыты в ходе работы. Большое внимание уделил необходимости ведения постоянной войсковой, оперативной и агентурной разведки, подчеркнув, что она практически не планируется и не проводится, хотя имеются большие возможности.

Главным в докладе был вопрос о необходимости закрытия государственной сухопутной и морской границы с Таиландом. Свои предложения, как необходимо это сделать, докладывал по разработанному решению на карте. Эта часть доклада заняла около 35 минут. Затем было доложено о необходимости создания в каждой провинции, уезде, в каждом городе мобильных отрядов для борьбы с бандами полпотовцев. Для оперативного воздействия на более крупные силы противника предложил создать в составе НРАК смешанный вертолетный полк с хорошо обученными и вооруженными десанниками. Был поднят вопрос об усилении идеологической работы среди населения страны и повышения его активности в борьбе с полпотовскими бандами, о необходимости тесных контактов между воинами НРАК и ВНА с местным населением, о недопустимости ненормальных взаимоотношений между ними.

В завершении доклада я напомнил вьетнамским и кампучийским товарищам о том, что протокол о разделении функции между военными советниками Вьетнама и советскими военными советниками подписан, но положение практически не изменилось. Советские военные специалисты и советники продолжают работать в некоторой изоляции, что приводит к их оторванности от жизни войск и плохому знанию обстановки. Так продолжаться дальше не может. Мы должны понимать, что речь идет не просто о советниках, а практически о взаимоотношениях между нашими государствами.

На этом я закончил свой доклад, поблагодарив товарищей за внимание.

После небольшого перерыва выступил Ле Дык Ань. Он обстоятельно, с оценкой сложившейся в НРК обстановки, остановился на обсуждаемых вопросах, подчеркнул их важность, но и трудность решения. К моим предложениям он добавил, что при закрытии государственной границы с Таиландом надо широко использовать инженерные заграждения и высказал мысль о необходимости строительства колонных путей для быстрого маневра силами и средствами на угрожаемых участках возможного прорыва полпотовских банд, на создание системы

связи для управления частями и подразделениями, прикрывающих границу. Эти предложения были очень разумными и мы их включили в разрабатываемый план прикрытия государственной границы. По всему чувствовалось, что генерал Хоа, с которым мы вели беседу в полете от Ханоя до Хошимина по этим вопросам, подробно доложил их Ле Дык Ань и они были приняты вьетнамскими товарищами доброжелательно.

На этом встреча закончилась. Наша группа была довольна ее ходом и результатами. Затем нас пригласили на совместный ужин. Настроение у товарища Ле Дык Аня и его товарищей было превосходное. Он много шутил, хорошо кушал и предлагал всем замечательное блюдо типа гуляша, который кипел прямо на столе. Обращаясь к присутствующим, он рассказал об интереснейшем случае, который произошел с ним в Ленинграде. "Вы знаете, друзья, что когда я был в Ленинграде и однажды шел в военной форме с переводчиком по Невскому проспекту, мы поравнялись с молодой женщиной, которая за руку вела мальчика в возрасте 3-4 лет. Неожиданно он обратился ко мне с вопросом: "Ты кто? Немец?" Через переводчика я ответил, что нет, я не немец, а вьетнамец. "Так ты вьетнамец!? А можно я тебя поцелую!" Сказав это, он поднял руки в расчете, что я подниму его и он выполнит свое желание. Естественно, что я поднял его, он обвил руками мою шею и дважды поцеловал меня".

Когда Ле Дык Ань рассказывал об этом, у него на глазах были слезы, а я подумал, что этот мальчик, впитавший своим детским умом и сердцем любовь нашего народа к вьетнамцам сделал в области укрепления интернациональных чувств, братских отношений между нашими народами больше, чем сотни пропагандистов.

Ужин несколько затянулся, но в душе я был доволен, хотя мне еще предстояло подготовиться для встречи с председателем Совета министров НРК Чан Си и министром обороны Бут Хонгом. Она была спланирована после моего возвращения из юго-западной части страны, т. е. через сутки, но времени по моим расчетам, кроме вечера этого дня, не было. Рано утром мы должны улететь в район порта Реам.

15 декабря 1982 года на вертолете мы вылетели в Кампонгсаом, считавшимся морскими воротами Кампучии с дальнейшим полетом в порт Реам, который планировался по договоренности с Кампучией как база для советских торпедных катеров и мелких военных судов, находящийся значительно южнее Кампонгсаома. Ветер был попутным и мы быстро сокращали расстояние между Пномпенем и главным портом страны. Как всегда, при полетах внимательно изучал местность,

сличая ее с картой. Эта часть территории страны заселена слабо. Дорог почти не было, кроме дороги вдоль которой мы летели. Да и она была во многих местах разрушена. Низкие горы, густо проросшие лесом и кустарником, почти не просматривались, что создавало хорошие условия для действия различных банд. Не случайно, что этот район был местом активных действий полпотовцев и банд грабителей. Дело в том, что по этой дороге шло снабжение страны различными грузами, поступавшими через порт Кампонгсаом. Эти грузы доходили до столицы только в том случае, когда их сопровождали бронетранспортеры, а иногда и танки ПТ-76. Через 45 минут мы совершили посадку прямо в порту. Садиться было небезопасно из-за сильного ветра, но наш опытный экипаж вертолета успешно посадил его в избранном месте. У причала стояло под разгрузкой единственное судно, зато затонувших барж, небольших судов было очень много. Мол в нескольких местах был разрушен и требовалось его восстановление. Добротные хранилища на берегу были полупустыми. Прекрасная многоэтажная гостиница тоже пустовала. Мне сказали, что она полностью экипирована хорошей мебелью, но ею никто не пользуется. К порту подходила железная дорога с развитой системой путей в районе порта. Но она бездействовала.

Задерживаться мы здесь не стали и вылетели в район порта Реам. Это была основная цель нашего полета. Летели вдоль берега, изрезанного красивыми бухтами с богатой тропической растительностью, с множеством живописных утопающих в зелени островов. По торчавшим из воды затонувшим шхунам, баржам, лодкам, катерам можно было определить, что глубины залива не более 4-6 метров.

Мне подумалось, как было бы замечательно построить на берегу залива и на этих многочисленных островах санатории, где могли бы отдыхать миллионы людей, укрепляя здоровье под лучами солнца и купаясь в чистых, теплых и ласковых волнах. Но это дело будущего, а пока мы решали другую задачу.

Мы сели на берегу залива и сразу были окружены солдатами вьетнамского батальона, который охранял эту бухту от высадки морского десанта. Вскоре представился и командир батальона. По всему было видно, что им живется здесь неплохо - купаются, ловят рыбу, готовят пищу и все заботы. Никаких постов мы не видели. В красивой бухте с прекрасным пляжем был единственный причал длиной в 150 метров и с рабочей частью в 120 метров. Вот и все сооружения. Когда-то были мастерские, дизельные электростанции на 5 дизелей, постройки для жилья, но они все находились в запущенном состоянии и требовалось их

восстановление. Восстановлению подлежала и система водоснабжения, которая также была разрушена. Очень хотелось покупаться, но не было времени. Надо было еще осмотреть долину севернее Реам, в которой находился аэродром. Решили на вертолете на низкой высоте пройти по границе долины, которую ограждали небольшие горы, и посмотреть аэродром. В ходе полета мы изменили план и после общего осмотра долины произвели посадку на аэродроме. Полоса была сооружена из асфальтобетона, во многих местах разрушена и необходимо ее восстановление и приведение в порядок. На ремонт требовались небольшие средства и не так уж значительное время. Взлетно-посадочная полоса была длиной в 1100 метров и могла принимать самолеты типа АН-2, АН-26 и вертолеты. Раньше он был предназначен для самолетов-амфибий, хотя мне не довелось увидеть в Кампучии ни одного такого самолета. Возможно, их угнали полпотовцы в Таиланд. После всего увиденного сделали вывод, что порт Реам, после его восстановления, может служить отличной базой для ракетных и торпедных катеров.

Прощавшись с командиром батальона мы взлетели и пошли на Пномпень. До Пномпеня летели 85 минут. Дело в том, что дул сильный встречный ветер и мы, испытывая болтанку, шли медленно.

Маршрут пролегал несколько южнее дороги Кампенгсаома, Пномпень и ландшафт был другим. Наблюдалось очень много рисовых полей, садов, но почти отсутствовали люди. Казалось, что это безжизненное пространство. В Пномпень прилетели в 13 часов дня и сразу попали на обед к министру обороны НРК товарищу Бут Хонгу. На обеде присутствовали генерал-полковник Ле Дык Ань, генерал Хоа и старший полковник Май Суан Тан. Перед обедом я проинформировал Бут Хорга о проделанной работе и что мы собираемся делать в ближайшее время. Он благодарил меня за информацию и пожелал дальнейших успехов. Обед прошел в обычном порядке.

К 16 часам поехали на встречу с председателем Совета Министров НРК Чан Си. Когда мы подъехали к зданию Совета Министров, нас уже ждали у подъезда кампучийские товарищи. Мы поднялись на второй этаж, оттуда нас сопроводили в комнату для приемов. Там уже находился Чан Си и его заместители. Он предложил мне сесть рядом. Затем высказал свое удовлетворение от возможности со мной встретиться. В свою очередь после короткого представления я поблагодарил его за предоставленную возможность встретиться с ним и высказать свое мнение о ходе строительства Народной Революционной Армии Кампучии. Оказание помощи в создании национальной армии Кампучии, как

и ЛНДР и СРВ, было нашей советнической обязанностью. Оргштатная структура армий этих государств создавалась при самом активном участии советских советников и специалистов. Исходя из этого Советское правительство поставляло этим странам технику, вооружение, снаряжение, боеприпасы и все необходимое для жизни войск. Ко времени нашей встречи с выполнением плана создания НРАК дело обстояло более- менее благополучно, но соединения и части нуждались в получении инженерной техники, автомобилей и особенно самосвалов. Они по плану поступали, но многие шли на гражданские нужды. В связи с этим я высказал Чан Си просьбу: положенную инженерную и автомобильную технику направлять в войска в соответствии с разработанным планом строительства НРАК, тем более, что для мероприятий по закрытию государственной границы с Таиландом потребуется создание инженерных заграждений и строительство колонных путей, что без инженерной техники осуществлять трудно. Пользуясь случаем, я подробно доложил Чан Си о разработанном совместно с кампучийскими и вьетнамскими товарищами плана закрытия госграницы с Таиландом, что позволит в значительной степени облегчить борьбу с полпотовским и другими бандами. Чан Си положительно отозвался о нашем плане, пожелав военным успешного его осуществления.

Подали кофе, после чего, поблагодарив за теплую встречу и возможность высказать свою озабоченность по некоторым вопросам строительства НРАК и ходом борьбы против полпотовских банд. Товарищ Чан Си поблагодарил меня за откровенную беседу, за внимание к строительству НРАК, заявил, что он всегда готов со мной встречаться.

В 16 часов мы должны вылететь на Хошимин.

В полете до Хошимина мысленно подводил итоги своего пребывания в Народной Республики Кампучии. Проанализировав все события, встречи, пришел к выводу, что поездка была полезной. Прежде всего удалось своими глазами посмотреть реальную действительность и убедиться в необходимости тех мер, которые были предложены вьетнамской и кампучийской сторонам по вопросу борьбы с полпотовскими бандами и очищения страны от этой нечисти. Важным результатом было то, что мы открыли генералу В. З. Копытину путь к более тесному сотрудничеству с вьетнамскими и кампучийскими товарищами. Не менее важным было и то, что упрочилось взаимопонимание между министром обороны НРАК и командующим вооруженными силами НРК генерал-полковником Ле Дык Анем. Очень жаль, что пока решался вопрос полета в Кампучию два из запланированных

дней ушло на согласование посещения, а продлить срок пребывания не было возможности из-за предстоящего полета в Москву.

На аэродроме Таншоннят нас ждали представители 9 ВО. Командующий в это время был в Ханое на сборках, а поэтому встречал начальник штаба округа. С аэродрома мы поехали в гостиницу. Это оказался особняк бывшего китайского полковника - разведчика. Осмотрев особняк, я пришел к выводу, что ему неплохо здесь жилось. Мы располагали свободным временем и нам предложили посмотреть Хошимин. Это совпадало с нашим желанием. В поездке по городу участвовало четверо - я, мой адъютант, дочь командующего 9 ВО переводчица Майя и начальник отдела внешних сношений. Город произвел на меня хорошее впечатление - широкие улицы, кварталы многоэтажных домов, гостиницы, рестораны, много света. Очень хорошее впечатление произвел порт. К середине нашей прогулки по городу зашло солнце, а поэтому город и порт зажглись яркими огнями. Хошимин не был похож на Ханой. В его жизни что-то было западное, занесенное со стороны. В городе было много машин, мотоциклов, значительно меньше велосипедистов, даже поведение прохожих как-то отличалось от Ханоя и других городов Вьетнама. Время было уже после 20 часов и государственные магазины были закрыты. Мы зашли в один из частных магазинов и чтобы не чувствовать себя неудобно, решить купить за 100 донгов календарь с красивым вьетнамками.

После прогулки по городу возвратились в гостиницу, поужинали и легли спать, но комары и гнус не давали спать, да и мысли уже были в Москве.

Утром после легкого завтрака поехали на аэродром, но сразу взлететь на Ханой не удалось, не было разрешения. Только через час разрешение было получено и мы взлетели. К обеду были в Ханое. Завтра полет на Москву.

Вылет на Москву планировался на вторую половину дня и было еще время посмотреть многие документы в порядке подготовки к встрече с министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Д. Ф. Устиновым. Некоторые документы хотелось взять с собой, но это было бы нарушением режима секретности, чего я никогда не допускал. Возможно, это было хорошо, потому что в таких случаях всегда тренируется память в способности удерживать массу различных данных и цифр. Только в 13 часов мы выехали на аэродром. Ехали очень медленно, так как мост через р. Красная был забит машинами и образовавшимися пробками. Тем не менее мы приехали на аэродром своевременно, но вылет самолета откладывался из-за

задержки в Ханое генерального секретаря НРПК Хенг Самрина. Он должен был лететь этим же самолетом с членами делегации на празднование 60-летия Образования СССР. Я понял, что буду лететь до Москвы совместно с Кампучийской делегацией. Кампучийская делегация поднялась на борт самолета позже, когда несколько человек, летевших в салоне первого класса, уже заняли свои места. С появлением Хенг Самрина и членов делегации в салоне, я поднялся и поприветствовал их. В составе делегации находился и министр обороны Кампучии Бут Хонг. Полет происходил ночью и кампучийские товарищи спокойно отдыхали. В Москву прилетели к 5 часам утра. Меня встретили товарищи из 10 Главного управления. Погода стояла мерзкая - туман, пронизывающая сырость, обледенелая дорога. К 6 часам утра был дома. Отдохнуть не ложился. Сегодня предстоит посещение стоматологической поликлиники. Опять беспокоят зубы, а это очень неприятно. Хорошо, что в поликлинике уже были знакомые врачи, которые оперативно принялись за дело. С утра помощник министра обороны адмирал Свет Саввич Турунов сообщил, что министр обороны примет меня в 14 часов. Это хорошо. Лучше, когда ты бываешь у начальников сразу после прилета и не приходится волноваться несколько дней в ожидании этого события.

Меня не очень беспокоило то, что предстоит встреча и доклад ему о положении во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии по большому кругу вопросов. До этой встречи мне уже много раз приходилось ему докладывать в бытность командующего Южной группой войск и когда находился на должности первого заместителя главнокомандующего войск Дальнего Востока. О Дмитрие Федоровиче Устинове у меня к этому времени сложилось твердое убеждение как об умном, государственном человеке, жизнь которого полностью принадлежит интересам народа, укреплению экономического и военного могущества нашего государства. Не случайно, что в годы Великой Отечественной войны он был министром оборонной промышленности СССР и будучи в молодом возрасте, успешно справлялся с этой должностью. Он внес огромный вклад в победу нашего народа в войне против фашизма. Став министром обороны СССР он продолжал отдавать все силы, весь свой незаурядный талант оборонному могуществу нашего государства и стран социалистического содружества. В отличие от некоторых других руководителей он был человеком скромным, внимательным и заботливым. Особо ценным качеством его характера, общения с людьми было умение их слушать. Он мог слушать 30, 40, 50 минут и больше, не перебивая докладчика или любого человека, сообщавшего ему данные по

какому-либо вопросу. Нет. За всю свою жизнь мне много раз приходилось докладывать большим начальникам, но такого внимательного и терпеливого человека я узнал впервые. В наше "перестроечное" время, а вернее в период развала нашего государства по вине предателей интересов народа, можно иногда слышать о Дмитрие Федоровиче Устинове и что-либо порочащее его имя. Но это делают люди, которые никогда близко не соприкасались с этим человеком, не знавшие его в тот период, а принимают за истину все, что изобретают о нем его недоброжелатели.

В предвидении встречи я принял решение доложить ему о военнополитической обстановке в СРВ, НРК и ЛНДР и в целом регионе, о ходе строительства кадровых армий Вьетнама, Лаоса и Кампучии, о выполнении плана поставок для строительства этих армий Советским Союзом техники, вооружения, боеприпасов и снаряжения, о необходимости строительства технической базы, без которой нельзя обеспечить высокую боевую готовность частей и соединений ВНА, НРАК и НАЛ, о состоянии обороны на северном стратегическом направлении, о проделанной работе по ее укреплению и совершенствованию, о состоянии борьбы с полпотовскими бандами в Кампучии и Лаосе и необходимости закрытие границы с Таиландом.

Перед началом доклада по всем этим вопросам зашел к адмиралу Турунову Свету Саввичу. Мы обменялись мнениями по некоторым вопросам, договорились о личной встрече. Время поджимало и я пошел в приемную. В 14 часов зашел в кабинет к министру обороны, который поднялся из-за стола, как это он делал всегда, и пошел мне навстречу. Я доложил о прибытии и он со словами: "Ты что-то помолодел, Федот Филлипович" и предложил мне сесть. "Наши друзья, товарищ министр обороны, не дают стареть, да и работа не позволяет". "Это хорошо. Давай докладывай о том, что ты считаешь важным. Получив разрешение, я перешел к изложению намеченных вопросов. Дмитрий Федорович курил и хорошо знал, что я курящий и стал предлагать мне сигарету "Мальборо". Он не предполагал, что я после операции бросил курить. Я пытался отказаться под предлогом, что курить в присутствии министра обороны неудобно, да и не принято, но он все же протянул мне пачку с выдвинутой сигаретой, которую я вынужден был взять, чтобы не обидеть его. Вслед за предложенной сигаретой он поднес зажженную зажигалку и я прикурил. Пришлось пару раз затануться, но увлекшись докладом, больше не курил, а Дмитрий Федорович не настаивал. Доклад по всем намеченным вопросам получился, судя по вниманию, с которым министр слушал меня,

интересным. За 45 минут доклада он только дважды спросил: "Федот Филиппович, неужели это так? на что я ему отвечал, что именно так, товарищ министр обороны, и при этом смотрел ему в глаза. Докладывая, я понимал, что у министра обороны много каналов, по которым он может проверить истинное положение вещей. Но дело не в возможностях министра обороны, а в чести и достоинстве. Бог меня избавил от элементов авантюризма и я никогда за всю свою продолжительную службу не допускал его.

После доклада министр обороны поинтересовался, как у меня сложились взаимоотношения с государственным и военным руководством СРВ, НРК и ЛНДР. Я ответил, что взаимоотношения хорошие, никаких затруднений не испытываю, всегда имею возможность, при необходимости, встретиться и изложить просьбу или высказать свою позицию. Партийное, государственное и военное руководство высоко ценит нашу помощь по всем вопросам государственного, партийного и военного строительства и постоянно благодарят наше руководство за бескорыстную экономическую помощь и помощь в строительстве вооруженных сил.

"А как чувствует себя супруга и внука?" "Большое спасибо. Они чувствуют себя хорошо". "Передай им мои самые сердечные пожелания здоровья и благополучия". "Большое спасибо, товарищ министр обороны. Они будут тронуты Вашим вниманием". Дмитрий Федорович знал, что у сына умерла жена и осталось две девочки которых мы взяли на воспитание.

"Возвратившись в Ханой, передай при встрече привет министру обороны СРВ товарищу Ван Тиен Зунгу, а когда будешь в Кампучии и в Лаосе товарищам Бут Хонгу и Кхамптай Симфандонгу". "Большое спасибо за приятное поручение. Обязательно передам".

"Передавай привет всему своему коллективу советников и специалистов. Желаю им здоровья и успехов в работе".

На этом встреча закончилась. Министр обороны поднялся из-за стола и протянул мне руку на прощанье.

В эту поездку в Москву запомнился мне один интересный случай, связанный с празднованием 60-летия Образования СССР. На это празднование были приглашены все главные военные советники. С прибытием к месту празднования я несколько задержался и вошел в дом, когда уже делегации стран социалистического содружества и дружественных стран собрались и стояли вдоль стен зала в ожидании захода в зал для торжественного собрания. Министр обороны ВНР генерал-полковник Карпати увидел меня и пошел мне навстречу, пересекая зал ожидания. Естественно, что я вынужден пойти ему навстречу, но в это время увидели меня и другие министры: министр обороны ЧССР генерал армии Мартин Дзур, министр обороны МНР генерал-полковник Ендон, министр обороны СРВ генерал армии Ван Тиен Зунг, министр обороны НРАК товарищ Бут Хонг и все они покинули свои места и окружили меня в центре зала. Они тепло поприветствовали меня, а я соответственно тепло отвечал на их приветствия. Но мне было не совсем удобно от такого внимания, которое наблюдали

присутствующие в зале. Вместе с тем подумал, что не зря мне почти 60 лет и что я что-то сделал для укрепления дружбы и интернационального единства между народами Советского Союза и народами этих стран.

На второй день улетел в СРВ. Заканчивался 1982 год и пятый месяц моего пребывания во Вьетнаме. Это были очень трудные и очень интересные месяцы моего становления в качестве главного военного советника в Социалистической Республике Вьетнам.

Заканчивалась первая декада февраля 1983 года. Мы продолжали готовиться к приезду комиссии. Никакой робости или неуверенности у нас не было. Мы трудились добросовестно, сделали много и не было нужды переживать. Но человек устроен своеобразно. Если этот человек с чувством долга перед Родиной и самим собой, он всегда будет беспокоиться, всегда будет искать пути улучшения своей работы, пути более глубокого проникновения в суть своей работы, в суть происходящих явлений и событий. Да! Таким должен быть настоящий человек, человек мыслящий, человек самоанализа, человек труженник.

Сегодня нас пригласили на ТЭТ к Начальнику Главного политического управления, члену политбюро ЦК КПВ. Тю Хюи Ману. ТЭТ - это национальный праздник. Его празднуют официально три дня, а неофициально 6-7 дней и более. Это новый год по лунному календарю. Он не имеет строго определенной даты, он подвижен.

Мы сегодня гости начальника Главного политуправления ВНА. Начало праздника было намечено на 19.00. У вьетнамцев не соблюдается такая точность, как у нас, когда стараются собраться за некоторое время до Нового года, проводить старый год и встретить новый. Такой традиции нет. Новый год вьетнамцы могут встречать за несколько дней до его наступления, а близких друзей могут приглашать в гости накануне или после наступления Нового года.

Общим является то, что в день праздника обычно вьетнамцы собираются семьями и отмечают его как семейный праздник. Мы были заняты на встрече около двух часов. Отметим в тостах много общего между новогодними праздниками наших народов, пожелали крепкого здоровья, успехов, благополучия и всего, что обычно желают в этот праздник. Затем сфотографировались с маленькими деревьями абрикос и персиков. По традиции дорогому гостю дарится маленькое дерево, усыпанное мелкими плодами. Таких два дерева подарили нам в период праздников министр обороны Ван Тиен Зунг и начальник политуправления Тю Хюи Ман.

На второй день вечером в канун нового года нас пригласил

министр обороны и его супруга мадам Нгуен Тхе Ки. Мы прибыли втроем, взяв с собой внучку. Она за последнее время в гостях ведет себя хорошо. К нашему приходу вся семья министра обороны была в сборе, кроме сына, учащегося в СССР. Он в этом году заканчивает учебу. Была дочь, второй сын, зять, мадам Нгуен Тхэ Ки и Ван Тиен Зунг. Вечер прошел хорошо. Поговорили о традициях народов, о том, что наступил год свиньи, а это год, по преданиям народа, благоприятный. В тостах высказывались пожелания счастья и радости в Новом году. Алечке подарили несколько очень симпатичных кукол.

В десятом часу, поблагодарив за угощения, мы разошлись. Ван Тиен Зунг предлагал нам погулять по городу и посмотреть его ночной наряд, но мы не захотели. Ходила Алечка с Владимиром Пинн и наши водители с детьми. В городе стоял сплошной грохот взрывов петард. Он не смолкал всю ночь и на следующий день, а практически треск раздавался всю неделю. У нас хорошо празднуют новый год, но вьетнамцы еще лучше. У них просто фанатизм. Уж больно шумно они его отмечают. И где столько изготавливается петард. Израсходованного пороха, видимо, хватило бы на маленькую войну.

На второй день праздника мы не работали и была возможность пойти посмотреть городской парк и выставку цветов. Отдельные цветы были очень оригинальными и произвели хорошее впечатление. Походили по парку и возвратились домой. Надо было отдохнуть. Ведь всю ночь стоял грохот.

Вторую половину февраля мы были заняты комиссией. Слетали в Куньмынский особый Военный Район, познакомились с местным руководством. Генерал И. В. Вельджанов - советник при командующем КОВРа выглядел неплохо. Он хорошо контактирует с руководством КОВРа и местными руководителями. На весь их коллектив была единственная женщина - жена советника при командующем артиллерии КОВРа полковника Шевченко. Она пригласила нас к чаю. Мы не смели отказаться, да и ей приятно было встретиться с советскими людьми. Она рассказала об условиях жизни, а этим очень интересовались московские товарищи. Она не жаловалась, но высказала пожелание больше разнообразить продовольственные товары. Поблагодарив за внимание, мы ушли, оставив доброе чувство. После этого мы пошли во взвод связи.

Во взводе связи, обеспечивающем связь советника КОВРа с ГВС, побеседовали с солдатами и сержантами. Они чувствовали себя хорошо. У них небольшая ленкомната, библиотека, кинопередвижка, журналы, газеты. Письма получают 2-3 раза в месяц. Это не часто, но все же связь с Родиной поддерживается.

Жалоб не было. На кухне, которую мы посетили, санитарное состояние было относительное. И. В. Вельджанов ссыался на то, что, дескать, пищу готовят вьетнамцы, они и отвечают. Но это несерьезно. В это дело не вникать. После завтрака мы улетели в ракетную бригаду. Надо сказать, что на завтраке в ресторане мы заметили хорошее, доброе отношение к нам. Многие официантки немного разговаривали по-русски. Это говорило о том, что наши россияне бывают там довольно часто. Ведь это угольный бассейн, дающий до 6 миллионов тонн угля, практически 80% от добываемого в стране, а в этом бассейне работает до 250 человек советских специалистов. Вот они и пользуются здесь общим вниманием.

До РБР летели всего лишь 30 минут. Я до этого не сумел побывать в этой бригаде, хотя много знал о ней из докладов генерала Григория Кузьмича Филоненко. Она обустроивалась и весьма бурно. За короткий период времени были возведены хранилища для техники, для ракет, для ракетных установок, казармы, ПТО, аккумуляторная, жилье для советских специалистов, для офицерского состава бригады, построено много хороших дорог. Командир бригады закончил нашу артиллерийскую академию, прекрасно говорит по-русски. Вот он и показывал весь комплекс проделанной работы. Впечатление осталось хорошее.

Наступили сумерки и надо было возвращаться домой. Мы попрощались и взяли курс на Ханой.

На следующий день, т. е. 25.2 улетели в Дананг. Мы решили побывать в Дананге, посмотреть бригаду надводных кораблей и базу хранения материалов и техники, откуда шло снабжение Лаоса. До этого мне на этой базе бывать не приходилось. Сперва мы решили осмотреть базу. Когда мы туда приехали, там уже был генерал Олег Алексеевич Комаров и полковник Александр Львович Момотков. Мы решили коротко послушать начальника базы капитана лаосской армии. Это очень деловой, юркий капитан, учившийся в свое время в Советском Союзе в автомобильном училище. Неплохо говорит по-русски. Заслушав его доклад, мы пошли осматривать складскую территорию. Она раскинулась довольно просторно на 5-6 гектарах. Кое-где имелось твердое покрытие в виде площадок, на которых стояла техника: машины, тракторы, бульдозеры, грейдеры, эскаваторы, катки, передвижные электростанции и другая техника. На площадках лежало много металла, уже изрядно поржавевшего, покрышек для машин, много агрегатов для различной техники и материалов. Под крышами нескольких складских помещений, весьма внушительных, хранились автомашины, цемент, электростанции

и другие более мелкие агрегаты и материалы. Удивительно, что хранящийся в мешках цемент в значительной степени схватился, образовав до 3-4 см корку. Такого цемента хранилось до 8000 тысяч тонн. Вот где гибнут дорогостоящие материалы. Вот где безхозяйственность. Но что делать. Вывоз грузов в Лаос идет очень плохо. За месяц 200-300 тонн, а их лежит до 50 000 тонн, а чисто военных до 32 000 тонн. Думали, решали, но ничего разумного не придумали. Слишком дорогое удовольствие возить их автотранспортом. Машина сжигает до 1 200 литров бензина в оба конца, да еще изнашивается, да еще надо платить водителю, а привозят, допустим, 5 тонн цемента. Трудно сказать, что дороже бензин или цемент. Вот в этом и вся проблема с вывозом. Надо задействовать порт Винь, путь от которого в Лаос в два раза короче. Это решение проблемы.

Для перегрузки материалов с океанских судов на малые суда, так-как океанские не могут зайти в порт Винь из-за мелководья, надо иметь не менее двух мелких судов, которые и будут доставлять грузы в порт Винь, а оттуда автотранспортом в Лаос. Это должны решить министры обороны СССР и СРВ.

После осмотра склада поехали в бригаду кораблей. Осматривали малые противолодочные корабли. Команды были выстроены, мы заслушали рапорт и побеседовали с офицерами и личным составом. Оказалось, что из прежнего экипажа сторожевого корабля, который был полностью обучен в Симферополе, никого не осталось и никакой приемственности в смысле обучения экипажа не произошло. Те ушли, эти пришли без какого-либо перекрытия по срокам. Мы были удивлены этой беспечности, бесхозяйственности и бог знает еще чем. Зачем было учить целые экипажи? Зачем было тратить столько средств? Но что делать? Уже не вернешь. Надо смотреть на будущее, не допустить подобной бессмыслицы.

Во второй половине дня улетели в Нячанг. Встретили нас генерал-лейтенант Попов Александр Михайлович, советник по учебным заведениям, начальник училища, герой СРВ, хорошо владеющий русским языком полковник Динь, его заместители, начальник военно-морского училища, начальник училища связи и их заместители. Встречали и местные власти. С аэродрома мы разделились на три группы для параллельной работы. Другого выхода не было. Внимательно выслушали начальника авиационного училища. Проблем много: неисправность Л- 29, Л-39, МИГ-21 бис, и т. д. Недостает инструкторов - их в два раза меньше, вместо 172 имеется 72. Естественно, что это не простые вопросы. Их надо решать. Для меня они не были новыми вопросами и я уже бывал в этом училище и знаю положение дел,

но для членов комиссии это важно. Они также должны нам кое-чем помочь. После заслушивания пошли смотреть классы, тренажеры, музей. Музей был очень содержателен, здесь даже есть фотографии американских летчиков, сбитых самолетов вьетнамскими летчиками. Во всем чувствовалась рука начальника училища. Он очень откровенен, за что говорят, его начальство не совсем почитает. Это не удивительно. Хочется помочь им в этих делах, но жаль, что ты не все можешь, не все от тебя зависит.

Вечером заслушали всех остальных товарищей, побывавших в морском училище и училище связи. Они обстоятельно доложили свои выводы.

Утром после завтрака решили выйти в море посмотреть бухту Нячанг, кое-кто решил покупаться, а главное все хотел посмотреть огромный аквариум с различными рыбами от декоративных до больших морских. Это было очень интересно. В аквариуме, отгороженном каменной стеной с отверстиями для морской воды, находилось кроме декоративных рыб, которые мы видели в маленьких комнатных аквариумах, много больших морских рыб. Каких только рыб нет. Когда бросают съестное, они тучей набрасываются на брошенное, показывая бока, животы и свой норов. Между двумя большими аквариумами, расположился уютный ресторанчик. Он небольшой, но довольно вместительный. В буфете продают вино, пиво, закуски, а самое главное корм в виде сушеных рыбешек для корма рыб. Огромные рыбины по 6-8 килограмм и более набрасывались дружно на брошенную сушеную рыбешку. Здесь даже большие черепахи с огромную сковородку спокойно проплывают среди косяков рыб в надежде тоже что-то получить из корма. Но они страшно неповоротливы и только тогда, когда корм брошен прямо ко рту, они кое-как успевают заглотить. Все остальное пожирается юркими, хотя весьма большими рыбинами. И каких только нет рыб. Любовались этим зрелищем весьма долго.

Вскоре появилась группа экскурсантов - поляков. Они также внимательно наблюдали это прекрасное зрелище. Но нам надо было уже улетать, а перед отлетом нас ждал обед. Мы возвратились в гостиницу, забрали вещи и поехали в летное училище. Там уже были начальники училища морского и связи, а также местные власти. За обедом я произнес тост. Говорил о достижениях провинции, о делах училища, о наших пожеланиях. Хорошо, что я накануне прочитал внимательно справку по данной провинции. Это дало возможность соединить в тосте гражданские и военные дела.

Вот и нет февраля. 1, 2, 3 марта комиссия работала непосредственно в управлении главного военного советника.

Смотрели все документы. Их много. Все они представляли определенный интерес. Эта работа была хорошо организована и мы объективно показали свой труд.

На следующий день генерал-лейтенант Александр Петрович Токун сделал разбор. Это был хороший, объективный разбор. Он старался сконцентрировать свое внимание на недостатках, особенно по работе ремонтных заводов, по состоянию ВВС. ПВО и работе с кадрами. По всем этим вопросам имели место недостатки, не всегда зависящие от нас.

После разбора поехали к послу Борису Николаевичу Чаплину. Состоялась 30- минутная беседа. Александр Петрович доложил о результатах работы, о положительном и недостатках. Затем принял нас товарищ Ле Чонг Тан. Опять информация А. П. Токун, затем выступление товарища Ле Чонг Тана. После официальной части состоялся ужин.

На второй день провожали комиссию в Москву. Впервые видел ИЛ-86. Это новая многоместная машина. Зашли посмотреть внутрь самолета, но ничего особенного не увидели. На взлете он нам совсем не показался. Почему-то слишком долго отрывался от взлетной полосы, а ведь он был загружен не полностью. Но может быть это только первое впечатление. Проводили и поехали домой. Дорогой думал о Женсене Кирееве. Бог знает, что за человек. Хочется относиться к нему с уважением, но во всем его поведении есть что-то настораживающее, неискреннее. Видимо слишком большое самолюбие, слишком много гордости и самолюбования.

Сегодня 7 марта. До обеда посетил посла. Обсуждали последние новости. Он мне сказал, что они писали письмо в МИД СССР о моем награждении и что МИД поблагодарил за высокую оценку моего труда, но ходатайствовать о награждении не стал, т. к. я за последние три года получил два больших ордена - Орден Ленина и Орден Октябрьской революции. Зачем только они это делали, имею в виду посольских. Кому это нужно. Я сам был против награждения. Когда я сказал Алевтине Васильевне об этом, она также правильно все поняла. Она хорошо знает, что я Родине служу не за ордена и медали, да и Родина меня никогда не обижала. Давала мне звания, должности, ордена, посылала на съезды КПСС, избирала депутатом Союзных Республик и депутатом Верховного Совета СССР. Нет. Не обижала. Да и я к ней отношусь с любовью. Служил и служу, как мне кажется, честно и сколько не пытаются отдельные подлые личности в чем-то меня упрекнуть, ничего не получается. Буду надеяться, что их за несправедливость покарает судьба. Да! Обязательно покарает. Я в это верю.

Но что это я расчувствовался. Кому это нужно. Это, видимо,

под влиянием приближающегося шестидесятилетия.

Сегодня был у министра обороны СРВ генерала армии Ван Тиен Зунга. Он мне изложил программу предстоящей военно-научной конференции в Хошемине с участием членов Политбюро, на которой будут обсуждены вопросы: - подведение итогов развития Вьетнамской Народной Армии; - перспективы дальнейшего развития Вьетнамской Народной Армии; - участие в экономическом строительстве воинов Вьетнамской Народной Армии.

Хорошо, что он это сделал. Это говорит о доверии, о наших добрых отношениях. Но он меня и озадачил. Он сказал, что в связи с конференцией с 10 по 15 марта он на моем дне рождения не может быть. Я пришел в уныние. Как быть. Хорошо, что не посланы пригласительные. Пришлось перенести вечер на 15.3.1983 г. Он обещал, что обязательно будет.

В один из дней мы с Женсеном Киреевым обсуждали предложения Вьетнамской стороны по пятилетнему плану. Надо было прийти к какому-то определенному мнению. Мы боялись что вьетнамские товарищи возьмут верхний потолок. Тогда надо будет менять наши наметки по пятилетнему плану. К счастью все обошлось благополучно. Взяли нижний предел. Но за этими вводными пошли и заботы. Давай, давай, давай. Вот уж у нас любят торопиться даже там, где нет никакой необходимости.

Сегодня суббота, 12 марта, день рождения Алевтины Васильевны. С утра поздравили бабушку с днем рождения. Бабушка довольна, хотя женщины не любят, как я заметил, отмечать свои дни рождения. Может быть это и правильно. Что хорошего, что ты на год стал старше. Но это для женщин, а мужчины придерживаются другого мнения. В субботу мои сослуживцы поздравили меня с юбилеем. Начали поступать поздравления от начальства. Поступил приказ Мо СССР о награждении меня ценным подарком и мне вручили памятный адрес. Это хорошо. Поступили поздравления от командующих Округов, Главнокомандующего Войсками ДВ генерала армии Говорова В. Л., от Дружинина М. И. и других сослуживцев.

Сегодня воскресенье и я решил на службу не ходить. Надо было помочь Алевтине Васильевне да и немного отдохнуть. Обед был назначен на 2 часа. Это хорошо. На обед из нашего дома пришли все, кроме Валентины Николаевны Пинн. Она болеет и поэтому прийти не смогла. Посидели, поговорили, спели несколько песен и на этом закончили. Но все же отметили. Конечно молодежь так дни рождения не отмечает. Она долго гуляет и веселится.

Продолжали поступать поздравительные. Их уже набралось

довольно много. Прислали поздравления чехословацкие, венгерские, московские друзья, прислал поздравления министр обороны ЛНДР Кхамтай Сипфандон и его заместители, посол СССР в ЛНДР Сопченко Владимир Федорович, Посол СССР в Кампучии Олег Владимирович Басторин и другие товарищи.

Но я не знал, что есть памятный адрес от товарища Цеденбала. Вот уж внимательный человек, замечательный руководитель, который никогда не забывает тех, кто успешно работал в МНР, кто укреплял по-настоящему дружбу между нашими народами. Но это поздравление объявил посол МНР в СРВ Равдангийн Гунсэн на самом вечере, что было неожиданностью для всех присутствующих. Волнение за предстоящий вечер не проходило. Как получится, как воспримут гости этот вечер, понравится ли он им, укрепит ли наши отношения и отношения между ЧССР, СРВ, ВНР, МНР, СССР, ЛНДР и НРК - вот главный вопрос. Ведь этот вечер не должен быть простым ужином. В этот день я волновался по поводу прилета генерала Копытина Виктора Захаровича и генерала Комарова Олега Алексеевича. Они должны были прилететь с супругами.

Вот и наступил день волнений, раздумий и надежд. Почему я так волнуюсь, почему переживаю, почему душа полна тревог? Возможно это действует необычность обстановки. Как-никак первый раз в этой стране мне приходится организовывать такое мероприятие. Как оно получится, каково мнение останется у присутствующих на этом мероприятии, будет ли оно желанным для гостей или они после исполнения формальной вежливости поспешат уйти домой под различными предложениями, наконец, какое впечатление произведет на присутствующих сама организация мероприятия, хозяин и хозяйка события. Алевтина Васильевна, чувствую, тоже волнуется, что редко бывает. Она обычно внешне спокойна, хотя всегда волнуется, а сегодня она и внешне волнуется. Мне приятно это волнение. В этом волнении я усматриваю ее страстное желание, чтобы вечер получился, чтобы я был доволен им. Днем она еще раз побывала в зале для приема, все посмотрела, взвесила, дала свои советы.

Но вот и 18 часов 30 минут. Мы идем в Ба-Ба (гостиница 33). Это в 400 метрах от дома No2 - нашего дома, где мы живем. Алевтина Васильевна в вечернем гипюровом платье. Оно ей очень идет. Она в нем стройная и значительно моложе своих 59 лет.

Начали прибывать гости. Прибыл генерал армии Тю Хюн Ман с переводчиком Зиеу, прибыла жена министра обороны СРВ уважаемая мадам Нгуен Тхе Ки, прибыл посол СССР в СРВ Чаплин Борис Николаевич с супругой Галиной Александровной и дочерью

Светой, прибыл чехословацкий посол уважаемый Богуслав Гангл, прибыл венгерский посол с супругой Йожеф Варга, монгольский посол Равдангийн Гунсэн с супругой, прибыли военные, военновоздушные и военно-морские атташе этих стран вместе с советскими военными атташе генералом Давыдовым Владимиром Алексеевичем и Аллой Алексеевной. Прибыл советник - посланник нашего посольства Мякотный Юрий Николаевич, советник при Совмине СРВ товарищ Гвоздев Виктор Александрович с супругой, Сергеев А. А. - экономический советник без супруги, супруга экономического советника при посольстве СССР в СРВ Валентина Нагибина, Евгений Рыбалко с супругой торгпред СССР в СРВ, Бочурин Юрий Григорьевич с супругой, Зам МО СРВ генерал-лейтенант Чан Ван Куанг с супругой, советник при РВ и А генерал Филоненко Григорий Кузьмич со Светланой Витальевной, советник при командующем ВВС СРВ генерал-лейтенант Недзелюк Павел Матвеевич с женой Лидой, советник при командующем инженерных войск генерал Бражко Павел Рафаилович с супругой, заместитель по политической части генерал Дорцев Юрий Степанович со своей супругой Геллой Ивановной, мой заместитель генерал-лейтенант Кереев Жансен Киреевич с супругой, доктор подполковник медицинской службы Васильченко с супругой, полковник Жуков Леонид Степанович с супругой, капитан 1-го ранга Любимов А. И. и некоторые другие лица.

Мы стояли с Алевтиной Васильевной у входа и всех встречали. Все нам добродушно улыбались. Но это естественно. Ведь надо порадовать хозяев своим радушием. Да. Совсем забыл. Прибыли главные военные советники из Кампучии и Лаоса товарищ генерал Комаров Олег Алексеевич с Лидией Петровной и генерал Копытин Виктор Захарович, к сожалению без супруги. Прибыл и полковник Момотков Александр Львович. Пришли все, кто мог прийти, а это уже хорошо.

Вечер вести я поручил Керееву Женсену Кереевичу. Да! Только он может это делать, если вложит душу. Начались выступления для тостов. Первым говорил Женсен Кереев. Он говорил очень хорошо, я имею в виду Женсена, но главным образом о поступивших поздравлениях. В ходе его выступления он зачитал приветственный адрес МО СССР Д. Ф. Устинова, а затем предоставил слово послу МНР в СРВ товарищу Равдангийн Гунсэну, который объявил памятный адрес Юмжангийн Цеденбала по случаю моего шестидесятилетия и передал сувенир. Это было великолепно. Это сразу создало атмосферу особого настроения у меня и у всех присутствующих. Честно говоря, тронут этим великим, простым, твердым и внимательным,

незаурядным деятелем международного коммунистического и рабочего движения генеральным секретарем ЦК МНРП, председателем Великого Народного Хурала МНР, маршала ЦК МНР товарища Цеденбала. Затем продолжались объявления приветствий от министров ВНР, ЧНА, НАЛ, Вьетнамской Народной Армии, от руководства Советской Армии, войск ДВ, от друзей и близких. Затем слово было предоставлено товарищу генералу армии Тю Тюи Ману. Он говорил очень хорошо, подчеркнул, что за короткое время я завоевал своей скромностью и деятельностью уважение и признательность вьетнамских друзей. Затем выступил товарищ Чаплин Борис Николаевич, а затем все остальные. Через два часа сделали перерыв, но никто не ушел. Все остались. Это уже хорошо. Это говорило о том, что всем нравится. Еще два часа, еще выступления. Особо емко и глубоко выступили генералы Филоненко, Недзелюк, Бражко. Да им проще. Они меня хорошо знают, а поэтому им легко говорить.

После второго перерыва послы стали расходиться. Ушли и вьетнамские товарищи. Мы их тепло проводили. Все посольские и наши остались. Вот тогда и началось настоящее веселье. Начали еще выступать, петь, рассказать стихи. Выступило 100% присутствующих на вечере. Никто не заметил, что уже час ночи. Я и сам не заметил, как сбежало время. Мое выступление было хотя просторным, но емким и душевным. Понравилось оно и Алевтине Васильевне. Она тоже выступила и выступила хорошо. Спасибо тебе, Алевтина Васильевна. Вечер очень удался. Это хорошо. Мы довольны. Ура! Ура! Ура! Экономсоветник Сергеев А.А. подарил мне в день 60-летия стихи:

Земле (
планете)

было нужно,

Чтоб в этот день в весенний март

Мадонна Кривда в муках тяжких родила сына

И в отважных с тех пор пошел Федот

В путь дальний и тернистый, смертельный, сложный.

Но вынес он лишения все, невзгоды

И вот перед нами в полной красоте,

Добытой трудными и ратными делами,

Предстал Федот Филипыч

генерал,

Увенчан славой, орденами!

Доверие ему большое

крепить войска друзей

Вдали от Родины своей,

Чтоб крепче мир стал на планете, где он уж вот как

шестьдесят

Подал свой первый голос полководца.

Желаю Вам, Федот Филиппович, здоровья богатырского,

Успехов творческих, крепящих мир и постоянного прилива сил,

Дающих жить, работать, думать и творить,
любить и быть любимым!

Я небольшой знаток поэзии, но самое главное в этих стихах вложена душа. Спасибо А. А. Сергееву за его стихи. Читатель может сказать: И кому нужен твой юбилей, что ты так подробно его описал". Да, он конечно будет прав, но каждый человек немножко эгоистичен и я тоже. Пусть меня простит читатель.

А сейчас надо готовиться к поездке в Кампучию. Она и так уже затянулась. Надо давать ответы на вопросы МО СССР и НГШ ВС СССР, а ясности нет. Ее можно получить только в Кампучии. Но надо вначале проводить Алевтину Васильевну с моей внучкой Алечкой. Они потихоньку готовятся к отъезду. Особенно в восторге Алечка. Ведь она едет домой к сестренкам и родным. Сколько радости и счастья. Ее можно понять. Ведь там ей куда лучше, хотя очень тяжело Маринке. Мы тревожились. Как она будет себя вести? Как ее примет Славочка. Ведь Славочка немножко эгоистична, хотя очень серьезная девочка. Посмотрим, но на душе очень спокойно.

Возвратился в Ханой министр обороны Ван Тиен Зунг. Надо узнать результаты, но неудобно напрашиваться сразу на встречу. Он сам пожелал встретиться и проинформировал меня по результатам военно-научной конференции с участием Ле Зуана и Ле Дык Тхо. Надо было доложить МО СРВ и ряд вопросов, возникших за последнее время. Встреча была назначена на 8.00 17 марта 1983 года. Она и произошла в установленное время.

Встретились, тепло поздоровались. Он начал разговор с извинения за то, что не смог присутствовать на дне рождения. Я сказал, что это не имеет принципиального значения, что Вы были заняты и не могли поступить иначе. Думаю, что я сумел его убедить в правильной оценке его положения. Затем он проинформировал меня по ходу совещания. Все хорошо. Меня очень обрадовало, что наша цифра 140 принята, что в ходе совещания наметилось сближение нашей и вьетнамской доктрины. Трудились не напрасно. Видимо мои выступления дошли до ЦК КПВ и многих руководящих товарищей. Это замечательно, но надо иметь в виду тенденцию к возврату в определенных условиях, тем более что сторонников старых взглядов больше, чем новых. В этом вся беда и вся трудность моего положения. В целом все хорошо. Я доволен. Думаю, что это

будет правильно воспринято и нашим руководством.

С утра 19 марта поехали провожать Алевтину Васильевну и внучку. Надо было быть на аэродроме в 8.00 утра. К счастью мост был относительно свободен и мы благополучно его преодолели. Приехали своевременно. Решили подождать на верху, где имеются комнаты для гостей. Посидели, поговорили и вскоре пошли на посадку. Самолет заканчивали загружать вещами и попутными грузами в багажники. Пассажиры в основном уже сидели на своих местах, а поэтому мы посадили Алевтину Васильевну и Алечку сразу по прибытию к самолету. Они уселись и вскоре появились их лица в иллюминаторах. Я поговорил с командиром корабля, узнав от него, что этот ИЛ-72 совершенно новый, только два месяца находится в эксплуатации - 86531. Я пошутил с командиром корабля в отношении грузоподъемности корабля, обратив внимание, что вес вьетнамских товарищей на 2/5 меньше советских, а поэтому у них нет перегруза. Поговорили о системе посадки на аэродроме Ной-Бай. Никак два ведомства не могут договориться между собой на счет объединений средств посадки в одних руках, удивительно, но это так. Все же мы не теряем надежду это сделать в ближайшее время. Генерал-лейтенант П. М. Недзелюк и генерал-майор Герасимов над этими вопросами работают. Пока мы рассуждали, все загрузили и командир корабля поднялся на борт. Я пожелал ему счастливого пути и мягких посадок.

Проводив самолет, мы заехали к себе в дом, немного побыли дома и я уехал на работу, хотя это была суббота. Надо было бы еще многое сделать.

Во вторник в 10 часов утра улетели в Кампучию. На борту, кроме меня, Сергей Макеев - переводчик-референт, Владимир Рейнгольдович Пин, полковник Алексей Егорович Бондарев - мой помощник, полковник О. В. Галваньш специалист по Кампучии, полковник Чан До от ГШ ВНА.

Летели, читали, разговаривали. Все время думал о встрече с командующими войсками в Кампучии Ле Дык Ань. Как все сложится, какова будет откровенность в разговоре, как нам удастся все решить. Эти вопросы беспокоили меня. Я понимал, что и вьетнамской стороне будет нелегко отвечать на мои вопросы. Во всяком случае я твердо решил не допускать недоброжелательности. Это ни к чему.

Когда самолет выруливал на площадку перед аэропортом я увидел, что нас встречают начальник Генерального штаба Народной Революционной Армии Кампучии Сой Кэо, командующий войсками в Кампучии генерал-полковник Ле Дык Ань, его заместители генералы Май Суан Тан, полковник Хоан

Хоа, советник при Кампучийской Армии генерал-майор В. З. Копытин, Советский посол в Кампучии О. В. Басторин и другие. У всех были улыбки на лице и меня это обрадовало. Некоторые могут сказать, что они всегда улыбаются. Это неправда. Они умеют и улыбаться, но умеют быть и жесткими.

После теплой встречи обсудили программу работы на следующий день. Так было удобнее и для меня и для них. Надо было посоветоваться с генералом Виктором Захаровичем Копытиным, обменяться мнениями, найти правильный подход к решению, а их, к сожалению, было много. С аэродрома мы поехали в резиденцию Виктора Захаровича Копытина. Расположились в особняке, немного привели себя в порядок и пошли на обед. После обеда сели в комнате гостиницы и обменялись мнениями. Затем обсудили план на последующие дни, чтобы сообщить его нашим друзьям и найти место для встреч с товарищем Ле Дык Ань, Буй Фунгом, Сой Кэо, послом СССР в НРК Олегом Владимировичем Басториным и другими лицами. Вечером на ужин пригласил меня Виктор Захарович Копытин. Они у нас были, и я уже знал его хорошую подругу жизни Галину Дмитриевну. Они встретили радушно. Пригласили меня к столу, на котором стояли пельмени, арбузы и даже что-то похожее на дыню, но не совсем дыня. Дынь в этих краях нет, а вот арбузов много и даже неплохих. Вообще надо сказать, что эти края богаты фруктами, овощами, но не так, как наши русские края. Такого многообразия фруктов, овощей как у нас нигде нет, да и по своим качествам они не только не уступают южным, выгоревшим на солнцепеке, но и значительно превосходят их. Это можно понять только после пребывания здесь, когда ты все испытываешь: и эти бананы, и эта папайя, и эти ананасы - все это хорошо, но наше яблоко, слива, груша, черешня, вишня, сотни наименований лесных ягод, наша дыня, арбуз, наша картошка, ох эта картошка, на три порядка стоят выше этим всем причудам юга. Да и сама природа. Посмотришь красиво - пальмы, огромные деревья, цветущие различными оттенками цветов - все это красиво, но нет той нежности, того удивительного ковра, на который тебе хочется лечь, почувствовать запах всеисильной земли, понежиться на густой, пахучей, теплой и мягкой как перина траве, ощутить ее запах, насладиться ее нежностью и изумительной красотой. Или походить по этому ковру, пособирать цветы, найти в этом ковре землянику или белый гриб, посмотреть как заботливо работают пчелы, обхаживая каждый цветок, да и сотни других мелких насекомых, без усталости работающих вокруг цветов. Это неповторимо. Видимо только средняя полоса России так богата дарами природы и так сильно

действует на твоё воображение. Разумеется, что житель юга, средней Азии, Сибири, севера, Кавказа может обидеться, сказать, что я не совсем прав, что природа везде красива. Не буду с ними спорить. Каждому нравится та местность, та природа, которая его окружила с самого детства. Мне тоже нравится южная часть Украины, её раздолье, тёплый климат, обилие фруктов и т. п. Мне нравится первая половина лета и осень на Украине. Особенно безбрежная степь в мае - начале июня, когда посевы пшеницы, ржи, ячменя ещё не приобрели жёлтый цвет, а по-настоящему зелёны. Вот тогда и кажется тебе, что ты среди океана, только не голубого, а зелёного. Много и других прелестей природы в этой полосе. Но вот однажды я разговорился со своим другом. Он родом с Нижней Волги. Он с азартом рассказывал о поездке на Родину, т. е. в свои родные места. "Знаешь, Федор. Удивительно. Выйдешь в степь, а кругом полынь и полынь, и так она пахнет, так ты её чувствуешь, как в детстве и она тебе мила и близка, как родная мать". Я в душе улыбнулся, чтобы не смутить друга, а затем подумал, что он прав. Ведь для человека в понятие любви к Родине включено, прежде всего, то место, где ты родился, жил, воспитывался, откуда ты пошел дальше в жизнь и чем у тебя сильнее чувство привязанности, где твой пуп, как говорится, зарыт, там ты ценнее для Родины в большом плане. Если человек, по моему убеждению, не любит то место, где он родился, не дорожит им, его не тянет туда он неполноценный человек. Этот человек просто не может быть большим патриотом или вообще патриотом своей Родины. Любовь к Родине начинается с твоей хаты, с вишни, растущей под хатой, с того ручья, который бежит среди лозы на краю твоего огорода, с той детской любви к своим друзьям, к своей школе, учителям, одноклассникам и т. п. Да! Именно здесь зарождается великое чувство Родины, великая любовь к ней. Но что это я уклонился от сути событий этих дней?

Закончив ужин, мы с Виктором Захаровичем согласовали все вопросы и разошлись. Надо было отдохнуть, да и ещё раз все взвесить перед завтрашней встречей, назначенной на 8 часов утра. Нам к этому времени не привыкать. Мы ежедневно начинаем свой трудовой день в 8 часов утра и заканчивает в 7-8 часов вечера. Таков у нас ритм работы.

Утром 23 марта мы были в особняке, где намечалась встреча. Нас встретил Ле Дык Ань, Хоан Хоа и Май Суан Тан. После встречи пошли в зал для переговоров. Поприветствовав меня, генерал-полковник Ле Дык Ань сделал паузу, давая мне возможность начать разговор, но я попросил первым высказаться Ле Дык Ань. Ле Дык Ань воспринял это предложение доброжелательно. Он говорил о военно-политической

обстановке, о ее сложности вообще и в данном регионе в особенности, о напряженном положении на границе с Таиландом и внутри Кампучии, о принимаемых мерах, о необходимости замены на границе войск ВНА войсками НРАК, о выводе части войск в район Хошемина, а в связи с этим о необходимости ускоренного строительства НРАК и о тех планах, которые уже приняты на заседании Политбюро НРПК. Хотя прямо об этом он не говорил, но давал понять, что этот вопрос уже решен. Затем взял слово Май Суан Тан. Он начал ссылаться на то, что эти планы были согласованы со мной, чему я крайне удивился. Как можно было на меня ссылаться, если мною было сказано еще в январе 1983 г. о недопустимости подобных формирований, так как они не обеспечены соответствующими материальными ресурсами, да и надо прежде всего выполнить текущий пятилетний план. Я был возмущен поведением Май Суан Тана. Хорошо, что у меня были веские, я бы сказал неопровержимые доказательства моей позиции в январе 1983 года.

В плане по закрытию границы и усилению борьбы с контрреволюцией внутри страны (речь идет о Кампучии) было сказано, что надо выполнить пятилетний план. У моего переводчика Сергея Макеева была тетрадь с записью беседы с Май Суан Таном в январе, где было прямо сказано, что создавать дополнительные формирования в этой пятилетке нецелесообразно, они не обеспечены вооружением и техникой. Что надо выполнить существующий пятилетний план. Так однозначно было сказано ему на встрече. Как он мог извратить все, преподнести в другом плане мне было непонятно. Я понял только одно, что с ним надо ухо держать востро, не допускать малейшей возможности истолковать что-либо в свою пользу, так как ему хочется. Здесь не просто принцип, нет. Речь идет о том, что наша позиция, будучи разумной и обоснованной, должна правильно, без извращения пониматься. Выслушав до конца товарища Май Суан Тана, я достал пояснительную записку к указанному выше плану и зачитал то место, в котором все было сказано по этому вопросу. В дополнение Сергей Макеев - переводчик зачитал запись беседы, а товарищ Чан До к великой его чести, наш сопровождающий от ГШ, подтвердил правильность записи, так как он тогда присутствовал на этой встрече. Мне было как-то неприятно, как-то не по себе. Хорошо, что эти документы были рядом и я тут же парировал. Ведь В. З. Копытин мог подумать, что я действительно дал согласие на эти формирования, а сейчас его обвиняют в незнании обстановки. Хорошо, что все стало на свое место. На этом мы закончили встречу в первой половине дня. Решили продолжить ее после

обеда. Надо было собраться с мыслями, дать ответ на поставленные вопросы. Обедали без всякого желания. Кушать совсем не хотелось. Жара, рой мух отбивали аппетит, но есть еще долг приличия. К сожалению, он меня преследует всю жизнь. Да! Именно преследует. Мне тяжело жить. Вот этот пример. Возмутиться, бросить все, уйти и этим самым выразить свое неудовлетворение. Но!! А как подумают наши друзья? Как они воспримут все это? Ох! Как это тяжело, но как это надо! - терпеть и улыбаться. Пожалуй я нашел хорошую формулу и именно в данную минуту - терпеть и улыбаться.

После обмена мнениями с советскими товарищами мы решили заявить вьетнамской стороне - нет нашего согласия на столь большие планы дополнительных формирований, они неоправданы, необеспечены, а поэтому не реальны. Мы найдем оптимальный вариант и дадим свой ответ. Так и было сделано после обеда, во время второй встречи с Ле Дык Анем. Он, по моему, правильно понял и правильно отреагировал на мои выводы. Обе стороны остались удовлетворены, хотя меня продолжала возмущать позиция Май Суан Тана.

Вечером состоялся ужин у товарища Ле Дык Аня. Опять обилие блюд, опять полная чаша. Что они демонстрируют - удивительно. Сами полуголодны, но приемы закатывают на уровне императорских. Неужели они думают, что мы не понимаем их трудностей, не входим в их положение? Нам, может быть, было бы приятнее употреблять за столом самую простую, самую скромную пищу. Неужели наши вьетнамские друзья не понимают, что мы не капиталисты, не помещики, не дельцы, а самые обыкновенные, как и они, люди. Мы все поймем, мы все правильно оценим. Не беспокойтесь наши родные друзья. Но не будем об этом говорить и акцентировать внимание. Видимо так считают нужным делать вьетнамские друзья. Ужин был обильным, из 8 блюд. Только подумать - из 8 блюд. Чего только не подавали; и картошку, и капусту, и цыплят, и суп, и креветки, и отбивную, и овощное, и рыбное блюдо, и ананасы, и блинчики по сайгонски, и компот, и фрукты и еще кое- что. Надо же все это предусмотреть, все это приготовить. Но бог с Вами - нашими друзьями. Если Вы считаете, что у Вас больше возможностей и поэтому можно соревноваться соревнуйтесь. Но мы, советские, считаем эти соревнования ни к чему, совершенно излишним. За ужином мы произнесли тосты - тост Ле Дык Аня и мой. Оба были восприняты доброжелательно.

С утра встретились с НГШ товарищем Сой Кэо. Он проинформировал меня по внутривнутриполитической обстановке, о состоянии формирования соединений и частей НРАК. Я не стал

задавать трудные вопросы. Спросил об экономическом положении в стране, о количестве риса на душу населения в текущем году. Он доложил, что около 300 грамм риса на день на человека. Это примерно тоже самое, что и у вьетнамцев. Поговорили о предстоящем праздновании 5-й годовщины освобождения страны от полпотовского режима. Они придают ему большое значение. Показали погоны, которые они хотят ввести в армии к 5-й годовщине. В целом они выглядят нормально, но на генеральской форме уж очень много "петухов". Надо упростить. Говорят, что Бут Хонг получит звание генерал-полковника, а я думаю, что лучше бы генерала армии. Ведь лаотянин и вьетнамец генералы армии, а почему он должен быть генерал-полковник? При случае надо дипломатично подсказать товарищу Хенг Самрину.

После встречи поехали в посольство. Там нас ждал Олег Владимирович Басторин - Чрезвычайный и Полномочный посол СССР и СРВ. Сидели, говорили, обменивались мнениями. Чувствовалось, что ему нужна была наша информация по делам этих стран. В меру дозволенного я выдал эту информацию. После встречи у Басторина вечером давал прием НГШ Соь Кэо. На вечере присутствовали О. В. Басторин, Ле Дык Ань, Хоа, Май Суан Тан и наши товарищи. Мне пришлось произнести тост.

Утром улетели в Ханой. Погода была хорошая и ничто нам не мешало. Должен сказать, что особого настроения не было. Мысли уже работали на доклад обстановки.

Два дня ушло на обобщение материала, посещение МО СРВ и доклад МО СССР. Надо все было взвесить, прежде, чем доложить. Но все обошлось хорошо. Реакция была положительной, а это хорошо. Теперь мы знаем, как нам надо поступать, каких нормативов придерживаться.

В конце марта подвели итоги работы за месяц и определили задачи на апрель.

Сегодня первое апреля. Что нового апрель принесет для нас. От Николая Александровича Зотова все идут распоряжения быстрее представить решение по Кампучии. Вопрос сложный, требуется дополнительный расчет. Этим и занимаются Ж. К. Кереев и генерал Д. А. Царапкин. Они специально 4 дня работали в Кампучии и взяли все необходимые данные. Сейчас можно и ответ дать.

В субботу встретился с Борисом Николаевичем Чаплиным по награждениям. Сколько можно переживать из-за этого. Делаем доброе дело, а превращаем в бог знает что. Неужели нельзя все сделать по-человечески? Просто удивительно. В беседе он пообещал довести до товарища Ле Зуана нашу просьбу о награждении руководства ВНА нашими орденами. Это хорошо.

Это самый лучший способ ускорить дело.

Сейчас можно заняться и подготовкой к сборам. Надо успеть все просмотреть и самому хорошо подготовиться. 8 апреля у меня лекция в высшей академии ВНА. Это моя первая лекция на таком уровне. В лекции по контрнаступательной операции подняты вопросы комплексного огневого поражения и использование подвижных групп в глубине для развития стремительного наступления. Это положение не ново, но оно в ВНА ранее не рассматривалось. Внимательно изучил все схемы. Их готовил товарищ И. Н. Манжури. Он оказался добросовестным и хорошо подготовленным человеком. Вообще я боялся за него, считая его недостаточно подготовленным и собранным, но оказалось, что я ошибся. Чувствуется, что вьетнамская сторона приняла его хорошо. Единственно смущает его внешний вид. Уж больно он неухожен. Возможно повинна в этом молодая жена, на которой он женился после смерти первой жены, которую он очень любил. Ну что ж. Никогда не завидовал тем, у кого молодые жены. Всегда считал их несчастными и думаю, что я не ошибаюсь. Возможно есть в жизни случаи, когда во имя какого-то особого уважения женщина приносит себя в жертву, но это исключение, если оно вообще существует.

Шестого апреля смотрели завод по ремонту РЛС. Новый завод, прекрасно оборудован станками и другими механизмами. Он имеет исключительное значение для поддержания РЛС в исправном состоянии, а это важнейший фактор боевой готовности. Был Начальник Главного технического управления генерал-лейтенант Ле Ван Чи. Обещал принять меры, но на его обещания немного надежд. Самое главное не решен вопрос с электроэнергией. Надо 1800 квт, но хотя бы 1200. Наши тоже молодцы, построили и с плечь долой. Нельзя строить для вьетнамцев не комплексно, хотя они иногда сопротивляются этому. Надо написать генерал-полковнику Сергейчику. Пусть даст 1-2 дизельных электростанции. Это обойдется дешевле, чем простой завод, а самое главное поднимет боеготовность. Да! Надо именно так сделать. Об этом я доложу министру обороны СССР Д. Ф. Устинову и генерал-полковнику товарищу Сергейчику и министру обороны ВНА генералу армии Ван Тиен Зунгу, с которым я встречаюсь завтра. Ему надо доложить по другим вопросам: о поездке на юг, о посещении высшей академии, о поездке на завод по ремонту РЛС и проблеме заводов вообще, о выделении ГСМ на 1984-1985 гг.

Договорились встретиться в 8.00 утра. Как всегда встреча была доброжелательной. Министр обороны внимательно выслушал меня, одобрил мои планы, пообещал по некоторым

вопросам принять соответствующие меры. Что-то не клеится между командующим ЛВО генерал-полковником Дам Кван Чунг, а В. В. Кверин, этот необузданный любитель спиртного. Первоначально, видимо, командующему это нравилось, но разобравшись подробнее, он понял, что это не тот человек, с которым надо сотрудничать. Да! Видимо это так. Но МО СРВ ничего об этом не сказал, хотя наверняка многое знает. Надо будет серьезно поговорить с Кавериным.

Утром улетели в Хошемин. Набралась довольно солидная группа - генерал П. Д. Бражко, генерал Г. К. Филоненко, генерал Д. В. Царапкин, старший прапорщик В. Р. Пинн, старший лейтенант С. Ф. Макеев, да вьетнамские товарищи - Зиеу и охранник. Полет проходил спокойно. Я изучал организацию соединений и частей соседа. Долетели хорошо. Нас встретил командующий седьмым округом генерал-лейтенант Нгуен Ван Чау, его начальник штаба, генеральный консул Хошемина Волков Олег Александрович, командир отряда АН12 и другие. Встречал и товарищ Б. В. Залозный. Б. В. Залозный сразу же заручился моим согласием побывать у него в гостях. Честно говоря, я как-то растерялся от неожиданного приглашения. Но ничего. Все будет хорошо. Мы планировали сразу же начать работу с командующим 7 ВО, но он попросил перенести нашу встречу на воскресенье, а остаток субботы использовать для посещения дворца наций, пагоды и знакомства с городом. Нас это вполне устраивало. Мы поехали в гостиницу округа, расположились, попрощались до воскресенья с командующим и вскоре сели обедать. Пообещав, мы уехали смотреть город, дворец и пагоду. Все было заранее предусмотрено и мы с большим удовлетворением осмотрели эти объекты. Интересно, что пагода была относительно новой постройки, постройки 1917 г. Это прекрасное сооружение сочетало в себе уже новую архитектуру XX в. Оказывается в пагоде имеется место для сосредоточения фотографий особо отличившихся в буддийской вере конечно это ламы и имущие люди. Эти фотографии на маленьких дощечках помещались рядами на специально оборудованные стеллажи. Я впервые узнал, что на земле было и есть всего пять буд. Три буды уже умерли, четвертый буда живет, а пятый придет к гибели мира. Видимо смысл этих утверждений в том, что дескать молитесь за четвертого буду, пусть он побольше живет, а то придет конец света. Эта пагода строилась, как говорят, на средства буддийских монастырей (пагод) не только Вьетнама, но и Японии, Китая и других стран, исповедывающих будизм.

Во дворец мы попали в хорошее время. Почти не было туристов и нам было свободно все посмотреть. Побывали на всех

этажах и даже на вертолетной и танцевальной площадках. Танцевальная площадка была расположена очень интересно. С нее просматривался почти весь город и особенно центральная улица, улица "Освобождения". Я представил всю красоту, которая окружает эту площадку в вечернее и ночное время. Да! Они умели создавать уютные уголки. Пол был из деревянных плиток черного (железного дерева) - отшлифованного до блеска. Небольшая эстрада для оркестра и выступлений артистов. Очень оригинально была продумана вентиляция. Она была почти вся естественной, но очень эффективной. Дворец был построен в новом стиле. Я бы сказал вьетнамского там немного. Простота архитектуры бросалась в глаза всюду. Он производил внушительное впечатление. В зале, где глава государства принимал глав государств других стран, послов, стояли стулья. Стул главы государства несколько выше и с особой резьбой на спинке и на боковинах, для высоких гостей свое оформление стульев, для тех, кто ниже - третье. Сзади главы государства картина. Она из множества картин, изображающих различные стороны жизни государства. Вообще она не произвела на меня впечатления. Говорят, что вьетнамский художник рисовал часть этой картины ногой. В нижнем зале, где проходят большие торжества, поражает своими размерами ковер в 600-800 м2. Экскурсовод рассказал, что для водворения его разбирали простенок, а потом заделывали. В целом ничего особенного. Много залов различного предназначения, своеобразно обставленных мебелью, украшенных картинами и коврами. Ковры используются только на полах. На стенах ковров нет. Кое-где мебель уже приходит в негодность, кое-где плитка ПВХ отстала от цементного пола. Меня даже удивило, что полы покрыты кое-где плиткой ПВХ, как у нас на Т-80 в обычных квартирах, причем не в комнатах, а в коридорах. Затем мы ездили по городу. Ездили долго, часа два. Город, как город, но впечатление он производит более благоприятное, чем Ханой. Более прямые и широкие улицы, больше высотных домов, дома лучше содержатся, больше порядка в уличном движении, чище улицы и площади. Да и город сам больше. Ведь в Хошимине около четырех миллионов, а в Ханое около трех. В Хошимине много особняков, дворцов, больше машин и такси, особенно рикш. Они снуют везде. Все рикши никилированы. Город сам по себе спокойнее. Город украшает река Сайгон. Она очень глубока до 11-12 метров и тихоокеанские корабли свободно доходят до порта Хошимин. Это создает большие удобства для снабжения города. Отсюда идут корабли во все концы мира. Здесь можно встретить корабли любой страны, но главным образом нашей. Порт раньше перерабатывал грузов

до 8 миллионов тонн. К большому сожалению сейчас только 1,5 миллиона тонн. Здесь и пассажирский порт. Он примечателен тем, что имеет музей Хошемина, где сосредоточено много фотодокументов из жизни и деятельности Хошемина в молодые годы и после возвращения из-за границы. Хошемин уходил за границу именно из этого порта на французском судне в 1918 году в качестве повара, а возвратился в страну в 1945 году на север в провинцию Као-Банг. Мы с большим интересом осмотрели музей. Он на нас произвел хорошее впечатление. После музея мы вышли на набережную. В заливе реки купались ребята и взрослые. Река Сайгон чище Красной и это позволяет городским жителям купание в реке, особенно в небольших заливчиках. Когда мы стояли на набережной, нас окружила толпа мальчишек и взрослых. Некоторым хотелось продемонстрировать знание русского языка. Они здоровались, спрашивали, кто мы есть, как попали в Хошимин и т. п. Желали здоровья и успехов. Это особо действовало на наши чувства. Ведь в этом я лично вижу отношение вьетнамского народа к нам, советским. Желание познать русский язык, это желание знать нашу страну, наш народ, желание перенимать культуру, быт и все прочее. Возможно я ошибаюсь, но думаю, что нет. Разве будешь добровольно изучать язык страны и народа, который ты не любишь.

Домой приехали довольными. Немного отдохнули. Вскоре приехал Борис Васильевич и забрал меня к себе. Я попросил его пригласить Ивана Николаевич Музыченко. Он согласился. Жена Бориса Васильевича Эмма - коренная москвичка, разбитная и практичная. В начале мы пили джин самодельный, а затем сели за стол. Вскоре подошел и Иван Николаевич. Разговаривали о многом, в том числе и о делах. Вечер прошел непринужденно, но чувствовалась усталость. Все же целый день на ногах. В 10.30 вечера мы распрощались и я поехал в гостиницу. В гостинице все было спокойно. В номере прохладно и это создало хорошее настроение. На столике были фрукты и папайя, но к сожалению папайю было трудно разрезать. Она какая-то жесткая и тягучая. Считается, что папайя очень полезная для желудка, а мы, военные, многие страдали желудком, а поэтому охотно употребляем то, что советуют. С большим трудом я отделил небольшой кусок папайи и съел. Спалось плохо. Все время ворочался с одного бока на другой. Первый раз проснулся в 2 часа ночи, потом в 4, потом в 6. Уже нужно было идти играть в волейбол, как договорились. Мы выиграли и были довольны.

К 8.00 поехали в штаб округа. Я никогда не был в этом штабе. Здание штаба слева от въезда было приподнято над плоскостью земли, со ступеньками, ведущими к главному входу, над которым

для защиты от дождя и солнца, на ажурных колоннах покоился козырек. Командующий встретил нас у подъезда штаба. Он производил очень своеобразное впечатление. Хотя ему было всего лишь 62 года, он выглядел значительно старше своих лет. Волосы с проседью, морщинистое лицо, небрежная одежда как-то делали его старше своих лет. Даже петлица на одной стороне воротничка была полуоборвана. Он не имел высшего образования, но обладая природным умом, смелостью и организаторскими способностями прекрасно воевал, дошел до начальника штаба фронта, а сейчас возглавляет один из ответственных округов. Ему, этому человеку, никогда не было легко в жизни, он всегда должен был переживать трудности, что и накладывало на его облик определенный отпечаток. Чувствовал он себя не совсем свободно, была заметна скованность, неуверенность, может быть даже боязнь получить замечания от меня по докладу о деятельности округа. Я это понимал и с самого начала принял меры к созданию доброжелательной обстановки. Доклад по просьбе командующего предстоял в течение двух часов, а поэтому я разрешил ему докладывать сидя. Это позволило ему чувствовать себя спокойнее и увереннее. Доклад был весьма обстоятельным и слушался с интересом. Я не перебивал его, а что мне было не совсем ясно, делал пометки в своей тетради. В течение двух с половиной часов материал был изложен. Можно было задать вопросы. Их накопилось много. Я задавал их командующему неторопясь, давая возможность ему сделать соответствующие пометки. Ответы на вопросы заняли еще около 30 минут. После этого я высказал свое мнение по доложенным вопросам и свои рекомендации. Во всем чувствовалось, что командующий доволен созданной обстановкой и уже не чувствовал себя так напряженно.

После завершения нашей работы я преподнес командующему сувенир русский самовар, высказав пожелание, чтобы советско-вьетнамская дружба была такой же горячей, как чай с этого самовара. К обеду мы закончили работу и можно было немного отдохнуть. Вечером нас пригласил Генеральный консул СССР в Хошимине товарищ Олег Александрович Волков. Мы приняли приглашение, хоть нас немного удивило слишком позднее время - 8 часов вечера. Ведь завтра надо было работать, да еще очень напряженно. Но что делать. Коль мы пообещали быть, идти на попятную было неудобно. К 20.00 мы в сопровождении Олега Александровича приехали к нему в резиденцию. Это бывшее здание посольства США, с бункерами, искусно встроенными в забор и в углы здания. Хозяин подробно все рассказывал об этом здании, его преимуществах и недостатках, а затем мы обошли все здание, чтобы хорошо его представить. Хозяин подробно все

рассказывал об этом здании, его преимуществах и недостатках, а затем мы обошли все здание, чтобы хорошо его представить. Хозяин подчеркнул, что на праздники бывают приемы и в зале вмещаются до 300 человек. Я подумал, что если 5 консулов, существующих во Вьетнаме, будут приглашать по 300 человек, это уже 1500 человек, а если на каждого приглашенного потратить не менее 10 рублей, то получается весьма солидная сумма - 15 000 рублей, а если приемов 4-5 в году, то это уже до 50-60 тысяч рублей. Но это только по линии консулов, а если взять другие представительства, то это выльется в сумму где-то в 150-200 тысяч рублей. Немного ли мы отпускаем на эти нужды, на нужды рюмочной дипломатии. Но я ничего не сказал, хотя подумал о том, что наши дела в области экономического сотрудничества идут плохо. В том же Хошемине судоремонтный завод ранее ремонтировал 120 судов, а сейчас 40. Где же тут логика. Социализм - это не дерево с готовыми пирогами. Это общество, которое требует большой энергии, и энтузиазма, трудового порыва для создания экономической основы. Само по себе все это не придет. Мы это хорошо знаем и по своей стране, по своему опыту. Или, например, работа порта. При сайгонском режиме он перерабатывал до 8 миллионов тонн груза, а сейчас 1,5 миллиона тонн. Ведь ничего не изменилось, а результаты другие. Разве это дело. Куда же мы смотрим и наши друзья. Так можно скомпрометировать социализм, чего и хотят враги социализма, а их, к сожалению, здесь достаточно. Но все это я держал при себе. Неудобно, появившись первый раз в гостях у человека, начинать дискуссию по этому вопросу. Ведь он поймет, что я имею ввиду и деятельность коллектива генконсульства.

Вот такие дела. Сели за стол где-то в 9.00 вечера. Уж слишком поздно. Немного посидели, покушали и в 22.30 разошлись. Надо сказать, что хозяйка дома - Невела была весьма любезна. Она внимательно ухаживала за гостями, стараясь произвести хорошее впечатление.

С утра 11 апреля поехали в Вун Тау - будущий центр нефтяной промышленности. Ехать надо было около 2,5 часов, но дорога хорошая. Мы решили по пути посмотреть плантации гевеи - каучукового дерева. Я думал, что это типа кустов, а это настоящие лиственные деревья. Мы остановились у плантации, которая подходила к дороге, вернее была расположена у самой дороги. Оказывается на стволах деревьев с несколько беловатой корой прорезаны винтообразные бороздки, по которым непрерывно сочится сок гивеи и капает в плошки (типа тарелок), выставленных у каждого дерева. Содержимое тарелок - это настоящий каучук. Когда мы взяли кусок затвердевшего сока

гевей и пытались его разорвать, это нам не удалось. Он растягивался до метра в длину, образуя почти прозрачную (немного с желтоватым оттенком) пленку. Мне стало понятно насколько она прочна, эластична и ценная для промышленных нужд. Сейчас я, наконец, знаю, что такое гевея. Мы помогаем вьетнамской стороне закладывать огромные плантации гевей, создавая совместные предприятия по ее выращиванию, разумеется, что отдача будет не сразу, но обязательно будет и очень важная. Встанет, естественно, вопрос сбора обработки и транспортировки гевей, собственно говоря не гевей, а почти готового каучука. Кто будет учитывать сколько собрано, обработано, доставлено и т. п. Все это потребует тщательной организации. Можно вырастить рощи и ничего не получать, все будет уходить в неизвестность. Возможно я неправ. Надо подумать.

В Вун Тау приехали к половине десятого. Уже изрядно пекло солнце и было душно. Мы имели час времени и решили покупаться. Море здесь чистое, а мелководье тянется на сотни метров от берега. Можно свободно пройти 150-200 метров, особенно в период отлива. В период отлива обстановка резко меняется. Начинают накатываться волны, после чего тебя несет куда-то в море. Возможно это только такое ощущение, но в районе Дананга двое советских специалистов утонуло, попав в период отлива. Мы далеко не заходили, купались на небольшой глубине, в основном, в гребнях волн, которые беспрерывно накатывались на мелкую часть морского берега. вода была слегка прохладной и это вызывало чувство огромного удовольствия. Но надо было уже заканчивать. Мы решили воспользоваться душевыми, которые нам приглянулись, когда мы проходили мимо довольно приличного здания, служившего местом отдыха, в том числе и местом, где можно смыть соль. Душевые оказались в нерабочем состоянии. Тогда нам предложили доставать воду из колодца и из ведер окатываться водой. Так мы и сделали, хотя это было не совсем удобно. Закончив купанье, мы поехали в епархию Мамедова нашего главного нефтяника. Нас очень дружелюбно встретили, предложили чай, бананы и начался разговор по существу. Я попросил рассказать все про Вун Тау. Он так и поступил. В течение 30-40 минут он изложил всю суть вопроса. Коснулись мы и вопроса охраны будущих нефтепромыслов. Ведь они будут в 120 км от берега. Могут быть диверсии и все, что угодно. Американцы и другие страны могут пойти на все, чтобы скомпрометировать СССР. К большому сожалению никто всерьез об этом не думает. Все надеются друг на друга вьетнамские друзья на нас, а мы на них. Затем мы поехали на пристань, где

уже было готово до 400 метров причала, громоздились большие краны и готовые огромные конструкции из труб. Для установления этих конструкций необходимы краны по 1500-2000 тонн грузоподъемности. Их заказали в Финляндии, но когда американцы узнали, они лишили финскую фирму комплектующих элементов и сорвали изготовление кранов. Сейчас заказали в Сингапуре, хотя единственный 1500 тонн у нас в СССР на Балтике решили пригнать в Вун Тау. Вот такие дела. Правда русский человек изобретателен и я чувствую, что наши нефтяники решили обойтись кранами меньшей грузоподъемности. Конечно это риск, но что делать. Все увиденное на меня произвело впечатление. Затем нам предложил Генконсул в Вун Тау товарищ Фирсов Анатолий Васильевич посмотреть пагоду с лежащим будой. Говорят, что это единственная пагода с лежащим будой. Мы поехали по набережной. Дорога была полуразрушена. Чувствовалось, что ее давно не ремонтировали. Вскоре мы приехали к месту, откуда начинался по лестнице подъем к пагоде. К счастью он был небольшим. Мы осмотрели внимательно храм. Он производил хорошее впечатление. Конечно это памятник культуры. На третьем ярусе мы увидели огромный колокол, а рядом с ним в горизонтальном положении висела деревянная колотушка. Весь колокол был залеплен кусками бумаги с надписями. Оказывается стоит тебе написать на бумаге свое желание, приклеить ее к колодцу и ударить колотушкой по нему и твое желание будет исполнено. Бумажки были на всех языках мира, в том числе немало и на русском языке. Мы посмотрели лежащего буды и начала спускаться вниз. Машины нас ждали и мы вскоре уехали обедать в ресторан, где он был заказан. Должен заметить, что гостиница и ресторан были сооружены с большим вкусом. Угощали нас, в основном, дарами моря. Приготовлено было вкусно и мои спутники с большим аппетитом ели.

Нам предстояло посмотреть полигон, побывать в 700 школе танкистов и во втором общевоинском училище. Мы торопились в обратный путь. Полигон лежал, примерно, на половине пути от Вун Тау до Хошемина. Участок местности, характерный для юга СРВ, шириной примерно в 6 км и длиной в 7 км, заканчивался высотами, что позволяло проводить учения с боевой стрельбой до полка включительно. Это было великолепно. Здесь во Вьетнаме не так просто найти место под полигон. На полигоне уже было оборудовано три направления для стрельбы штатными снарядами из танков. Это конечно мало. Надо хотя бы на 6 танков. Думаю, что такая возможность имеется. Затем мы заехали в танковую школу No700. Докладывал начальник школы. Ничего

вразумительного он не высказал, кроме кучи вопросов по состоянию техники и другим вопросам. Половина техники была неисправной в результате плохой эксплуатации и обслуживания. Я решил посмотреть парк школы. Это предложение было воспринято без энтузиазма, да и понятно. Как потом выяснилось это был не парк, а свалка неисправной техники. Даже заправка танков осуществлялась из бочек, открытым способом. Никакой технологической линии и в помине не было. Возможности ремонтировать танки не было. Даже забор отсутствовал. Посмотрев на всю эту картину, я вспомнил генерала Турчина и подумал, как он мог довести до такого состояния школу. Ведь их в СРВ всего две и они готовят всех младших специалистов. Какое было мое приятное удивление, когда во втором пехотном училище я нашел порядок, близкий к порядку советских частей. Это, пожалуй, лучшее из того, что я видел за все посещения. Видимо полковник Самойлов - мой старый сослуживец по Алма-Ате, хорошо усвоил наши требования и сумел помочь начальнику училища навести настоящий порядок. Начальник училища не молодой, с сединой, бывший начальник штаба корпуса, видать тоже хороший солдат и хозяин. Они мне оба очень понравились. Мы поужинали и двинулись на Хошемин. Меня ожидало еще приглашение коллектива Ивана Андреевича Муzychука.

В Хошемине были к 20.00. Не заезжая в гостиницу, поехали в расположение Ивана Андреевича. Там уже были все в сборе. Мы пару часов посидели, поговорили, обменялись мнениями и я поехал в гостиницу. Все было хорошо. Оставалось посетить инженерное училище. Мой Павел Рафаилович Бражко составил такую плотную программу, что надо было истратить целый день. Так и получилось - встреча почетным караулом, митинг, прохождение торжественным маршем, осмотр учебно-материальной базы, казарм, осмотр строящегося комплекса паркового, учебного и жилого, выступление перед офицерским составом. Вместе с нами находились секретарь партийного комитета провинции и председатель местного народного комитета. Вместе с нами был генеральный консул Хошемина Волков Олег Александрович. После напряженного дня мы помылись в бане. Вот и вся программа. Она была очень насыщенной и интересной. Я остался доволен своим выступлением перед офицерским составом. Мне удалось донести до них многое задуманное. Довести не формально, а с душой, с сердцем.

С утра полет в девятый округ. Лететь всего лишь 35 минут. С нами решили полететь дочь Командующего седьмым округом Мая и невеста сына Командующего девятым округом. Все шло хорошо,

но вскоре невеста командующего 9 ВО почувствовала себя плохо. Сидящему рядом генералу Д. Г. Царапкину пришлось поработать веером, обдувая заболевшую. Видимо ему эта работа понравилась, т. к. он это делал с усердием. Но вскоре самолет пошел на снижение. Мы сделали два круга и благополучно приземлились. Дело в том, что аэродром был не действующий и рядом с полосой могли спокойно пастись буйволы. Поэтому надо было все хорошо посмотреть. Нас встретил Командующий и Начальник штаба округа. Времени было мало. Мы после заслушивания должны были ехать своим ходом в обратный путь, посмотреть по пути змеепитомник, о котором так много нам рассказывали.

В течение четырех часов мы заслушали командующего, выяснили целый ряд вопросов. Должен отметить, что доклад командующего был всесторонним, объективным и откровенным. Я не сомневался, что товарищ Ван Тиен Зунг дал эти команды, что и способствовало нашему откровенному разговору. В заключение я поблагодарил командующего за хороший доклад, высказал ряд предложений и пожеланий. Все было хорошо. Мы пошли отдыхать в гостиницу. Там уже был накрыт стол. Мы пообедали, обменялись сувенирами и двинулись в обратный путь. Нам предстояло пересечь два русла реки Меконг, одно примерно 2 км шириной, а другое около 1200 м. На этих руслах работали паромы. Хорошо, что паромы были заранее заказаны и мы без задержки грузились и преодолевали препятствия. На движение паромов уходило примерно 20-25 минут. Наконец мы все преодолели и вышли на прямую. В машине было прохладно. Местность в этом районе интересная да и селения более благоустроены. Это все создавало хорошее настроение. Вскоре мы повернули направо по проселочной дороге и оказались у небольшого здания. Это и было основное здание питомника. Нас усадили за стол и угостили лимонадом со льдом. В это время нам рассказывали о питомнике. Оказывается его создали военные инженеры-энтузиасты. Сейчас это большое хозяйство, приносящее 5 миллионов донгов прибыли. Здесь выращивают змей всех пород - кобра, пятиминутка, удавов, простых змей, черепах, кроликов, кур и прочую живность для кормления змей. Говорили, что удав съел два дня назад два поросенка по 10 кг весом, а кобра запросто проглатывает петуха. Самое интересное то, что эти змеи пожирают друг друга. Достаточно бросить змею на 20-30 дней появившуюся на свет позже, как она будет проглочена. Только не жрут тех, которые появились в один день и по возрасту не старше их. Специально кормят змеями, которых выращивают отдельно для питания кобр. Кобра дает до 40 миллиграмм яда 4 раза в

месяц и собирают его просто на тарелку. Кобра пытается ужалить тарелку и в это время спускает яд. Для каждой кобры сделан бетонный круглый домик, который сверху накрывается бетонной крышкой. Вот там она и отдыхает, пока ее не выпустят. Когда солдаты открывают крышки, голова кобры на 70-80 см поднимается и она готова к прыжку, не зная кто ее кормит, только шипит. Солдат стоит в огромном напряжении. Один из них говорил, что его уже трижды кусала змея, но у них есть средство и его вылечили. Осмотрев вольеры, нас повели на территорию, выгороженную большим бетонным забором, показать как змей выращивают на свободе. У меня никакого желания смотреть на свободных ползучих не было, но меня все же уговорили зайти на территорию. Вдоль забора через каждые 50-60 см были бетонные колодцы с крышками, а к ровику выходило отверстие, вот в эти отверстия и выползают змеи, когда им захочется прогуляться. Нам начали открывать крышки и показывать клубки змей, вернее не клубки, а как пожарный шланг скатанные ползучие гады. Отвратительное зрелище. А вот вьетнамцы считают змеиное мясо деликатесом. Оно стоит по 100 донгов кг. Этот заповедник сдает в год 8 тонн змеиного мяса. Вы можете себе представить сколько их в этом хозяйстве.

Уже солнце садилось, а ехать далеко и мы закончили осмотр. До Хошемина оставалось км 60 т. е. час езды. Приехали благополучно. Можно было отдохнуть. Вечером давал ужин командующий седьмым округом Нгуен Вань Чэо. Перед ужином он вручил нам слонов. Сейчас у меня целых 7, т. к. я шесть купил для подарков. Затем сели за стол. Долго говорил Нгуен Вань Чэо о делах округа. Затем я с тостом обратился к присутствующим, а затем Волков Олег Александрович. На этом ужин был закончен и мы расстались. Завтра утром мое выступление перед летчиками отряда АН-12, а затем отлет на Ханой. Отдыхал плохо. Что-то бесконечно ворочался. Но кое-как до утра дотянул.

Утром проснулись рано, сыграли две партии в волейбол, быстро позавтракали и я уехал в сопровождении товарища Волкова на аэродром, вернее в гостиницу на аэродроме, где живут наши летчики. Меня встретил командир отряда майор Коор и замполит. Я выступил перед летчиками в течение 40 минут. Слушали внимательно. Затем выступил О. А. Волков. Мы оба говорили о скорой замене отряда.

Утром взлетели на Ханой. Погода была хорошая. Я сидел возле окна и читал книгу. Прилетели в 11.30. После обеда работал над подготовкой к сборам.

Рассмотрел документы по КШВИ. Они были разработаны вполне сносно. Вечером позвонил Свет Саввичу Турунову и

доложил ему о поездке на юг. Он заинтересовался докладом и порекомендовал мне написать шифровку Д. Ф. Устинову. Я не собирался информировать на таком уровне, но потом убедился, что зря. Шифровка получилась очень обстоятельной и интересной. Она освещала положение на Юге СРВ и в ней были высказаны мои предложения.

16 апреля состоялась встреча с министром обороны Ван Тиен Зунгом. Доложил ему о поездке в 7 и 9 военные округа. Ему было интересно все послушать. В течение трех часов мы закончили встречу. Она была откровенной и полезной. Он сообщил мне о решении правительства сократить численность ВНА. По его заявлению сокращение будет примерно на одну треть. Он не распространялся какие соединения и части будут сокращаться. Я понял, что они еще не решили и не стал спрашивать.

Сегодня 18 апреля начались сборы руководящего состава аппарата, которые займут эту неделю. Мой Женсен Кереев после лекции решил полностью освободиться от сборов. Я не возражал. Пусть готовится к отпуску. Два дня сидели на лекциях, три дня воевали на картах по реальным данным по обстановке на севере. После действий вьетнамских товарищей в Кампучии, китайцы решили проучить вьетнамцев на севере, но массированного артиллерийского и минометного и минометного огня не было. Правда ударили по рынку в одном уездном городке и убили и ранили 17 человек. Это очередное варварство.

В субботу подведение итогов сбора и постановка задач на май месяц. Все прошло хорошо. Разбор прозвучал убедительно и с достаточной критикой недостатков. Некоторым попало, но все это объяснимо. Ведь штабов нет, одни командиры, а спрос большой. От сбора польза хорошая. Думаю, что так надо проводить их и в будущем.

В воскресенье решил отдохнуть, но ничего не получилось. Начал подготовку к встрече с генеральным секретарем ЦК КПВ товарищем Ле Зуаном. Он собирается в мае ехать в Москву на совещание генеральных секретарей КП стран социализма по некоторым вопросам. Прежде всего надо доложить ему о положении с воинской дисциплиной среди офицерских кадров. Офицеры не хотят служить. Да это и понятно. Самая низкооплачиваемая категория людей во Вьетнаме - офицеры. До 30-40% подают рапорта об увольнении из рядов ВС. Это сказывается на дисциплине подчиненных, т. е. солдат и сержантов. Самовольное оставление частей, дезертирство, воровство. В течение года разворовывается до 10% ГСМ, до 15% вещевого имущества и до 10% продовольствия. Воруют и продают враждебным элементам оружие и боеприпасы. Но надо все это

изложить в удобной форме. Видимо начну с совещания в Хошемине. Это яркое свидетельство заботы ЦК КПВ, правительства. Да! Это большая забота о Вооруженных Силах СРВ и она правильно оценивается. Да! Начну с этого, а потом изложу свою озабоченность положением дел с вьетнамской дисциплиной. Так будет лучше.

Во второй половине дня позвонил генерал-полковник Сторч. Сообщил о том, что Женсен Кереев попал в госпиталь Бурденко с церозом печени. Вот уж допилился. Как только можно в таком звании и должности дойти до такого состояния. Говорят, что утром, когда пришли его провожать, он рыгал. Видимо это уже было начало. Ведь он последние дни как говорят очевидцы, не просыхал. Но удивительно, забежав на две минуты ко мне проститься перед отлетом в отпуск, он на аэродроме объявил, что мы с ним выпили по случаю его отъезда. Ничего подобного не было. Когда он зашел ко мне, я находился в трусах и никак не был расположен к такому акту. Это еще раз его характеризует как человека. Ведь умный, может работать, но непорядочный, интригант и пьяница. То и дело сколачивает вокруг себя недовольных. Стоит кого-то поругать, сделать замечание и тут же он в лагере Женсена Кереева. Да! Откуда у людей столько непорядочности. Видимо судьба нас разведет. А жаль. Жаль человека с его способностями, но не с характером и его поведением.

После обеда читал материал по ПВО на опыте Ближнего Востока. Да! Есть над чем задуматься. Надо будет провести совещание с офицерами ПВО и довести до них требования директивы по ПВО. Это очень важно.

Этой ночью поднялся в 3.00 утра. Никак не спится. Хотел заставить себя уснуть, но ничего не получилось. Вспомнил Алевтину Васильевну, московских друзей, В. И. Петрова, затем думал о Женсене Керееве, о его болезни и дальнейшей судьбе. В этом плане она задевает и мои планы на ближайшее будущее - отпуск. Если его больше сюда не пустят, надо подбирать другого, а это потребует значительного времени и все полетит вверх тормашкой. Никакого отпуска в июле не будет, а как жаль, что так может случиться. Да еще могут сказать, что я попустительствовал ему в этом деле. У нас все могут.

Сегодня решил уплотнить рабочий день. В обеденный перерыв вести записи дневника, а вечером постепенно работать над совершенствованием текста первой книги. Другого выхода нет. Опыт показал, что вечернего времени только и хватает прочитать газеты, сведения АПН, да кое-что записать в дневник. Вот и сегодня вспомнил, что в период с 21 по 24.4 имел встречу с

МО СРВ по результатам поездки на юг. Доложил все без прикрас, как мне докладывали и как сам видел. Все принято правильно. В принципе договорились о рассмотрении вопроса по работе заводов. Материал собран, но он не совсем мне нравится. Надо доработать, а такова возможность имеется. Хорошо, что я побывал лично на трех ведущих ремонтных заводах ПВО, ВВС и ВМС, да еще хороший материал собран по Заводу №3 - ПВО. Уже достаточно для яркой иллюстрации и постановки вопросов. Как только все отшлифуем, передадим вьетнамской стороне для перевода и освоения. Они должны знать с чем я буду выступать. Сейчас надо уже заканчивать и ехать в штаб. Надо позвонить в Москву по некоторым вопросам да и поздравить товарищей с наступающими Первомайскими праздниками.

Сегодня отъезд на полигон в 8.00. Брился, умывался, не торопясь. В 8.00 приехал сопровождающие генерал-майор П. Р. Бражко, генерал-майор Г. К. Филоненко, генерал-лейтенант П. М. Недзелюк. Набралось много. Ехали к месту встречи около полутора часов. Там уже ждали нас вьетнамские товарищи, но удивительно, что генерал-лейтенанта Фунг Тхе Тая там не было. Мне показалось все это не совсем нормальным. Но я не придавал этому особого значения и добросовестно осматривал полигон. Было принято решение построить директиву БМП, огневой городок и войсковое стрельбище. Нельзя сказать, что все меня удовлетворяло. Местность сложная, дальности ограничены, земляных работ предстоит очень много.

К 10.00 поехали на полигон 102 мотострелкового полка 308 мотострелковой дивизии. Там мы и нашли товарища Фунг Тхе Тая. Он начал докладывать свое решение, утвержденное МО СРВ. Речь только шла о том, где лучше развивать существующий полигон - справа или слева от небольшого оврага. Мне больше нравилась правая сторона и на этом мы и порешили. Он остался доволен моим согласием. Я не стал бороться за другой участок, который мы смотрели с утра, просто не было смысла за него бороться.

Затем мы поехали в школу подготовки специалистов БМП. Я был там впервые. Мы не преследовали цели проверить школу. У меня не было для этого времени. Мы пообедали, хотя я не очень хотел там обедать. Лучше было пообедать дома.

В 13.00 поехали в Ханой. По пути заехали в штаб узнать нет ли каких-либо новостей. Оказалось, что все нормально. Решили поехать домой переодеться и немного отдохнуть. Так и сделали. К 16.00 поехали в штаб. Посмотрел шифровки, подписал три шифровки, выслушал П. М. Недзелюка и генерала Н. Ф. Шмаль по текущим делам, заслушал товарища М. М. Стрельника по плану

полетов на май месяц и на этом закончился день. Домой приехали к 20.00. Владимир Рейнгольдович Пинн сварил пельмени, которые вдруг отыскались в верхнем отделении холодильника. Можно было поужинать. Нет. Одному плохо. Больше я свою Алевтину Васильевну раньше в Москву не пущу. Пусть делит все невзгоды пополам. Хорошо, что еще занимаюсь вечерами заполнением дневника, а то вообще хоть волком вой.

Сегодня запросил встречу министр обороны. Я терялся в догадках о причине этой встречи. Мои помощники предполагали, что речь пойдет о предстоящих учениях, но когда мы зашли в зал встреч, где уже был МО СРВ, там находился министр путей сообщения, в том числе и водного транспорта. Меня познакомили с ним, мы заняли места вокруг стола и министр обороны начал излагать суть дела. Оказывается в период 1944-1945 гг., когда Япония уже теряла свое могущество в этом регионе под ударами американского флота, особенно после атомных взрывов над Херасимой и Нагасаки у берегов Вьетнама было затоплено около 187 судов, в том числе около половины военных. Многие гражданские суда были водоизмещением от 600 до 6000-8000 тысяч тонн. На этих гражданских судах было много олова, свинца, слюды и других ценностей, хотя это надо подтвердить разведкой. Вьетнамские товарищи хотят поднять эти суда и просят нашей помощи. Многие суда, как стало ясно из обзорной каты, находятся в 500-600 метрах от берега, многие до нескольких десятков км, но все же основная масса непосредственно у берега на всем протяжении от Дананга, до Камрани и южнее. Они сообщили, что им предлагают свои услуги американские, японские, голландские и другие формы, но они не хотят с ними связываться, т. к. они будут вести разведку всего побережья. В этом есть доля правды, но дело не только в этом. Видимо вьетнамская сторона этим самым хочет подстегнуть нас к принятию предложения об оказании помощи в решении этой проблемы. После МО СРВ выступил министр путей сообщения. Он ничего нового не добавил, за исключением того, что координаты каждого затопленного корабля имеются и что это будет облегчать работу. Я заявил им, что доложу министру обороны СССР и начальнику Генерального штаба по этому вопросу и попросил приложить к их просьбе карту с нанесенными координатами затонувших кораблей. Я заметил товарищам, что я не специалист по этому вопросу, но поскольку я читаю печать и литературу, я знаю, что у нас этому вопросу не уделялось большого внимания и наши возможности ограничены. Я вспомнил случай в бухте "Золотой Рог", где в течение нескольких дней не могли поднять одну посудину. После ухода министра путей сообщения, мы

решили еще несколько текущих вопросов: - о дополнительных поставках ВНА ГСМ и боеприпасов; - о моем предстоящем посещении генерального секретаря товарища Ле Зуана.

Я изложил министру обороны СРВ вопросы, которые буду ему докладывать, с которым он согласился. Министр обороны СРВ генерал армии Ван Тиен Зунг ни сейчас, ни в будущем о содержании докладов не спрашивал, если я сам ему об этом не говорил. На этом встречу мы закончили.

С утра тридцатого апреля готовился к совещанию с офицерами. Надо кое-кому серьезно указать на недисциплинированность и пьянство и поставить задачи на май месяц. В 11.00 офицеры и генералы были собраны. Были здесь и те, кто без моего ведома, но с ведома моих заместителей уехали на неделю на юг. Просто воспользовались непорядочностью Ж. К. Кереева. Все это и было высказано по адресам в присутствии всех руководящих товарищей. Мне пришлось заявить, что здесь один есть главный, а не два и не три. Это должен помнить каждый генерал и офицер. Я имел в виду генерал-лейтенанта П. С. Печерского и Н. А. Трегуб. Затем я поставил задачу на май. Речь шла о подготовке перспективного плана на будущую пятилетку. Это сложный вопрос. С одной стороны мы должны совместно с вьетнамской стороной разработать этот план, а с другой у нас нет материальной основы, нет решения Министерства обороны. Затем я объявил приветствия по случаю празднования 1-го Мая от нашего руководства нашему коллективу.

Закончив совещания, я уехал домой на обед. Обедали в "Ба-Ба". Затем продумал выступление у чехов на дружеском вечере. Это не простой вечер и нельзя было пойти без подготовки. В начале я не собирался писать, но потом решил написать и правильно сделал. Бумага дает возможность лучше осмыслить все. Я быстро набросал текст и он, по моему мнению, получился хороший. Я его показал своему помощнику полковнику Алексею Егоровичу Бондареву, который высоко его оценил, особенно душевную сторону. Он предложил мне отпечатать его, чего я не собирался делать. Его настойчивость победила. Я отдал ему текст и он уехал печатать. Сам решил сходить к возвратившимся из Кампучии строителям. Когда я подошел к гостинице, они стояли на балконе второго этажа. Я поднялся, поздоровался со всеми и они мне начала излагать все свои похождения. Оказывается у них были очень трудные переговоры с Сой Кэо - НГШ НРЛК. Я понял свою ошибку. Надо было все вопросы по Кампучии решить здесь, а потом ехать туда. Но мои товарищи решили, что им там будет также легко решать вопросы, как и здесь. Вот эта самоуверенность и привела к этому. Сейчас надо будет поправлять дело. Думаю,

что мне это удастся сделать через товарища Фунг Тхе Тая.

Оставалось до встречи с чехословацкими друзьями 30 минут. Я решил откланяться и уехать. Так и было сделано. К чехословацким друзьям прибыл ровно в 19.00. Они меня ждали и очень обрадовались. Во всяком случае так мне показалось. Думаю, что это было искренне. Мы расцеловались с послом и посольскими товарищами и мне тут же предложили стаканчик сливовицы. С этого и началось. Вечер был задуман в саду, на лоне природы, но было дождливо и решили перенести в посольство. Зал был маленький и с большим трудом вмещал около 70 человек. Но, как говорят, в тесноте да не в обиде. Мне было отведено место за центральным столом, где сидели посол ЧССР, СССР с женами, я и секретарь парткома посольства Юрий Николаевич Урицкий. Наш посол несколько задержался. Всех попросили проходить сразу на свои места, т. к. в зале не было свободного места для размещения народа. Вскоре появился посол с Галиной Александровной и дочерью Светланой. Вечер начался тостом Богуслава Гандл. Он очень тепло говорил о празднике, о дружбе, о наших взаимоотношениях. Затем с тостом выступил посол СССР товарищ Б. Н. Чаплин. Он хорошо говорил, обо всем упомянул, что было важного на данном этапе. В заключение он преподнес самовар- петух, который при закипании начинает петь. Я не знал будут ли еще тосты, хотя был предупрежден об этом, т. е. о том, что меня попросят произнести тост. В зале после тостов послов шум постепенно нарастал и я боялся, что скоро эта публика будет неуправляемая. Я решил не затягивать время и спросил у посла ЧССР разрешение произнести тост. Я не стал доставать свой конспект, я решил высказать своими словами. Получилось отлично. Я сумел передать на 90% все то, что было в тексте. Тост был воспринят очень хорошо. На перерыве мне говорили, что я покори́л всех своим тостом и песнями. Да! Я пел вместе с другими. Они все пели и по -русски, и по -чешки. Особенно здорово поют чехи и словаки. У них прекрасные голоса и они хорошо знают наши советские песни и свои чешские и словацкие. На вечере много было уделено внимания Ярославу Гашеку, которому недавно праздновали 100-летие со дня рождения. Разгадывали кроссворды, читали сатерические рассказы. Затем танцевали, затем опять садились за стол и разошлись в два часа ночи. Удивительно, что никто не заметил, как быстро пролетело время. Владимир Давыдов по пути домой уговорил нас с Алексеем Александровичем Сергеевым зайти на 10 минут к нему. Ему, видите ли, захотелось обмыть внука. Вдруг дед расчувствовался и вспомнил, что у него есть внук Денис, но беда, что не Давыдов, так как внук от дочери. Этим

обстоятельством он огорчен. Видимо они хотели, чтобы ему дали их фамилию. Давыдовых, а отец не согласился.

Вот и праздник солидарности трудящихся 1-ое мая. В 9.30 появился в доме Г. К. Филоненко. Он инициатор этого праздничного обеда. Первоначально предполагалось организовать обед в Кемлиене на квартире у Филоненко, но затем все изменилось. Дорцев Юрий Степанович не согласился участвовать в этом обеде по причине болезни. Возможно это и так. Я не стал демонстрировать свое появление в Кемлиене. Зачем мне это нужно. Решили организовать обед у нас в доме No2. Здесь можно спокойно посидеть, поговорить, спеть, станцевать, кино посмотреть. Вот так и порешили. Были приглашены генерал Н. Ф. Шмаль с супругой, генерал Г. К. Филоненко со Светланой Витальевной, генерал П. Р. Бражко с женой, полковник А. Е. Бондарев с женой, Сергей Мачел, Геннадий с Жаной, да Пинн. Вот и все участники торжества. Все прошло хорошо. Много пели, мало танцевали, а надо бы больше. Надо двигаться. Дело, видимо, в том, что сказывается усталость. Я был немного уставшим и это в какой-то степени передавалось другим. Посмотрели фильм "Вокзал на двоих". Кто отозвался хорошо, кто плохо, а я думаю, что и такие фильмы нужны.

В 17.00 гости разошлись. Могло прийти второе, как говорится, дыхание, но зачем это нужно? Это значит до 10-11 вечера. Попрощались. Я заказал Москву, поговорить с Алевтиной Васильевной, поздравить ее и Лидочку, но что-то молчит телефон. Возможно куда-нибудь ушли в гости. Ведь у нас друзей много и ходить есть куда. Буду ждать звонка, а пока заполняю дневник. За последнее время почему-то очень пухнут ноги. В чем дело? Доктор давал таблетки, но сейчас запретил их употреблять. Видимо надеется на то, что все пройдет само по себе. Вообще надо меньше нагружать их. Вспомнил Женсена Кереева. Да, дело плохо. Видимо он больше не вернется сюда. С такой болезнью ему здесь делать нечего. Кто придет на его место - трудно сказать. Думаю попросить Николая Григорьевича Михайлова. Он неплохой товарищ, но мать жены очень больна и вряд ли он согласится. Других я не знаю. Может быть попросить Фролова Николая Александровича. Он хороший товарищ, но вряд ли его отпустит Николай Васильевич Огарков.

Обещал сегодня встретиться с Ивановым Виктором Ивановичем, но решил отложить встречу. Слишком большие нагрузки. Зачем они приехали именно на праздники. На что они рассчитывали. На 22-23 февраля был товарищ Токун Александр Петрович с супругой, а сейчас на Первомайские праздники генераллейтенант-инженер Иванов В. И. с целой группой в 12

человек генералов и офицеров. Неужели не хватает рабочего времени для встреч. Почему именно в праздники. Лишают людей последних часов отдыха. Вот и завтра надо присутствовать на переговорах. Вот так день за днем.

Утром приехал Алексей Егорович Бондарев. Он сообщил, что у нас все в порядке, никаких распоряжений нет. К 8.30 поехали в Ба-Ба на переговоры. Я решил облегчить участь наших товарищей и принять участие в переговорах. Как показали сами переговоры, я сделал правильно. Мы быстро договорились по всем пунктам. Решили в окончательной редакции доложить к 17.00, а завтра, третьего мая, рассмотрит вьетнамская сторона. Подписание на 17.00 4 мая. Очень хорошо. Все спокойно обсудим и решим. Подошел Сергей Макеев и сообщил, что у нас в тексте биографии товарища Ван Тиен Зунга ошибка, он родился не 12, а 2 мая. Как говорят: "Здравствуйте, я Ваша тетя". Так и у нас. Надо было срочно написать текст, найти папку, все отпечатать, найти сувенир, и все это за 2-3 часа. Но все благополучно завершилось. Папка найдена, текст отпечатан и сувенир тоже найден - кортик. Хорошо, что все так благополучно закончилось. Надо было еще написать шифровку о начале вывода вьетнамских войск из Кампучии. Да! Именно 2 мая. Оперативно написали шифровку и отправили МО СССР. Сейчас спокойнее на душе. В 13 часов дали Москву и переговорил с Алевтиной Васильевной.

Утром поехали встречать министра обороны Кампучии Бут Хонга. В 11.00 были на аэродроме. Вскоре прибыл самолет и мы пошли к трапу. Встречал с вьетнамской стороны Чан Ван Куанг, Фунг Тхе Тай и Ле Ван Чи, двое заместителей МО СРВ и заместитель начальника ГШ. Встречали военные атташе СССР, ВНР, ЧССР и ГДР - тех стран, которые с визитами посетит товарищ Бут Хонг. После встречи посидели в комнате встреч, попили чай, обменялись любезностями. Я пожелал делегации счастливого пребывания в СССР. Это было воспринято хорошо. К сожалению мне к 3 часам надо было ехать к товарищу Ле Зуану. Я попросил извинения, сообщил, что провожать приедет мой заместитель генерал- майор Ю. С. Дорцев. До встречи оставалось два часа. Мы пообещали в столовой и я еще раз все продумал по встрече. Не хотелось огорчать товарища Ле Зуана нагромождением неприятных цифр. Ведь он уже немолод и все воспринимает болезненно. Когда мы приехали к зданию ЦК, там нас уже ждали. Мы начали беседу раньше намеченного срока. Я немного поторопился. Надо было сделать некоторую выдержку. Поблагодарив за предоставленную возможность встретиться, за внимание, поздравил его с Первомайским праздником и 8-ой годовщиной освобождения страны. Я пожелал товарища Ле Зуану

крепкого здоровья и больших успехов в работе на благо укрепления позиций социализма в ЮВА и во всем мире, дружбы между нашими партиями, народами и армиями. Затем Ле Зуан очень тепло поблагодарил меня за поздравление. Образовалась пауза и я решил перейти к основному разговору. Начал с того, что подчеркнул большое значение совещания в Хошемине для дальнейшего строительства ВС СРВ, которое определило стратегическую линию их строительства. В этом его главная суть. Затем я подчеркнул плановость строительства ВНА благодаря заботе КПВ, вьетнамского правительства и своевременным поставкам из СССР вооружения и техники. Затем я изложил главный вопрос - вопрос материальной обеспеченности офицерского состава и его влияние на состояние воинской дисциплины и сообщил ему, что мы, совместно с командованием ВНА, разработали план укрепления воинской дисциплины. Товарищ Ле Зуан поблагодарил меня за доклад, подчеркнул понимание моей озабоченности положением дел с дисциплиной и материальной обеспеченностью офицерского состава. Нам понадобится, сказал он, не менее 10 лет для решения этих вопросов. Без помощи СССР нам сейчас трудно будет решить поставленные вопросы. Закончив беседу, он поднял рюмку за мое здоровье. В свою очередь поднял рюмку за его здоровье, трижды подчеркнул свое пожелание крепкого здоровья товарищу Ле Зуану. Он решил меня проводить до самого выхода из здания ЦК. Зачем он это сделал, я не знаю. Может быть потому, что перед этим, примерно за месяц, расползлись слухи о его тяжелом состоянии. Да! Видимо в связи с этим он решил подчеркнуть свою бодрость. А может быть и нет. Возможно ему очень понравилась беседа и он решил подчеркнуть свое уважение ко мне и к моим двоим спутникам - переводчику Сергею Макееву и полковнику Бондареву Алексею Егоровичу. Он расцеловал меня, а затем и их. Мы тепло пообщались.

Приехав в штаб, мне сообщили ошеломляющую новость - умер Женсен Кереев. Вот тебе и жизнь. Был человек и нет человека. Надо было сообщить вьетнамским товарищам, все предусмотреть у себя в коллективе. Вызвал генералов Шмаль, Дорцева, секретаря парткома, Попова и распорядился по делам, связанным с похоронами Женсена Кереева. Затем пошел на узел связи и вышел на Николая Александровича Зотова. В конце спросил о звании. Осенью. Так сказал Мо СССР.

Отдав необходимые распоряжения, в 19.00 уехал домой. Не мог больше работать. Надо подумать, что делать дальше. Генерал-лейтенант В. Д. Серых сказал, видимо, правду - зачем Вам этот объект. Зачем? Как он был прав. Он видимо все знал и все

правильно предвидел.

Удивительно гнетет общая обстановка. Никогда в жизни этого не испытывал. Даже не предполагал, что так может быть. Ведь это не первая граница, но то было совершенно другое, ничем не похожее на эту обстановку и самочувствие. Как-то все гнетет, давит, все неинтересно, скучно и однообразно. Могут подумать, что это только у меня такое минорное настроение и самочувствие. Нет, это почти общее явление. У нас даже говорят, говорят правильно, что в этом климате не болеют только ненормальные люди. Все нормальные люди должны болеть и болеют. За сентябрь прошлого года, когда мне делали операцию аппендицита, сделали эту операцию еще 12 человекам наших специалистов. Что это - случайность? Видимо нет. Это какая-то закономерность. Ведь наших специалистов в Ханое 300-350 человек и на это количество 130 операций. Болеют кто чем. У кого скручивает руки, у кого выпадают зубы, у кого воспаляются легкие, у кого печень, почки, желудок и что угодно. Да! К сожалению это реальная действительность. Ну что это я взялся описывать болезни. Основной задачей дня было принять делегацию от ГШ и МО СРВ, изъяввших желание выразить соболезнование по случаю безвременной кончины Ж. Кереева, отправить соболезнования на имя МО СССР и начальника ГШ СССР от МО и начальника ГШ СРВ, написать шифровку о встрече с товарищем Ле Зуаном. Все это заняло целый день, а в 18.00 надо было быть на подписании рабочих протоколов по Камрани и Реаму. Так и прошел день в заботах. К 18.00 поехал в Ба-Ба, где и должны были подписать протокол, а затем товарищ Фунг Тхе Тай особо подчеркнул роль ГВС в этом деле. Я был признателен за такую оценку. После ужина прибежал Сергей Макеев и сообщил, что меня приглашают на переговоры Маршал Советского Союза товарищ Огарков Н. В. Через 25 минут я был на пункте переговоров. Речь шла о предстоящих мероприятиях и нашей роли. Он задал вопрос о Керееве. Знаю ли я об этом. Я доложил, что мне все известно, но я понял и другое. Видимо Н. А. Зотов ничего не докладывал о соболезновании МО и начальника ГШ СРВ. Ведь под ними была моя подпись. Спросив о погоде, о настроении, я поблагодарил его и на этом разговор закончился. Домой пришел усталый. Немного почитал информацию, доклады и решил прилечь на диване. Было где-то 11.30 вечера.

В штаб решил не ехать, так как в 9.00 надо ехать к послу с Иванниковым Виктором Ивановичем. Он хочет доложить о проделанной работе за 11 дней. В 9.30 были у посла. На несколько минут зашли к советнику-посланнику товарищу Мякотных Юрию Николаевичу. Он собирался угощать нас чаем,

но зашел референт посла и сообщил, что посол ждет нас. Мы пошли к послу, уселись за стол и начался деловой разговор. Докладывал вначале Виктор Иванович, затем я доложил о встрече с Ле Зуаном, затем обменялись новостями текущего порядка и разошлись. Затем на несколько минут зашли к товарищу полковнику Багурину Юрию Петровичу, затем к нашему аташе к генералу Давыдову Владимиру Александровичу, а затем только в Ба-Ба. Там вместе с московскими товарищами посидели, попрощались и я уехал домой.